

БЕСѢДЫ О РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

1881
C
100

891
С-39(1)

Андрей Сиротининъ.

№ 206

Камышиловская

мужская прогимназія

БЕСѢДЫ

О

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Родное слово, рѣчь народа!
Въ твои хранительныя грани
Народъ слагаетъ въ видѣ дани
Всю жизнь свою, свои мечты,
Геройскій мечъ питомца брани,
Понятій нити, мыслей ткани
И чувства свѣжіе цвѣты.

А. Мицкевича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.

1909.

1362a + 107a
80 ✓

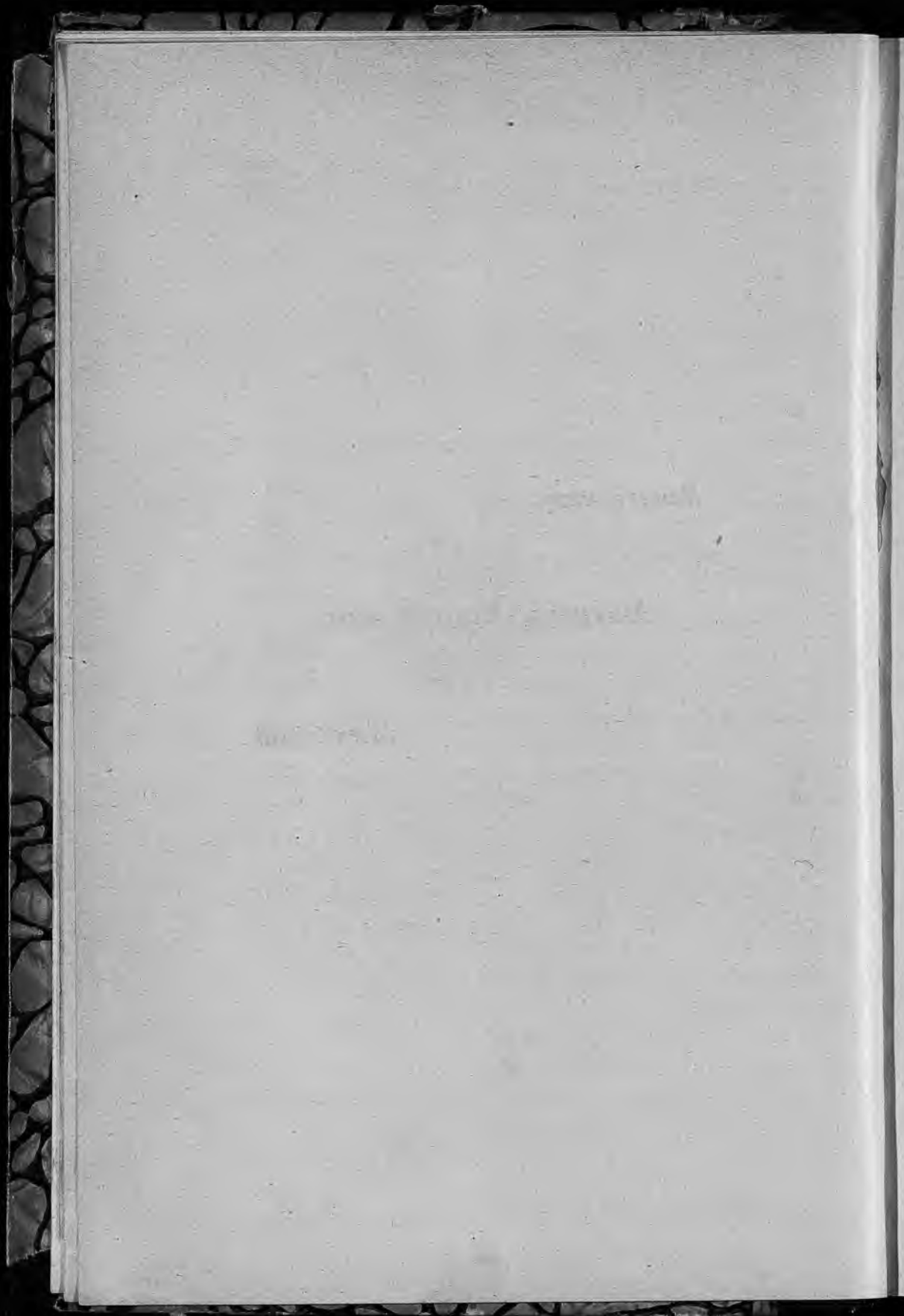

3810

Памяти няни

Матрены Мартиновны

Михеевой.

Книга эта—не исторія русской словесности и не пособие для ея изученія. Это простыя и непринужденныя о ней бесѣды. Зародились онѣ однако, хотя и не всѣ, въ стѣнахъ средней школы, и она наложила на нихъ свою печать. Она опредѣлила характеръ изложенія. Она же очертила для него опредѣленный кругъ.

Когда-нибудь, когда творческая мысль коснется наконецъ нашего учебнаго дѣла и школа наша, сохраняя свои общеобразовательныя задачи, станетъ дѣйствительно народной,—и народная словесность будетъ изучаться въ полномъ ея объемѣ: какъ книга вѣрованій народа, его мифологія и догматика, какъ лѣтопись подвиговъ народныхъ, его исторія, и наконецъ какъ картина его быта. Въ настоящее время изъ этихъ трехъ областей словесности проходитъ только вторая, да и то въ самомъ жалкомъ видѣ, въ разрозненныхъ и не связанныхъ другъ съ другомъ обрывкахъ. Не уходя совершенно изъ рамокъ современной программы, но и не удовлетворяясь ею, авторъ этой книги ограничилъ свою задачу областью историческихъ былинъ и пѣсенъ, рассматривая ихъ однако въ болѣе или менѣе полномъ объемѣ. Такимъ образомъ книгу эту можно было бы назвать бесѣдами объ историческомъ прошломъ русскаго народа, какъ оно отразилось въ народной пѣснѣ.

Точка зрѣнія, съ которой рассматриваются въ книгѣ произведенія народной словесности, опредѣляется положеніемъ, занимаемымъ русскимъ языкомъ въ общей системѣ

преподаванія. Какъ ни стараются въ послѣднее время расширить задачи гимназій, она надолго останется школою ума по преимуществу. Но образованіе ума можетъ идти въ трехъ направленіяхъ: формальнаго развитія, обогащенія реальными знаніями и наконецъ гуманитарнаго воспитанія. Въ дѣлѣ формальнаго развитія роль русскаго языка сравнительно съ языкомъ латинскимъ и математикой совершенно ничтожна. Реальныя знанія даются наукою о природѣ и человѣкѣ вообще и въ частности отчизновѣдѣніемъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Важную лепту вносить сюда, конечно, и русская литература. Но ея главное дѣйствіе не въ этомъ. Хранилище самыхъ заветныхъ думъ народа, его чаяній и надеждъ, она въ то же время полна чистѣйшаго и глубоко-воспитательнаго идеализма. Русскіе писатели завоевали себѣ мѣръ вѣковѣчной правдой своихъ идеаловъ, и послѣ древне-греческой нѣтъ литературы, которая могла бы въ такой мѣрѣ стать двигателемъ гуманитарнаго образованія, какъ литература русская. Былины же по чистотѣ чувства, по красотѣ его выраженія—одинъ изъ лучшихъ ея перловъ. Раскрытіе ихъ содержанія съ этой стороны особенно важно, и если бы даже здѣсь явились разныя толкованія, что изъ того? Все живое по необходимости индивидуально. Поправкою же къ возможнымъ ошибкамъ будетъ всегда служить само изучаемое произведеніе, непосредственное дѣйствіе на насъ заключенныхъ въ немъ образовъ красоты.

Отвѣчая задачамъ воспитательнымъ, такая точка зрѣнія чрезвычайно удобна и въ другихъ отношеніяхъ. Въ настоящее время въ области русской словесности нѣтъ вопроса болѣе запутаннаго, чѣмъ вопросъ о былинахъ. Разлагающая работа анализа здѣсь въ полномъ ходу; не осталось камня на камнѣ не потревоженнаго; параллелей накопились цѣлыя груды, и за деревьями давно уже почти не видно лѣса.

Чтобы возвыситься надъ всей этой массой разбросанныхъ фактовъ, есть одно средство: взглянуть на былины съ точки зрѣнія ихъ художественной концепціи, ихъ замысла и уклада, ибо, каково бы ни было ихъ происхожденіе, онѣ во всякомъ случаѣ уже сами по себѣ, во-первыхъ, фактъ народной жизни, отраженіе чувствъ, думъ и надеждъ народа, а во-вторыхъ, и самодовлѣющее произведеніе искусства. Какъ такое, онѣ подлежатъ прежде всего критикѣ эстетической. Результаты, добытые ею, не могутъ быть безразличны и для науки. Для популярнаго же изложенія такая точка зрѣнія незамѣнима: не отвлекая вниманія отъ художественнаго цѣлаго, она не устраняетъ въ то же время ни одной изъ существующихъ научныхъ теорій, заимствуя изъ каждой изъ нихъ то, что въ ней есть вѣрнаго, и такимъ образомъ собирая около основной идеи былины всѣ результаты научнаго анализа. Опытъ такого популярнаго изложенія мы дали при разборѣ былины о Святоторѣ. О бродячихъ сюжетахъ дадутъ понятіе приложенія къ былинѣ о Садкѣ. Въ остальномъ можно было уже ограничиться только краткимъ указаніемъ существующихъ предположеній и параллелей, обративъ главное вниманіе на самое существенное, что есть въ каждой былинѣ, — на раскрытіе идеи изъ того образа, въ который она воплотилась.

Здѣсь явно обнаруживаются двѣ стороны изучаемаго предмета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и двѣ задачи изученія: анализъ мысли и анализъ формы. Но здѣсь же открываются и слабыя стороны современнаго преподаванія русской словесности въ гимназіи, гдѣ, начиная съ 5-го класса, не сходятъ съ языка слова: „поэзія“, „проза“, „художество“, хотя понятія эти выясняются только въ 8-мъ классѣ. Такая постановка дѣла явно неосновательна. Рука объ руку съ изученіемъ народной мысли и ея постепеннаго развитія въ исторіи словесности должна идти и такъ называемая теорія словесности,

вѣрнѣе, та часть эстетики, которая обнимаетъ собою искусство слова. Въ частности рядомъ съ идейнымъ содержаніемъ былинъ должна быть раскрыта и ихъ художественная красота. Но чтобы правильно оцѣнить ее, необходимо раньше установить общія точки зрѣнія. Этимъ объясняется значительное количество мѣста, отведенное нами въ третьей части книги для уясненія общихъ художественныхъ законовъ. Выработать полную программу эстетики съ распредѣленіемъ матеріала по классамъ должно быть одною изъ задачъ будущаго русской школы.

Остается сказать теперь еще объ одной особенности настоящей книги.

Въ обзоръ русской исторической поэзіи введены малорусскія думы. Это не согласуется съ общепринятымъ обыкновеніемъ. Но что-нибудь одно. Или малороссы представляютъ собой совершенно отдѣльный народъ, имѣющій съ великоруссами лишь столько же общаго, сколько и другіе славяне, или это два развѣтвленія одной и той же вѣтви. Но въ такомъ случаѣ непонятно, почему въ исторію русской литературы не входятъ ни малорусская литература ни малорусская народная поэзія. Вѣдь это тоже произведенія русскаго генія. Русское, чтобы быть полнымъ, должно явиться во многоцвѣтности своихъ разновидностей, и расширеніе изученія русскаго языка и словесности требуется не соображеніями мѣстнаго сепаратизма, а мыслью объ единствѣ русскаго народа. Не какъ особая дисциплина, а какъ часть науки о русскомъ языкѣ, изученіе малорусской словесности одинаково важно для сѣвера, какъ и для юга Россіи.

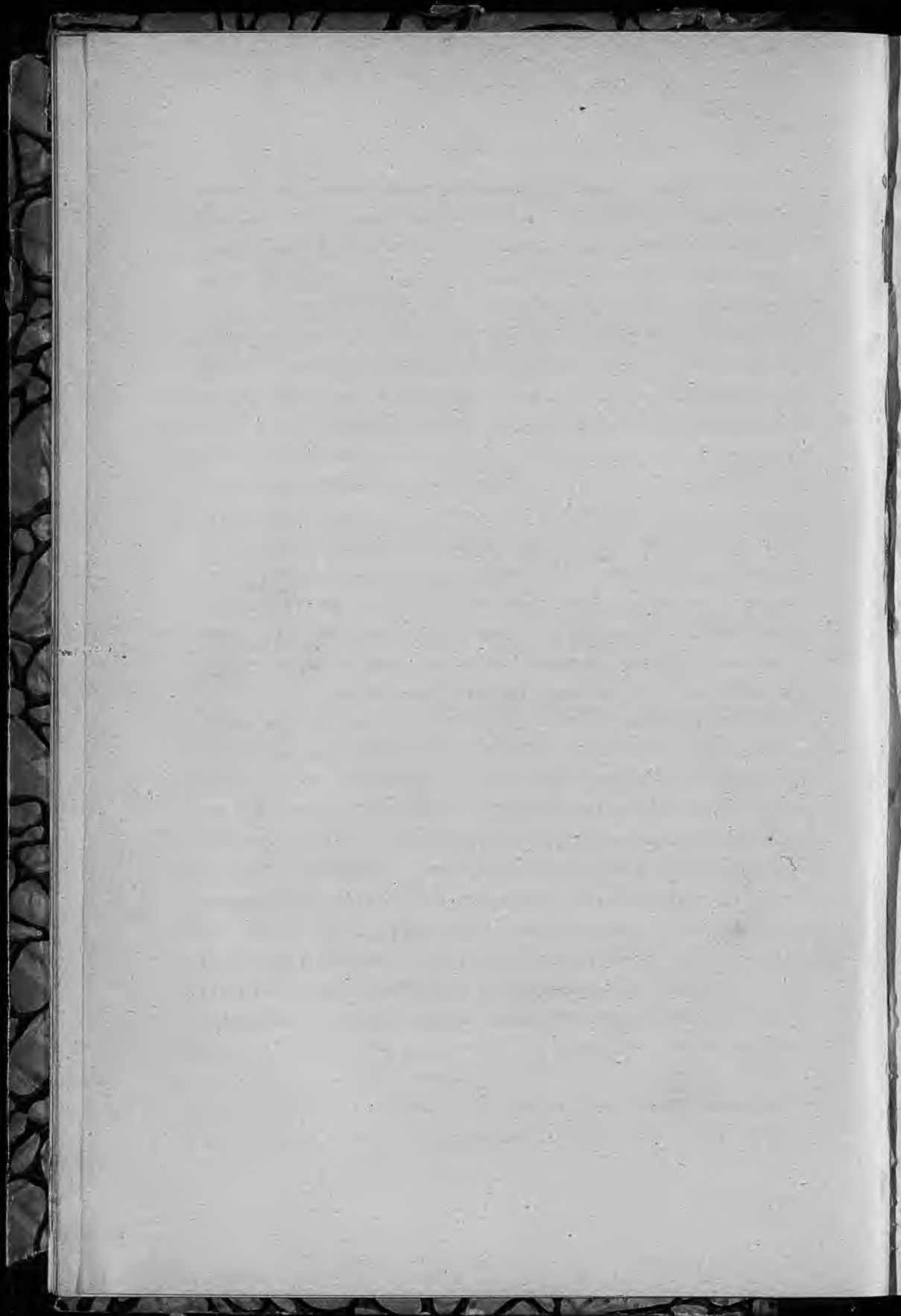
Болѣе научная постановка русскаго языка въ средней школѣ рано или поздно неизбѣжно приведетъ къ введенію въ нее и славянскихъ языковъ, хотя бы на мѣсто уничтоженнаго греческаго. Выходя изъ школы, человѣкъ долженъ знать, каковаго народа и племени онъ сынъ, чего ждетъ отъ

него, въ чемъ нуждается страна. Россія давно уже безсознательно тяготѣетъ къ славянству и недаромъ на каждой страницѣ славянскаго возрожденія записано ея имя. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ расти этотъ „пламень влеченій сокрытыхъ“, и школа, не выходя изъ предѣловъ чисто педагогическихъ и научныхъ, должна заранѣе готовить почву для славянскаго міросозерцанія, ибо безъ серьезнаго знанія славянства не можетъ быть и пониманія русской жизни. Вотъ почему мы съ особенной охотой останавливались въ этой книгѣ на славянскихъ параллеляхъ и не разъ приводили славянскіе тексты въ подлинникѣ: обличая близкое родство всѣхъ славянскихъ племенъ въ языкѣ, они свидѣтельствуютъ объ ихъ родствѣ и единствѣ духовномъ и вводятъ читателя въ потокъ общеславянской жизни. Россія, если только ей суждено великое будущее—а въ это мы вѣримъ—не можетъ не быть сознательно славянской, и передъ кѣмъ же объ этомъ свидѣтельствовать, какъ не передъ тѣми кто молодъ, въ чьихъ рукахъ все наше будущее.

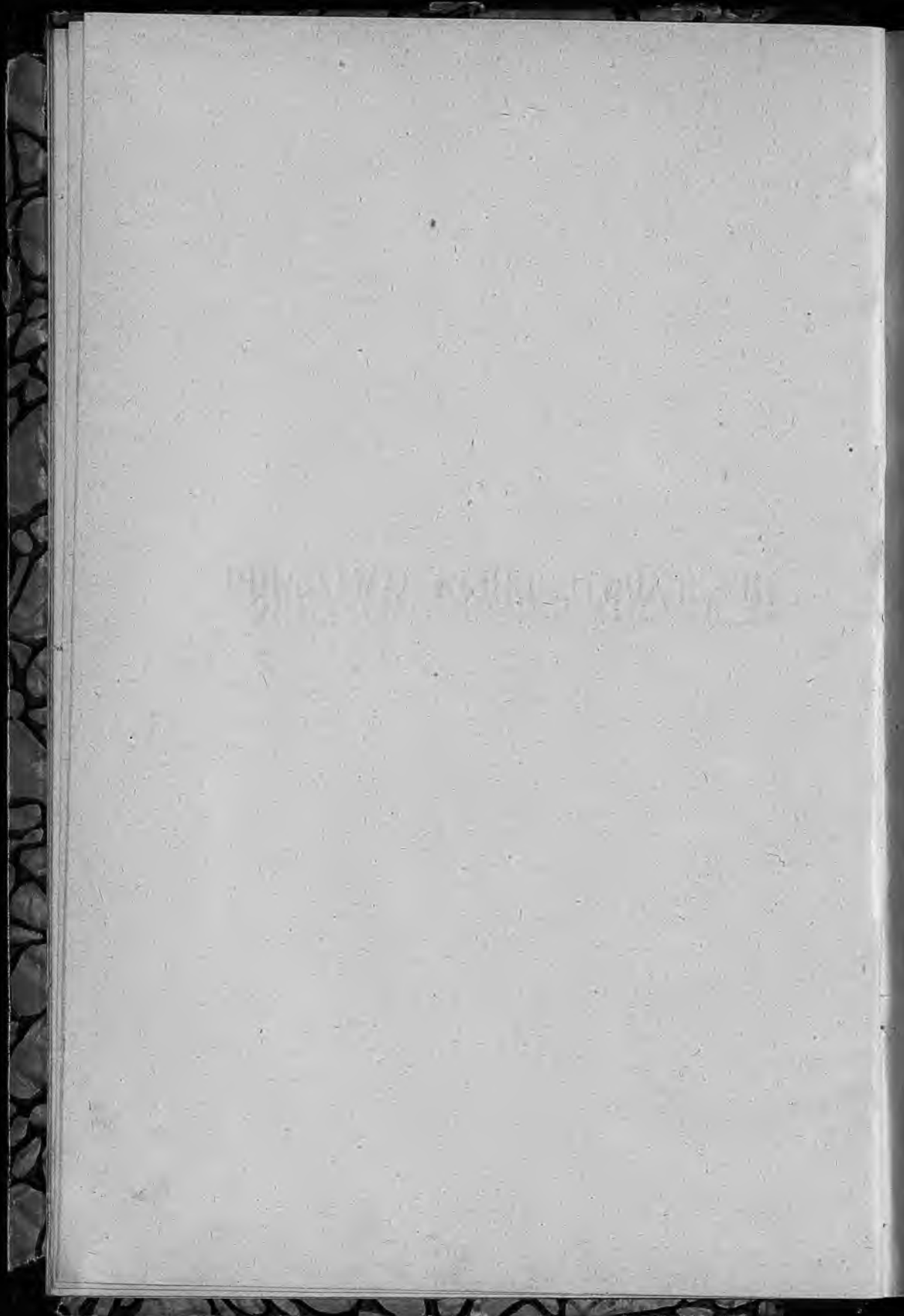
И книга наша, повѣсть о стародавней были русскаго народа, обращена вся лицомъ къ молодости. „О, молодость! орлиная—сила твоего полета; ты емлешь то, чего взоръ не емлетъ“. Но нѣтъ на землѣ дѣйствія, которое бы не нуждалось въ точкѣ опоры. Прошедшее нехорошо, когда тяжелой гирей удерживаетъ оно духъ человѣческой отъ полета. Но кто съ нимъ не считается, тотъ подкапываетъ почву подъ самимъ собой. Преданіемъ живъ народъ, и если мы вѣримъ въ великое будущее русскаго народа, то это потому между прочимъ, что въ свѣтлую даль этого будущаго зовутъ насъ преданія, заключенныя въ нашей народной поэзіи.

А. С.

Варшава.
8 сент. 1908 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

1.

Первый вопросъ, который является при изученіи всякой, а слѣдовательно и русской словесности, есть: что такое „словесность“. Слов-ес-н-остъ есть слово, производное отъ прилагательнаго *словесный*, которое въ свою очередь происходитъ отъ коренного выраженія: *слово*. Что же такое слово?

Слово въ минуту своего образованія было живымъ отпечаткомъ первоначальнаго впечатлѣнія, полученнаго человѣкомъ отъ того или другаго явленія, какъ бы мгновеннымъ снимкомъ, сдѣланнымъ съ этого явленія. Какая сторона явленія особенно поразила человѣка, та и отпечатлѣлась въ созданномъ имъ словѣ. Такъ при словѣ „кукушка“ передъ нами и теперь сразу возникаетъ образъ маленькой птички и ея однообразное ку-ку, услышавъ которое, бывало, спрашиваешь въ лѣсу: „кукушка, кукушка! сколько лѣтъ мнѣ еще осталось жить на свѣтѣ“. Въ малороссійской загадкѣ: „ой на горі гай, під гаєм мигай, під мигаєм сопай, під сопаєм хопай“ какъ ясно яркія и выразительныя народныя слова обозначаютъ впечатлѣнія отъ дѣйствій глаза, носа и рта! Съ теченіемъ времени однако эта живость первоначальнаго художественнаго образа стирается и смыслъ корня часто восстанавливается только путемъ разслѣдованія. Такъ лишь при помощи сравнительнаго языкознанія мы узнаемъ теперь, что въ словѣ „земля“ тотъ же корень, что въ латинскомъ

gigno — рождаю, и значить оно: „произрождающая“, мать всего живущаго, или что корень слова „птица“ *пѣтъ* (отъ греческаго *πέταρι* — лётаю) есть прямое звукоподражаніе шуму птичьихъ крыльевъ, когда они разсѣкають воздухъ. Поэтому лучше всего будетъ опредѣлить слово, какъ звуковой значокъ, сочетаніе изъ одного или нѣсколькихъ звуковъ, употребляющееся для обозначенія того или другого понятія.

Природа и особенности этого звукового значка выяснятся для насъ путемъ сравненія его съ другими знаками, которыми пользуется человѣкъ для обозначенія понятій, ибо слово не есть единственное для этого средство.

Кромѣ слова человѣкъ обозначаетъ понятія еще *черточками* или *красками*. Этимъ послѣднимъ родомъ значковъ обыкновенно пользуются рисовальщики и живописцы. Ясна разница между этими двумя родами знаковъ: слово дѣйствуетъ на умъ человѣка при посредствѣ слуха; черточки и краски говорятъ его глазамъ. Слово — сочетаніе звуковъ, слѣдующихъ одинъ *послѣ* другого *во времени*: выговаривая слово *икона* я сперва произношу *и*, потомъ *к*, *о*, *н* и наконецъ, *а*; каждый звукъ слышится здѣсь *послѣ* другого; черточки и краски располагаются одна *подлѣ* другой въ *пространствѣ* и могутъ быть видимы одновременно. Черточками и красками можно изобразить только вещественные, конкретные предметы, т.-е. только такіе, которые мы можемъ видѣть или осязать; словомъ обозначаются рѣшительно всѣ предметы, существующіе въ мірѣ — и конкретные и такіе отвлеченные, только въ умѣ существующіе, какъ *мысль*, *вниманіе*, *существовательное* и т. п. Нѣтъ такого предмета, котораго нельзя было бы обозначить словомъ. Въ этомъ смыслѣ слово есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ значковъ, употребляемыхъ человекомъ для обозначенія понятій.

Изъ предыдущаго ясно, что въ каждомъ отдѣльномъ словѣ надо отличать двѣ стороны — одну, такъ сказать, внѣшнюю, звуковой значокъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, другую — внутреннюю, — ту, что скрывается за этимъ

внѣшнимъ звуковымъ знакомъ или, лучше сказать, тотъ предметъ, что имъ обозначается. Прилагательное *словесный* есть не что иное, какъ *выраженный словомъ*, а потому и происходящее отъ него слово „словесность“ обозначаетъ все то, что выражено словомъ; а такъ какъ словомъ, какъ мы видѣли, выражается рѣшительно все, что существуетъ и въ мірѣ вещественномъ, природномъ и въ мірѣ умственномъ, духовномъ, то и словесность даннаго народа обнимаетъ собой всѣ представленія, мысли и чувства этого народа — весь знакомый ему міръ природный и всю доступную ему область духа. Изучить словесность народа значитъ ознакомиться съ этимъ народомъ вплоть до самыхъ глубокихъ тайниковъ его души. Изучить исторію его словесности это значитъ узнать исторію его духовнаго роста, узнать, какъ постепенно расширялся кругъ его представлений, какъ углублялась, крѣпла и росла его мысль, какъ проявлялись и воспитывались заложенные Богомъ въ его душу чувства, какъ развивался его характеръ.

Словесность иногда обозначается другимъ, иностраннымъ словомъ—литература; но это слово, какъ показываетъ самое его происхожденіе, гораздо хуже соотвѣтствующаго ему русскаго слова. Оно происходитъ отъ слова *littera* — буква, а буква это письменный значокъ для обозначенія на письмѣ того звуковаго значка, который мы называемъ словомъ. Итакъ, если слово есть только тѣнь обозначаемаго имъ понятія, то буква есть тѣнь тѣни, а потому и происходящее отъ него слово литература менѣе выражаетъ сущность дѣла, чѣмъ словесность, не говоря уже о томъ, что по самому объему своему оно уже и можетъ быть примѣнено только къ словесности письменной.

Изученіе словесности не есть какой-либо особый предметъ; это—лишь продолженіе изученія языка, такъ какъ, если словесность есть все то, что выражено словомъ, то въѣдъ языкъ есть не что иное, какъ совокупность всѣхъ словъ и ихъ взаимоотношеній. Какъ и въ каждомъ отдѣль-

номъ словѣ, въ языкѣ надо отличать двѣ стороны—внѣшнюю—формальную и внутреннюю существенную. Внѣшняя это все то, что касается собственно самихъ звуковыхъ знаковъ, которые мы называемъ словами. Сюда относится грамматика языка—1) фонетика и правописаніе, т.-е. ученіе о правильномъ произношеніи звуковъ, о законахъ ихъ измѣненія и изображеніи ихъ буквами, 2) этимологія, т.-е. ученіе объ образованіи словъ, 3) морфологія, ученіе объ измѣненіи слова, 4) синтаксисъ, т.-е. ученіе о соединеніи и взаимоотношеніи словъ и предложений, и наконецъ, 5) стилистика, подраздѣляющаяся въ свою очередь на лексику, ученіе о значеніи словъ и ихъ оттѣнкахъ, фразеологію, ученіе объ излюбленныхъ даннымъ народомъ сочетаніяхъ словъ, и стилистику въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. ученіе о подборѣ и извѣстномъ расположеніи словъ для той или другой цѣли.

Высшей ступеню въ изученіи языка является изученіе собственно словесности. Уже въ самыхъ корняхъ словъ, въ томъ или другомъ выборѣ звуковъ для обозначенія данного предмета сказывается міросозерцаніе народа, его взглядъ на окружающую его жизнь и отношенія людей другъ къ другу. Выросшій подъ ярко-голубымъ небомъ Аттики съ тонкими и изящными линіями ея красиваго пейзажа, веселый и жизнерадостный грекъ, для котораго жизнь была прежде всего наслажденіемъ, прощаясь навсегда съ любимымъ и дорогимъ для себя существомъ, недаромъ говорилъ ему: χαῖρε—„радуйся“; трезвый и практическій римлянинъ, сочинившій пословицу *mens sana in corpore sano*—здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ—говорилъ *vale*—будь здоровъ; славянинъ, чьи взоры всегда направлены къ высшей цѣли, къ высшимъ идеаламъ Божественной правды, на прощанье желаетъ оставаться „съ Богомъ“, а русскій человѣкъ, чью землю, по словамъ поэта ¹⁾,

Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ благословляя,

¹⁾ Тютчева.

разставаясь просить прощенія—„прощай“—прости,—и какъ ярко уже въ одномъ этомъ различномъ выборѣ словъ, употребляемыхъ при одномъ и томъ же случаѣ, сказалась разница въ міросозерцаніи различныхъ народовъ ¹⁾. Но нигдѣ съ такой полнотою и яркостью не выражаются всѣ взгляды народа на жизнь, какъ въ произведеніяхъ словесности, и, подразумѣвая прежде всего эту послѣднюю, сказалъ князь Вяземскій объ языкѣ:

Языкъ есть *исповѣдь* народа,
Въ немъ слышится его природа,
Его душа и быть родной.

Изучая языкъ на этой высшей его ступени, человѣкъ, для котораго онъ — родной, учится наилучшимъ завѣтамъ предковъ и запасается ихъ лучшими чувствами и мыслями, черпая въ нихъ для себя опору и руководство въ предстоящей ему жизни. Если же изучаемый языкъ для него чужой, онъ, изучая его и вникая въ эту откровенную исповѣдь чужого народа, который раскрываетъ передъ нимъ самые глубочайшіе тайники своего духа, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ себѣ новаго друга; обогащаются не только знанія его, но расширяется сердце сочувствіемъ къ ближнему и провѣряется совѣсть, потому что въ правдѣ народной жизни, каковъ бы ни былъ данный народъ, всегда есть отблескъ правды Божіей.

Велико значеніе слова. Оно есть одно изъ величайшихъ даровъ Бога человѣку—даръ, отличающій его отъ всей живущей твари и приближающій его непосредственно къ Богу, который самъ есть Слово: „Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ Богъ и Богъ бѣ Слово“. Самое слово „языкъ“ указываетъ на высокое нравственное значеніе этого дара Божья людямъ. Яз-ыкъ — польское *jęz-uk*; корень этого слова яз-jęz — тотъ же, что уз—въ словѣ уз-ы, уз-елъ, с-в-язъ, со-юзъ. Языкъ это узелъ, связывающій людей въ

¹⁾ Примѣръ этотъ указанъ проф. О. Зелинскимъ.

единое цѣлое, это—средство къ ихъ общенію, это путь къ единенію. Не для личнаго и эгоистическаго счастья создалъ Богъ людей и народы, не для того, чтобы они жили, отдѣлившись другъ отъ друга непроницаемой китайской стѣной, точно улитки, самодовольно замкнувшись въ своей скорлупѣ, но для того, чтобы они сообща дѣлали великое Божіе дѣло, исполняя первую и высочайшую заповѣдь Бога: „любите Бога всею душою своею и всей крѣпостью своей и любите ближняго своего, какъ самого себя“. И даръ слова данъ человѣку, какъ необходимое средство къ исполненію этой заповѣди. Этимъ нравственнымъ и общественнымъ значеніемъ слова мѣряется высокое нравственное и общественное значеніе словесности, которое сознаютъ и сами истинные художники слова. „Изучая чужую словесность“, пишетъ нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ, „мы заглядываемъ народамъ въ сердца и научаемся цѣнить и любить ихъ лучшія стороны; узнаемъ, что одна внутренняя связь одинаково объемлетъ ихъ всѣхъ и всѣхъ взаимно притягиваетъ. И чѣмъ больше растетъ и расширяется такое познаніе, тѣмъ болѣе является у нихъ основаній для взаимной любви“. На то же самое указываетъ въ своихъ лекціяхъ и великій славянскій поэтъ, Мицкевичъ. „Словесность“, говоритъ онъ, „есть поле, на которое всѣ славянскіе народы сносятъ плоды своей умственной и нравственной дѣятельности безъ всякой ненависти и раздоровъ. О, если бы встрѣча на этомъ прекрасномъ полѣ была залогомъ ихъ соединенія на другомъ, болѣе обширномъ поприщѣ!“ То, что сказано здѣсь о славянскихъ народахъ, относится и ко всѣмъ народамъ вообще. Дѣйствительно, словесность является въ настоящее время той областью, гдѣ враги безбоязненно сходятся въ одномъ лагерѣ, какъ свои. Больше: какъ друзья. Она есть уже не только путь, но до извѣстной степени и выраженіе человѣческаго единенія. И чѣмъ больше народъ служить въ своей жизни правдѣ Божіей, чѣмъ лучше онъ нравственно, тѣмъ богаче и тѣмъ краше цвѣтъ его народ-

ной жизни—его словесность. Слово крѣпкими нитями жизни связано съ дѣломъ. Слѣды этой связи доселѣ хранить языкъ нашего племени. Старинный русскій глаголѣ *дѣяти*, говоритъ Буслаевъ, заключаетъ въ себѣ одинаково и понятіе *дѣла*, откуда *дѣяніе*, *дѣятель*, и понятіе *слова*, откуда идетъ чешское *dím, diti*—говорю, говоритъ и наши частицы *де, дескать*. Но истинную цѣнность имѣетъ только дѣло правое, правда.—Отсюда съ одной стороны нашъ глаголѣ *править, управлять*, а съ другой польское *prawić*—говорить.

Люди давно уже почувствовали эту связь слова съ дѣломъ и потому такъ цѣнятъ великихъ художниковъ слова. Эта связь указываетъ, что и мы можемъ внести свою долю труда въ улучшеніе словесности. Если не каждый изъ насъ можетъ быть художникомъ, то каждый можетъ содѣйствовать росту и нравственному достоинству словесности, жизнью своей стараясь доказать, что ему недаромъ было дано Богомъ средство къ единенію во взаимной любви—даръ слова.

II.

Словесности столько же лѣтъ, сколько и человѣчеству. Когда человѣкъ, впервые увидѣвъ свѣтъ, издалъ свой первый кликъ, родилась и словесность. Еще не придумали люди никакихъ обозначеній для звуковъ и словъ, еще не было письменности и въ зародышѣ, а уже существовала словесность устная, и изъ устъ въ уста переходили ея произведенія. Радовался ли народъ счастьемъ или удачѣ, просилъ ли свыше новыхъ милостей, онъ собирался вмѣстѣ и славилъ Бога или своихъ языческихъ боговъ въ религіозномъ гимнѣ,—и вотъ явились первые образцы религіознаго творчества:

Весна, Весна красная!
Приди Весна, съ радостію,
Съ радостію, съ радостію,

Съ великою милостію,
 Со льномъ высокимъ,
 Съ корнемъ глубокимъ,
 Съ хлѣбами обильными.

Мать, закачивая своего ребенка, напѣвала ему убаюкивающую пѣснь, — и это была первая колыбельная пѣсня. Дѣвушка, готовясь къ вѣнцу, горько плакала при мысли о томъ,

Какъ хочетъ ее батюшка,
 Какъ хочетъ ее матушка,
 Что отдать ли во чужи люди,
 Во чужи люди незнакомые,
 На чужу дальну сторонушку,
 Ко чужому отцу, къ матери —

и зарождалась пѣсня свадебная. Добрый молодецъ, которому „соизволилъ родный батюшка, приказала родная матушка, чтобы женился онъ на иной женѣ“, размыкивалъ свое горе въ жалобной пѣснѣ „семейной“:

Ужъ я батюшки не послушаюсь,
 Родной матушки я послушаюсь,
 Обвѣнчаюсь я со иной женой,
 Я съ иной женой, съ смертью раннею.

Наконецъ, когда, собравшись, „бойцы вспоминали минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они“, раздавалась пѣсня-разсказъ о былыхъ богатыряхъ, что спокойно и невозмутимо спятъ теперь подъ безмолвными могильными курганами, и, величая, несла она столѣтія, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію и донеслась до нашего времени, иногда измѣняясь до неузнаваемости, а иногда сохраняя на себѣ отпечатокъ такой глубокой древности, о которой не запомнятъ ни историки ни лѣтописцы.

Но незапамятно старая, словесность въ то же время и вѣчно юная. Она связываетъ давно минувшее съ настоящимъ, а потому и съ будущимъ, ибо въ настоящемъ уже кроются зародыши будущаго и отъ того, что мы дѣлаемъ и сѣемъ, зависятъ будущіе всходы.

O, pieśni gminna! Ty arko przymierza
 Między dawnemi i młodszemi laty,
 W tobie lud składa broń swego rycerza,
 Swych myśli przędę i swych uczuć kwiaty.

Родное слово, рѣчь народа!
 Въ твои хранительныя грани
 Народъ слагаетъ въ видѣ дани
 Всю жизнь свою, свои мечты,
 Геройскій мечъ питомца брани,
 Понятій нити, мыслей ткани
 И чувства свѣжіе цвѣты.

Пѣсня это „ткань народной мысли“, это „цвѣтъ народныхъ чувствъ“, а мысль и чувства неразлучны съ человѣкомъ и народомъ. Покуда народъ живетъ, онъ мыслить, чувствуетъ и выражаетъ свои мысли въ словѣ, а потому нѣтъ и не можетъ быть такой ступени въ жизни народа, гдѣ не было бы словесности, и кто знаетъ, можетъ быть въ ту самую минуту, какъ мы говоримъ это, гдѣ-нибудь крестьянинъ, ходя за плугомъ, слагаетъ пѣсню, или въ кругу другихъ крестьянъ бросаетъ свое мѣткое наблюденіе надъ тѣмъ или другимъ жизненнымъ явленіемъ, и въ сжатой оправѣ пословицы оно пойдетъ потомъ гулять по свѣту, пока не будетъ записано какимъ-нибудь любителемъ народнаго устнаго творчества. Въ Цетинѣ еще на на нашей памяти одинъ изъ предковъ теперешняго черногорскаго князя, не умѣвшій ни читать ни писать, пѣлъ по вечерамъ въ кругу своихъ боевыхъ товарищей сложенные имъ пѣсни о Черногоріи, о сербскихъ юнакахъ и о кровавыхъ битвахъ ихъ съ турками, и эти пѣсни, подхваченныя народомъ, сдѣлались общимъ народнымъ достояніемъ, потому что выражали то, что чувствовалъ и думалъ весь сербскій народъ. Кто прислушивался къ удалымъ и залихватскимъ пѣснямъ русскихъ солдатъ объ ихъ вождяхъ и генералахъ въ войну 1877—1878 г., тотъ могъ наблюдать ходъ народнаго творчества почти въ самую минуту его возникновенія. Неисчерпаемый родникъ устной словесности можетъ изсякнуть только со смертью безпрестанно создающаго ее народа.

Но бессмертно человечество, не умретъ никогда и словесность. Постоянно однако измѣняются условія человеческой жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и форма и характеръ народнаго творчества. Иною была словесность въ прошедшемъ и иною, чѣмъ теперь, будетъ она въ будущемъ.

Въ началѣ своего существованія люди жили на землѣ, связанные одною только, крѣпкою, но чисто физическою, связью кровнаго родства. Это было время общиннаго, родового быта, черты котораго и теперь еще почти въ полной силѣ сохранились въ Черногоріи, гдѣ народъ живетъ цѣлыми семьями въ 30 — 70 человѣкъ въ такъ называемыхъ задругахъ, изъ которыхъ каждая, находясь въ дальнемъ родствѣ съ другими, подобными же задругами, составляетъ вмѣстѣ съ ними братство въ 300—700 человѣкъ, а братства образуютъ племя. Въ этомъ родовомъ, общинномъ бытѣ мало мѣста для проявленія личнаго начала, личныхъ чувствъ и воли, особыхъ стремленій и желаній каждаго отдѣльнаго человѣка. Здѣсь все — общее и одинаковое: занятія, интересы, цѣли. Даже собственности человѣкъ не имѣетъ своей лично, и земля, какъ и теперь еще въ великорусскихъ деревняхъ, принадлежитъ не отдѣльному лицу, не Андрею, не Ивану или Петру, а всей деревенской общинѣ вмѣстѣ. При такой одинаковости условій жизни болѣе или менѣе одинаковы у всѣхъ и образъ мыслей и строй наполняющихъ душу чувствъ. Что думаетъ и говоритъ одинъ, то думаютъ и говорятъ всѣ; и вотъ отчего въ эту пору и творчество народное имѣетъ видъ безличнаго, и мы, которые можемъ перечислить всѣхъ, и второстепенныхъ даже, поэтовъ позднѣйшихъ временъ, не знаемъ, кто создалъ юнацкія сербскія пѣсни о гибели сербскаго царства на Косовомъ полѣ, о Марко Королевичѣ или наши русскія былины о „Владимирѣ, князѣ стольно-кѣевскомъ“. Кто ихъ создалъ? *Народъ!* хотя безъ сомнѣнія и онѣ сначала были плодомъ личнаго творчества, ибо только избранные люди обладаютъ даромъ пѣсни. Сидя вечеромъ въ кружкѣ передъ палаткой и заваривая

кашу, какой-нибудь солдатъ, котораго слуху знакома мелодія созвучій, станетъ напѣвать:

Не пылъ во-полѣ пылить,
Пруссакъ съ арміей валить,

а другой прибавить:

Наши зачали палить
Дымомъ съ сажичей валить!

„Дымомъ съ сажичей валить!“ — подхватятъ остальные, — и готова солдатская пѣсня, близкая и знакомая каждому солдату, плодъ творчества личнаго, но и собирательнаго. На дальнемъ русскомъ сѣверѣ, гдѣ для убогаго народа, что ютится подъ землею въ темныхъ юртахъ, пріѣздъ каждого свѣжаго человѣка составляетъ уже историческое событіе, стоитъ заглянуть въ поселокъ становому, чтобы сложилась на глазахъ у наблюдателя „историческая“ пѣсня: „Лопарь сѣлъ за столъ, рассказываетъ нашъ путешественникъ по сѣверу Максимовъ, облокотился и вдругъ запѣлъ монотонно-тягучую пѣсню. Не владѣя голосомъ, не варьируя звуковъ, онъ пѣлъ: „Поѣхалъ я за сватовствомъ въ Юканчи... Пріѣхали чиновники. Становой говоритъ: „я схожу на сходъ на два часа“. А другой чиновникъ повалился спать и говоритъ: „ты меня разбуди, когда становой придетъ“... Лицо пѣвца сіяло вдохновеніемъ. Всѣ слушатели были озабочены“. И можетъ быть какой-нибудь сидѣвшій тутъ же мальчикъ перенялъ уже и тонъ и слова этой убогой пѣсни, такъ сильно захватившей своимъ содержаніемъ общее вниманіе, и пойдетъ она гулять среди лопарей, скрашивая длинные зимніе вечера въ закопченной юртѣ. Ее создала отдѣльная личность, но пѣвецъ привыкъ жить общею жизнью, онъ поетъ, о томъ, что близко всѣмъ отъ мала до велика, и народъ, чьи чувства онъ выражаетъ, признаетъ его пѣсню своей, дополняя ее и переделывая, но никогда не запоминая имени ея слагателя. Въ

пору родовой общинной жизни, если и всплывает наверхъ что-нибудь личное, отдѣльное, особенное, оно скоро расплывается въ общей жизни, какъ теряется отдѣльная поднявшаяся волна въ необъятномъ и однообразномъ просторѣ моря.

Но единство кровное, связь чисто физическая, какъ она ни крѣпка, не можетъ быть идеаломъ человѣческаго общегитія, такъ какъ человѣкъ тѣмъ и отличается отъ прочихъ живыхъ существъ, что онъ прежде всего существо духовное, свободная и разумная личность. Какъ духовное существо, онъ долженъ стремиться и дѣйствительно стремится къ единенію, но не по крови только, а въ духѣ; какъ свободно-разумная личность, онъ не можетъ быть только „пальцемъ отъ ноги“, только расплывающеюся въ морѣ волною; онъ имѣетъ цѣнность самъ по себѣ; по своей собственной совѣсти, по своему личному произволению долженъ онъ придти къ Богу, чтобы при Его Божественной помощи осуществить и между людьми то высшее духовное единство, къ созданію котораго онъ призванъ. Но для этого личность человѣческая должна прежде всего выдѣлиться изъ безразличнаго единства родового общества. Вотъ почему вездѣ и всюду родовой порядокъ постепенно распадается, и начинается новый періодъ въ жизни человѣчества — періодъ развитія личности. Это тотъ періодъ, который переживаемъ мы. Семейныя связи сохраняются и здѣсь, но онѣ теряютъ свое руководящее значеніе: не онѣ опредѣляютъ и направляютъ жизнь человѣчества. Братъ зачастую живетъ теперь на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ отъ брата, нерѣдко ближе по своимъ интересамъ къ чужимъ людямъ, чѣмъ къ своимъ роднымъ, подъ вліяніемъ совершенно разныхъ условій. Жизнь безконечно усложняется: изъ общей массы народа выдѣляются сословія, классы: съ раздѣленіемъ труда дробятся интересы, является разница въ занятіяхъ, и это различіе внѣшнихъ условій отзывается и на безконечномъ разнообразіи чувствъ и мыслей. Иной характеръ и

складъ мыслей у пахаря, вѣчно живущаго со своей сохой, и фабричнаго рабочаго. весь день проводящаго при стукѣ машинъ и дымѣ заводскихъ трубъ, а тѣмъ болѣе у мѣщанина, купца или ученаго. Прежняго, болѣе или менѣе безразличнаго единства уже нѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и словесность, въ значительной части своей становясь письменной, принимаетъ уже ясно личный характеръ, и отъ самыхъ первыхъ лѣтъ новаго періода до насъ доходятъ уже имена новыхъ пѣвцовъ, каково у насъ имя вѣщаго Баяна. При дворѣ каждаго князя является свой дружинный поэтъ, который самъ участвуетъ въ битвахъ наравнѣ съ другими, а потомъ увѣковѣчиваетъ ратные подвиги князя и дружины въ словѣ. Это литовскіе вайделоты, скандинавскіе скальды. На горахъ Кавказа въ Кабардѣ есть еще и теперь такіе пѣвцы-тегуако. Бездомные и бродячіе, ходятъ они по праздникамъ и похоронамъ и воспѣваютъ славу живыхъ и умершихъ героевъ, считая себя вдохновенными служителями правды, воздающей каждому по дѣламъ его. И толпа слушаетъ ихъ пѣсни, затаивъ дыханіе и только въ перерывахъ слышится шопотъ: „откуда они берутъ такіа чудныя пѣсни?“ Поэзія, какъ и другія отрасли человѣческой жизни, постепенно специализируется. Наконецъ выдѣляется особый классъ образованныхъ людей, гдѣ и сосредоточивается окончательно умственная дѣятельность. Теперь, если появляется въ нижнихъ слояхъ народа человѣкъ, свѣше одаренный даромъ пѣсни, онъ обыкновенно выбивается наверхъ и получаетъ имя, какъ получилъ его когда-то сынъ холмогорскаго крестьянина Ломоносовъ, Цыгановъ или простой и малообразованный воронежскій мѣщанинъ Кольцовъ. Съ другой стороны замѣчается и обратное явленіе. Надъ широкою русской рѣкой, гдѣ прежде, какъ протяжно-унылый стонъ, раздавалась только пѣсня тянувшихъ расшиву бурлаковъ, теперь изъ устъ народа долетаютъ до нашего слуха знакомыя изъ книги слова:

Волга, Волга, весной многоводною

Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народною
Переполнилась наша земля...

Отмѣченные особою печатью дара Божьяго, люди и на высотахъ образованности становятся общенародными избранниками, и подъ ихъ произведеніями народъ молчаливымъ признаніемъ какъ бы подписываетъ свое имя, считая ихъ своими. Изъ множества писателей это тѣ, которые выражаютъ въ своихъ произведеніяхъ чувства и мысли *всего* народа, это тѣ, которые имѣютъ право сказать о себѣ: „я—милліонъ, потому что любилъ и страдалъ за милліонъ“. По слову Пушкина, къ нимъ не заростетъ народная тропа и пѣсни ихъ рано или поздно зайдутъ подъ соломенные крыши деревенскихъ хатъ, въ тѣ низины, гдѣ пока въ свой чередъ, хотя и въ уменьшенныхъ размѣрахъ, совершается устное народное творчество.

Но и этотъ періодъ развитія личнаго творчества не послѣдній въ исторіи человѣчества. Личность выдѣлилась изъ прежняго безразличія въ родѣ не затѣмъ, чтобы остаться одинокой и, замкнувшись въ себѣ, застыть въ узкомъ и себялюбивомъ самодовольствѣ, но затѣмъ, чтобы свободно и сознательно отречься въ имя Божіе отъ своего личнаго счастья, отдавшись на служеніе всѣмъ людямъ, какъ своимъ братьямъ не по крови уже, а по духу, какъ сыновьямъ Единого Небеснаго Отца. Это духовное единеніе и есть то царство Правды и Свѣта, царство беззакатнаго свободного счастья, къ которому безсознательно стремится и котораго жаждетъ человѣчество. Когда оно осуществится, настанетъ новый завершительный періодъ въ жизни человѣчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новая словесность. Каждый будетъ отъ себя славословить Бога, но, такъ какъ каждый тогда забудетъ о себѣ, думая о другихъ, то голоса всѣхъ сольются въ одинъ согласный хоръ и запоютъ величавую пѣснь,— пѣснь конченнаго плѣна, пѣснь замолкшихъ распрей и раздоровъ, торжествующую пѣсню любви, подобную той, ко-

тору ю пѣли ангелы, привѣтствуя на землѣ рожденіе Бога: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!“ Предвѣстія этой пѣсни уже и теперь долетаютъ до насъ во вдохновенныхъ созданіяхъ нашихъ величайшихъ поэтовъ, когда они зовутъ людей къ добру, напоминая имъ о временахъ грядущихъ,

Когда всѣ народы, распри позабывъ,
Въ одну великую семью соединятся.

Вся человѣческая словесность — и бывшая, и настоящая, и устная, и письменная — служить только подготовкой къ этому будущему славословію, и въ этой подготовкѣ, какъ мы уже видѣли, и заключается ея великое значеніе въ жизни человѣчества.

III.

Значеніе словесности и теперь многими понимается не въ полной мѣрѣ, а въ старину понималось еще меньше. Особенно несправедливымъ было отношеніе образованныхъ классовъ къ словесности устной. Съ самаго появленія христіанства на Руси духовенство наше, т.-е. сословіе, въ которомъ сосредоточивалась тогда вся образованность народа, стало преслѣдовать народныя пѣсни, слыша въ нихъ отзвуки прежнихъ языческихъ вѣрованій и клеймя ихъ за это названіемъ „бѣсовскихъ“. Гоненія еще усилились, когда съ постепеннымъ замираніемъ дружинной поэзіи пѣсня, не переставая жить въ народѣ, попала въ руки профессиональныхъ исполнителей — скомороховъ. Предки тѣхъ простонародныхъ потѣшниковъ, что въ площадныхъ балаганахъ по праздникамъ до сихъ поръ еще на потѣху „крещеному люду“ съ аппетитомъ глотаютъ огонь или засовываютъ себѣ въ горло шпагу по рукоятку, скоморохи въ свою очередь были прямыми наслѣдниками классическихъ мимовъ и нѣ-

мецкихъ шпильмановъ и уже самимъ „заморскимъ“ платьемъ своимъ вызывали соблазнъ. Они первые у насъ „начаша межиножіе показывати и кротополіе носити“ и за „безчинный говоръ“, пѣсни и „нощное плещеваніе“ русское благочестіе отправляло ихъ прямо въ адъ, гдѣ они, судя по стариннымъ изображеніямъ страшнаго суда, висять, повѣшенныя за пупъ.

Еретники и клеветники изыдутъ въ преисподнія,
Смѣхотворцы и глумотворцы въ вѣчный плачъ,

поется въ одномъ изъ духовныхъ стиховъ. „Дьяволъ лѣститъ намъ, всяческими лѣстями превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи“, писалъ нашъ первый лѣтописецъ, и съ тѣхъ поръ эта мысль, почти не мѣняя даже выраженія, проходитъ черезъ все протяженіе нашей жизни отъ Θεодосія Печерскаго до Петра Великаго.

Особенно плохо пришлось народной пѣснѣ съ воцареніемъ „тишайшаго“ царя и благовѣрнаго князя всея Руси Алексѣя Михайловича. Строгій ревнитель древняго благочестія, царь даже на свадьбѣ своей воспретилъ пѣть обычныя свадебныя пѣсни, ограничившись церковными пѣснопѣніями. Позднѣе, узнавъ, что въ его царствѣ „многіе люди, забывъ Бога, скоморохамъ послѣдствуютъ и поютъ бѣсовскія пѣсни, а жонки и дѣвки на Святой недѣлѣ на доскахъ скачутъ и празднословіемъ души свои губятъ“, онъ строгими указами повелѣлъ отучить народъ отъ дьявольскихъ обычаевъ, а ослушниковъ бить батогами. Въ Москвѣ, какъ столѣтіемъ раньше во Флоренціи при Джироламо Савонаролѣ, устроили своего рода „сожженіе суетъ“ и, нагрузивъ музыкальными инструментами шесть возовъ, предали ихъ публично огню. И хотя благодушный царь впослѣдствіи убавилъ свое рвеніе настолько, что самъ первый изъ русскихъ государей завелъ при дворѣ „богомерзкую потѣху“ въ видѣ выписаннаго изъ-за моря театра, но его мѣры не

остались безъ слѣда. Съ этихъ поръ скоморохи начинаютъ постепенно исчезать и уходятъ въ глухія мѣста, куда еще не достигалъ глазъ правительственнаго надзора, на Уралъ, въ Заонежье, къ Бѣлому морю и тамъ доживаютъ свой вѣкъ, передавая свои пѣсни мѣстному крестьянству.

Произведенная сыномъ царя Алексѣя ломка всей русской жизни, прививъ къ намъ европейскія понятія, мало что измѣнила въ судьбѣ народной пѣсни. Далекіе отъ всякихъ религіозныхъ соображеній, европейскіе мыслители XVIII вѣка отнеслись къ народной словесности можетъ быть еще съ бѣльшимъ пренебреженіемъ, чѣмъ духовенство. Тогда господствовало въ Европѣ такъ называемое рационалистическое направленіе, которое, какъ показываетъ самое его названіе (ratio—разумъ), признавало право на существованіе только за разумомъ, беспощадно изгоняя изъ жизни все, что ему казалось неразумнымъ или, вѣрнѣе сказать, противорѣчащимъ тому, что обыкновенно называютъ здравымъ разсудкомъ. Для людей такого образа мыслей всѣ созданія народнаго чувства и фантазіи должны были казаться глупыми и вредными побасенками, плодомъ грубаго суевѣрія, которое надо всячески уничтожать. И старая борьба съ „побасенками“ продолжалась подъ новыми знаменами съ неменьшей ожесточенностью. Благодаря односторонности служителей церкви и фанатичности слѣпыхъ поклонниковъ разума многое изъ произведеній народной словесности дошло до насъ въ искалѣченномъ или искаженномъ видѣ, а многое и совсѣмъ погибло безвозвратно.

Но живуча народная пѣсня и глубоко коренится она въ тайникахъ народнаго духа. Ее проклинали съ церковнаго амвона, ее искореняли царскими указами, надъ ней высокомерно смѣялись въ книгахъ, а она наперекоръ всѣмъ невзгодамъ и помѣхамъ все жила и жила! Напрасно благочестивый авторъ „Домостроя“, попъ Сильвестръ, составляя для нашихъ предковъ правила домашняго благочинія, предостерегалъ ихъ, что только тамъ „невидимо предстоятъ ангелы“

гдѣ гостей угощаютъ съ молчаніемъ или духовною бесѣдою, а „аще начнутъ смѣхотвореніе и всяко глумленіе или гудѣніе и плясаніе, отъидутъ ангелы божіи и смрадныя бѣсы предстанутъ“, а хозяинъ дома и его дѣти „всеи вкупѣ будутъ во адѣ“. Старые русскіе бояре, хотѣ и говорили, смотря на западныя танцы: „что за охота ходить по избѣ, искать, ничего не потерявъ, притворяться сумасшедшими и скакать скоморохомъ“, но любили позабавиться кривляньями шута, а кто былъ побогаче, тотъ заводилъ у себя и постоянныхъ скомороховъ. А скоморохи бродячіе, несмотря на все посулы строгихъ адскихъ наказаній, все множились да множились и наконецъ стали ходить по селамъ цѣлыми ватагами человѣкъ въ 60—70. Одинъ съ огромнымъ медвѣдемъ на цѣпи заставлялъ его показывать, какъ тихо бабы на работу ходятъ, какъ скоро домой возвращаются или какъ ребята горохъ воровать крадутся, а красныя дѣвушки въ зеркало смотрятся; другой, приподнявъ надъ головой подвязанную сзади къ поясу простыню, мгновенно устраивалъ у себя за спиной сцену и показывалъ Петрушку; третій съ товарищемъ, напаявъ на себя „хари“, передразнивалъ въ лицахъ жида или цыгана, а собравшійся народъ глазѣлъ и тѣшилсѣ. Когда же скоморохи, зайдя въ боярскій домъ, важно и степенно затягивали „старинушку“ о Владимирѣ князѣ стольно-кіевскомъ и начинали пѣть „по уныльнѣму

По уныльнѣму, по умильнѣму,—

Все за столомъ да призадумались,

Все тутъ игры призаслухались.

Указы царя Алексѣя смели съ лица русской земли скомороховъ, но и со старыми потѣшниками не погибла народная пѣсня. Какъ не истребить изъ сердца человѣческаго радости и печали, такъ и бьющаго изъ народныхъ глубинъ источника творчества уничтожить нельзя. Все по прежнему на святкахъ въ Васильевъ вечеръ малороссійскіе хлопцы пѣли свои колядки; на широкой русской масляницѣ звонко

и разудало летѣла по свѣжему морозному воздуху пѣсня веселья; съ пѣснями на Великъ день и Красную Горку встрѣчали весну, на Троицу завивали въ лѣсу вѣнки, а на Купалу скакали черезъ костры и вели „сатанинскія игры“. Все по прежнему безъ пѣсенъ не обходилось ни одной деревенской свадьбы и каждый день вечеромъ, когда утомится дневная работа и далеко-далеко по землѣ пройдутъ тихія вечернія тѣни, а въ воздухѣ еще стоитъ запахъ молока отъ пригнанныхъ съ поля коровъ, деревенскіе парни и дѣвки, взявшись за руки, водили хороводъ, а изъ окна барской усадьбы приглядывалось къ нимъ воспитанное на французскій образецъ „господское дитя“. Когда же ночь сходила на землю и небо разстилало надъ людьми свой звѣздный пологъ, старушка-няня въ темномъ платочкѣ рассказывала ребенку народныя сказки и, пока онъ засыпалъ подъ мѣрный звукъ няниныхъ рассказовъ, незамѣтно вкрадывалась въ его сердце любовь къ родной пѣснѣ и сказкѣ и уже держалась потомъ крѣпко, хотя и бессознательно, на зло всѣмъ позднѣе воспринятымъ теоріямъ.

А въ концѣ XVIII вѣка на помощь бессознательному тяготѣнію души пришла и наука. Поворотъ въ новую сторону совершился въ связи съ распространеніемъ общественнаго интереса къ судьбѣ низшихъ классовъ. Онъ отмѣченъ благороднымъ именемъ Гердера, одного изъ тѣхъ исполненныхъ вѣры въ человѣка нѣмецкихъ ученыхъ и философовъ, которые за свой идеализмъ стали дороги всему человѣчеству. Проникнутый глубокимъ сочувствіемъ къ народу, съ рѣдкимъ по своей тонкости чутьемъ художественной красоты, Гердеръ первый указалъ на высокую поэзію и важное значеніе старинныхъ народныхъ пѣсенъ. Въ своемъ сборникѣ „Голоса народовъ“ онъ первый обратилъ вниманіе образованнаго міра и на пѣсни славянскія, за что чешскій или, вѣрнѣе, нашъ всеславянскій поэтъ Колларъ по справедливости посвятилъ ему благодарныя строки въ своей знаменитой поэмѣ „Dcera Slavy—Дочь Славы“:

Kněže člověčnosti!

Tys byl prvým Slávův, na vzdor ¹⁾ zvyku ²⁾,

Obráncem ³⁾ a chválcem ⁴⁾ vznešeným ⁵⁾,

Začež ⁶⁾ přijmi od nich čest a díku ⁷⁾ ¹⁾.

Съ легкой руки Гердера плодами народного творчества заинтересовались и ученые люди и люди изъ образованнаго общества. Два евангелическихъ пастора, братья Яковъ и Карлъ Гриммы своими открытіями и изысканіями въ этой области создали цѣлую эпоху, и передъ всѣми воочию раскрылось великое богатство народной поэзіи и ея высокій нравственный характеръ. Съ особенной ревностью принялись тогда за собираніе остатковъ народного творчества, и особенно плодотворными оказались эти розыски въ славянскихъ земляхъ.

Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія знаменитый Вукъ Караджичъ издалъ замѣчательныя, на всѣ почти европейскіе языки переведенныя сербскія народныя пѣсни. Андрей Качичъ Міошичъ прибавилъ къ нимъ хорватскія. Константинъ Миладиновъ на средства знаменитаго славянскаго мецената, дьяковарскаго епископа Штроссмайера напечаталъ въ 1861 г. въ Загребѣ собранныя имъ вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ пѣсни болгарскія. Еще раньше у чеховъ Челяковскій, Божена Нѣмцова и Эрбенъ собрали чешскія народныя сказки и легенды; у поляковъ на полѣ собиранія народной словесности потрудились Вацлавъ Залѣскій, Жегота Паули, Войцицкій и Кольбергъ. Что касается до насъ русскихъ, то мы едва-ли не первые изъ славянъ обратили вниманіе на народную словесность.

Еще въ половинѣ XVIII вѣка для Демидова на горныхъ заводахъ его былъ составленъ сборникъ былинъ казака Кирши Данилова. Въ 1804 г. его напечаталъ Якубовичъ подъ заглавіемъ „Древнія Россійскія Стихотворенія“, а въ

¹⁾ Чешское *ž* равняется нашему *ж*, *č*=*ч*, *š*=*ш*, *ž*=*рж* (мягкому *р*) *z*=*з*, *y*=*ы*

²⁾ вопреки; ³⁾ обычаю; ⁴⁾ защитникъ; ⁵⁾ хвалитель; ⁶⁾ благородный; ⁷⁾ за что; ¹⁾ благодарность.

1818 г. появилось уже второе его издание, сдѣланное Калайдовичемъ. Въ тридцатыхъ годахъ выпустилъ въ свѣтъ свои „Сказанія русскаго народа“ Сахаровъ; потомъ собиранію пѣсенъ посвятилъ почти всю свою жизнь орловскій помѣщикъ, Петръ Кирѣевскій. Много сдѣлалъ Павелъ Якушкинъ. Молодой Рыбниковъ, судьбою заброшенный въ глубь Олонецкаго края, открылъ тамъ новый и такой неистощимый кладъ народной поэзіи, что пошедшій по его слѣдамъ Гильфердингъ въ 1871 г. въ короткій срокъ 48 дней успѣлъ записать тамъ 318 новыхъ „старинъ“, прослушавъ 70 пѣвцовъ. Это было изумительное явленіе. Изъ непроходимыхъ олонецкихъ дебрей и болотъ, куда почти не проникали лучи просвѣщенія, черезъ уста безграмотныхъ крестьянъ, никогда и не слышавшихъ про русскую исторію, до насъ долетѣли пѣсни о старомъ Владимирѣ Красное Солнышко и о его славныхъ кievскихъ богатыряхъ, давно забытыхъ у самаго Кіева. Исполнились вѣщія слова поэта:

Огнемъ писанье истребится,
Казнѣ злой хищникъ унесетъ,
Но пѣсня... пѣсня сохранится,
Уйдетъ и мѣръ весь обойдетъ.
Когда же низкіе невѣжды
Не захотятъ ее хранить,
Она уйдетъ въ долины, горы,
Найдетъ въ развалинахъ пріютъ,
Чтобъ съ настоящимъ въ разговоры
Вступать о славномъ прошломъ тутъ ¹⁾.

И этотъ немолкнушій разговоръ прошлаго съ настоящимъ продолжается и донинѣ. Еще недавно у Бѣлаго моря пѣсни

¹⁾ Переводъ Бенедиктова. Стихи Мицкевича.

Płomień rozgryzie malowane dzieje,
Skarby mieczowi spustoszą złodzieje:
Pieśń ujdzie cało! Tłum ludzi obiega,
A jeśli podłe dusze nie umieją
Karmić jej żalem i poić nadzieją
Ucieka w góry, do gruzów przylega
I ztamtąd dawne opowiada czasy...

о русской старинѣ записаны Марковымъ и Григорьевымъ, на Печорѣ—Ончуковымъ. Это—драгоценные остатки историческаго эпоса, котораго кромѣ сербовъ нѣтъ ни у одного изъ славянскихъ народовъ и потому понятно особое вниманіе, которое было имъ удѣлено. Но рядомъ съ историческими пѣснями записывались и другіе образцы народнаго творчества. Еще въ XVIII вѣкѣ существовали уже пѣсенники Чулкова и Новикова, сборникъ пословицъ Громова. Бытовья великорусскія народныя пѣсни въ послѣднее время были собраны Соболевскимъ, бѣлорусскія—Шейномъ, малорусскія—Антоновичемъ и Драгомановымъ. Неутомимый Афанасьевъ собралъ русскія сказки и легенды, Барсовъ—притчи, Леонидъ Майковъ—заговоры и заклинанія, Садовниковъ—загадки и притчи, Безсоновъ и Кирѣевскій—духовныя стихи, Даль—наши пословицы. Всѣхъ работниковъ не перечесть, но довольно сказать, что въ результатѣ ихъ трудовъ оказалась у насъ богатѣйшая сокровищница устной народной словесности, вполне оправдавшая стихи словацкой пѣсни о нашемъ племени:

Co je slavik mezi ptakmi,
To je slovan mezi narodmi.

Недаромъ мы носимъ имя славянъ—служителей слова. Обильная количественно, наша устная словесность блещетъ всею яркостью художественныхъ красокъ и—что еще важнѣе—проникнута высокимъ нравственнымъ чувствомъ. Одинъ изъ чужеземныхъ изслѣдователей, Вестфаль, отводитъ ей „безусловно первое мѣсто между народными пѣснями всѣхъ народовъ земного шара“. И потому намъ дороги и памятны должны быть имена лицъ, открывшихъ для насъ кладъ этой поэзіи: они добрымъ подвигомъ потрудились на пользу общечеловѣческой науки и на славу всему славянскому племени, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ Гильфердингъ или братья Константинъ и Дмитрій Миладиновы, даже жизнью заплатили за служеніе наукѣ и народу.

IV.

Открытое собирателями богатство русского народного творчества очень скоро привлекло къ себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей. Но здѣсь послѣ перваго же упоенія сдѣланною находкою возникли вдругъ самыя неожиданныя сомнѣнія. Если бы кто-нибудь сказалъ вамъ, что пѣсня, которую поетъ на плоту, колотя валькомъ по бѣлью, деревенская баба, взята ею съ французскаго языка, мы бы навѣрное только посмѣялись и подумали: „кого онъ хочетъ морочить“! А между тѣмъ именно нѣчто подобное было высказано, по крайней мѣрѣ относительно нашихъ историческихъ пѣсенъ, или такъ называемыхъ былинъ. Точно ли эти русскія „старинушки“ могутъ быть названы русскими? Владимиръ стольно-киевскій и его богатыри не псевдонимы ли это, за которыми скрываются совершенно чуждыя русскому народу лица? Такой вопросъ былъ дѣйствительно заданъ и, что еще удивительнѣе, отвѣтъ на него оказался вовсе не такимъ простымъ и легкимъ, какъ этого можно было ожидать. Дѣло было такъ.

Сначала на народную поэзію посмотрѣли у насъ, какъ на вполнѣ самобытное выраженіе самыхъ глубокихъ, коренныхъ основъ русской народной души въ ихъ безпримѣсной чистотѣ. Никакая мысль о чуждыхъ, а тѣмъ болѣе книжныхъ вліяніяхъ никому не приходила въ голову. Книжное прямо противопоставлялось безыскусственному, народному. Это произошло подъ непосредственнымъ вліяніемъ возрѣній Гримма, которому въ окутанной туманомъ мглѣ минувшаго видѣлся золотой вѣкъ человечества, когда еще никакая ложь и условность цивилизаціи не коснулась народовъ и жизнь ихъ текла на лонѣ природы, просто, естественно, чисто и патріархально, отражаясь въ безусловно самобытной народной поэзіи. Это была идиллія, продиктованная нѣмецкому ученому трогательной вѣрой въ народъ, теплымъ сочувствіемъ

къ его быту. У насъ она пала на особенно благодатную почву благодаря мѣстнымъ условіямъ. Какъ разъ въ это время шла у насъ оживленная борьба между двумя теченіями общественной мысли—западническимъ и такъ называемымъ славянофильскимъ. Западники, исходя изъ мысли, что развитіе каждаго народа совершается по законамъ общимъ для всѣхъ, утверждали, что для Россіи въ ея исторической жизни есть только одинъ путь,—тотъ, который уже прошли западныя государства и на который вывелъ насъ Петръ Великій. Намъ надо и продолжать идти по этому пути, заимствуя у западныхъ народовъ, какъ передовыхъ, ихъ учрежденія. Славянофилы въ противовѣсъ имъ старались указать на самобытныя основы русской народности, говорили, что Петръ своими преобразованіями нарушалъ преемственное единство народной жизни и тѣмъ воздвигнулъ стѣну между образованнымъ на западный ладъ высшимъ обществомъ и народомъ, что для правильнаго развитія жизни надо поэтому какъ можно скорѣе, оставивъ западныя теоріи, вернуться домой, въ московскую Русь и попробовать возстановить порванную Петромъ живую нить преданія. Для людей такого образа мыслей открытіе безыскусственной народной поэзіи и толкованіе ея въ духѣ Гримма было драгоценной находкой, блистательнымъ доводомъ въ пользу ихъ воззрѣній, и такъ какъ первые изслѣдователи нашихъ былинъ, Безсоновъ, Аксаковъ, Буслаевъ, вышли изъ славянофильской школы, то они безъ всякихъ сомнѣній и провозгласили былины чистѣйшимъ откровеніемъ народнаго духа. Константинъ Аксаковъ очень вѣрно и тонко указалъ въ нихъ на черты высокой душевной красоты и ставилъ ихъ въ примѣръ и укоръ измѣнившей будто бы народу интеллигенціи. Буслаевъ писалъ, что „былины имѣютъ смыслъ священной старины, неприкосновеннаго преданія, которое должны усваивать люди молодые съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь передать его потомкамъ, что онѣ несравненно выше всевозможныхъ историческихъ руководствъ и учебниковъ“. И какъ бы въ под-

твержденіе этого взгляда представители такъ называемой исторической школы, Леонидъ Майковъ и Квашнинъ-Самаринъ, подвергнувъ былины сличенію съ лѣтописью, нашли въ нихъ вѣрный отзвукъ прошлаго и скрѣпили такимъ образомъ приговоръ Буслаева своей подписью. Если же иногда какое-нибудь слишкомъ явное совпаденіе съ поэзіей другихъ народовъ и смущало изслѣдователя, то это противорѣчіе съ теоріей довольно удачно устранялось ссылкой на общность человѣческой природы, а слѣдовательно и человѣческихъ воззрѣній и формъ, въ которыя отливается поэтическое вдохновеніе. Такимъ образомъ безусловная самобытность нашей народной поэзіи была утверждена, повидимому, незыблемо.

Мало этого. Всматриваясь все дальше и пристальнѣе въ темную глубь народныхъ преданій, изслѣдователи стали вскрывать въ нихъ такія дали первобытной жизни, о которыхъ, казалось, и мечтать было нельзя. Изслѣдуя сказки, Аванасьевъ старался возсоздать по нимъ и другимъ произведеніямъ народной словесности, картину первоначальныхъ воззрѣній славянъ на природу. Буслаевъ и въ особенности Орестъ Миллеръ не сомнѣвались, что въ былинной картинѣ кievской Руси мы имѣемъ дѣло только съ позднѣйшимъ наслоеніемъ за которымъ скрываются старинныя религіозныя представленія, мифы о богахъ. Въ образѣ Владимира Красное Солнышко, по толкованію Миллера, центръ тяжести лежалъ когда-то не въ самомъ Владимирѣ, а въ его прозвищѣ Красное Солнышко. Это не простое качественное опредѣленіе, не оно приурочилось къ понятію Владимира, а наоборотъ имя Владимира въ болѣе позднюю, уже историческую эпоху, пристало къ мифическому образу Краснаго Солнца. Былинный Владимиръ—это солнечное божество, старый славянской Дажь-Богъ и, какъ все на землѣ тяготеетъ къ солнцу и отъ него получаетъ свою жизнь, такъ около Владимира, какъ центра жизни, собираются его богатыри. Но онъ олицетворяетъ только одну страдательную сторону солнца. Дѣйстви-

ющее начало солнца обособилось въ образѣ его дяди Добрыни. Древне-греческій богъ свѣта Аполлонъ уничтожаетъ Пифона; Добрыня побѣждаетъ Змѣя Горыныща, олицетвореніе злого начала. Въ основаніи обоихъ сказаній лежитъ одинъ и тотъ же общеарійскій мифъ о борьбѣ свѣта съ тьмою, добра со зломъ. Главный русскій богатырь Илья Муромецъ—это славянскій Перунъ, древне-германскій Торъ, богъ грома, молній и неба. Баба Лытогорка, которую онъ побѣждаетъ,—это тучи, застилающія небо, которое потомъ разъясняется. Въ простомъ поэтическомъ выраженіи, что былиннаго земледѣльца—пахаря, Микулу Селяниновича, любить мать сыра земля, Буслаеву чудилось „дыханіе древнѣйшаго мифа о любовномъ союзѣ богини земли съ богомъ, покровителемъ земледѣлія“. Такимъ образомъ происхожденіе былинъ отодвигалось въ глубочайшую, почти незапамятную древность, когда не было еще ни русскихъ, ни поляковъ, ни чеховъ, ни сербовъ, а существовалъ только одинъ славянскій народъ, или еще раньше, въ праарійскую эпоху—когда праславяне вмѣстѣ съ греками, римлянами, германцами, литовцами и индусами жили слитно на возвышенностяхъ Памира. Мысль, изъ которой исходили изслѣдователи мифической школы, была вѣрна: языкъ дѣйствительно хранить въ себѣ отпечатокъ древнѣйшихъ религіозныхъ воззрѣній, но въ своемъ увлеченіи мифологическими толкованіями ученые явно перешли всѣ границы, уклонившись въ область совершенно произвольныхъ построений.

И вдругъ, пока мысль ихъ безудержно носилась по разъясненному ими небу народныхъ преданій, переходя отъ одной догадки къ другой, на этомъ ясномъ, казалось бы, небѣ неожиданно раздался ударъ грома: въ „Вѣстникѣ Европы“ было напечатано изслѣдованіе молодого бібліотекаря Императорской Публичной Библіотеки въ Петербургѣ В. В. Стасова „Происхожденіе русскихъ былинъ“, гдѣ авторъ, работавшій совершенно независимо отъ знаменитаго Бенфея, но въ одномъ направленіи съ нимъ, опредѣленно,

рѣшительно, рѣзко заявилъ, что былины наши вовсе не самобытное созданіе русскаго народа, а дурная передѣлка тюркскихъ пѣсень, которыя въ свою очередь заимствованы изъ Шахъ-Намэ, сборника персидскихъ народныхъ преданій, обработанныхъ Фирдоуси въ одно поэтическое цѣлое. Вы думаете, писалъ Стасовъ, что Владимиръ русскихъ былинъ это великій князь кievскій Владимиръ? Ничуть не бывало! Это царь Киркоусъ изъ сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, а еще вѣрнѣе Кейкаусъ изъ Шахъ-Намэ. Вы говорите, что Илья Муромецъ самый что ни на есть истинно-русскій богатырь, воплощеніе русскаго народа? Напрасный самообманъ! Онъ не кто иное, какъ персидскій Рустемъ. Вапшъ Добрыня—это Кришна, взятый чуть не цѣликомъ изъ индѣйской поэмы Гариванса; о немъ гораздо лучше еще, чѣмъ въ былинахъ, поютъ въ своихъ пѣсняхъ минусинскіе татары, изображая его подъ именемъ Аг-ая. Въ пѣсняхъ о Садко нечего искать ни Новгорода, ни Волхова, ни русскаго моря, ни русскихъ купцовъ. Все тутъ чужое, все зашло въ нашу пѣсню съ Востока. Садко это царь Яду изъ Гаривансы, индѣйскій богатырь-брахманъ Видушака, тибетскій царевичъ Гедонъ не болѣе. Вы воображаете, что въ былинахъ описанъ русскій бытъ? Какое ослѣпленіе! Всѣ частности, описаніе жилищъ, теремовъ, ихъ убранства, княжескихъ пировъ, богатырскаго вооруженія, одежды—все это тюрко-монгольское и ничего общаго съ русской жизнью здѣсь нѣтъ. Былины вовсе не имѣютъ права называться былинами. Въ нихъ нѣтъ ничего историческаго и очень мало русскаго, развѣ особенности языка, да выборъ матеріала изъ тюркскихъ сказаній. А затѣмъ мы можемъ считать своимъ только тѣ грубыя и неловкія искаженія, которыя русскіе пѣвцы внесли въ тюркскіе сюжеты, лишивъ ихъ тонкости рисунка, психологической занимательности, а кое-гдѣ и смысла! Выходило, что русскому народу, передъ самобытнымъ творчествомъ котораго преклонялись прежніе изслѣдователи, не хватало даже умѣнья сколько-нибудь толково пересказать

преданія сосѣднихъ съ нимъ кочевыхъ народовъ. Ясно было, что полемическій задоръ завлекъ Стасова слишкомъ далеко. Негодование было отвѣтомъ на его работу. Но вопросъ былъ поставленъ имъ ребромъ, и негодованіемъ съ нимъ нельзя было раздѣлаться. Стасовъ далъ толчокъ, послѣ котораго смолкли мифологическія изысканія и на мѣсто прежнихъ взглядовъ на народную поэзію все явственнѣе стала выступать „теорія заимствованія“.

Вскорѣ дѣло еще болѣе осложнилось. На былины направилъ свои изслѣдованія ученый знатокъ средневѣковой европейской литературы, академикъ Александръ Николаевичъ Веселовскій. И что же оказалось? Открылся цѣлый рядъ схожихъ съ былинами сюжетовъ не только въ народныхъ пѣсняхъ Запада, но — что было особенно удивительно — въ книжныхъ произведеніяхъ средневѣковой литературы. Описанія русскихъ теремовъ, которыя Стасовъ считалъ заимствованными съ Востока, оказались въ Эпистолѣ пресвитера Іоанна къ императору Фридриху I XII-го вѣка. Ратай русскихъ былинъ, Микула Селяниновичъ чуть не сдѣлался византійскимъ императоромъ Гугономъ изъ древней повѣсти XI-го вѣка о хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь. Садко нашелъ себѣ двойника въ героѣ стариннаго французскаго прозаическаго романа *Tristan le Léonois*, который и имя носитъ одинаковое съ нимъ — Садокъ. Новгородскій удалецъ, Василій Буслаевъ, по изслѣдованіямъ другого ученаго Жданова, оказался Робертомъ Дьяволомъ, и самъ Илья наконецъ къ удивленію былъ найденъ въ германской поэмѣ. Ортнитъ и норвежской Тидрекъ-сагъ XIII вѣка со своимъ настоящимъ именемъ *Ilias von Riuzen* или *Ilias Jarl af Greca* Хорватскій ученый Ягичъ думалъ, что скандинавскія саги заимствовали этого *Ilias Riuzen* отъ нашего Ильи; другой ученый Халанскій, наоборотъ, выводилъ нашего Илью изъ Тидрекъ-саги, хотя и не отрицалъ вліянія русскихъ пѣсенъ на германскія сказанія, предполагая, что *Eligas*, — *Ilias* Тидрекъ-саги

не кто иное, какъ нашъ вѣщій Олегъ, который позднѣе, пройдя черезъ нѣмецкое горнило, превратился въ Илью. Получалась, повидимому, невообразимая путаница. Но одинъ фактъ былъ несомнѣнно на лицо: сюжеты русскихъ былинъ встрѣчались столько же на Западѣ, сколько на Востокѣ, столько же въ книжныхъ образцахъ, сколько въ народной словесности. То, что недавно считалось отголоскомъ древнѣйшихъ временъ, оказывалось результатомъ поздняго заимствованія. Повидимому, никто изъ прежнихъ изслѣдователей не былъ правъ: ни славянофилы со своей вѣрой въ безусловную самобытность народнаго творчества, ни Стасовъ со своей восточной теоріей, ни Веселовскій со своими западно-европейскими параллелями; одна теорія взаимно исключала другую. На самомъ дѣлѣ каждая имѣла свою долю правды, разъясняя различныя стороны одного и того же явленія.

Приступивъ къ изученію народной поэзіи, когда уже были высказаны всѣ возможныя предположенія и заявлены разныя точки зрѣнія, Всеволодъ Оедоровичъ Миллеръ, всѣхъ шире взглянувшій на народную поэзію, имѣлъ полное основаніе начать свою книгу о русскихъ былинахъ слѣдующей ихъ характеристикой: „Нашъ былевой эпосъ — это грандіозная развалина, обширное многовѣковое сооруженіе, полное таинственныхъ ходовъ и переходовъ съ пристройками и надстройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи жили нѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византійской мусіей и восточными коврами. Въ свое время пограбили въ немъ половцы и татары, пожили московскіе бояре, покочевали казаки и наконецъ въ кое-какихъ еще обитаемыхъ закутахъ устроился неприхотливый олонецкій крестьянинъ. И вотъ, бродя по загадочной руинѣ, археологъ открываетъ слѣды разныхъ эпохъ, разныхъ наслоеній: то передъ нимъ византійская фреска, то восточный орнаментъ, то расписанный сводъ московской палаты, то деревянная крестьянская клѣтъ, а въ тайникахъ

онъ въ изумленіи находитъ складъ любопытнѣйшихъ предметовъ: тутъ рядомъ лежатъ и колпакъ земли греческой, и палица боевая въ 90 пудъ и восточный куякъ, и гусли яворчатые, и трубки нѣмецкія... Необозримое поле для изслѣдованій представляетъ эта удивительная постройка! Возстановить ее во всѣхъ ея частяхъ и подробностяхъ, освѣтить въ ней всѣ темные закоулки едва-ли удастся когда-нибудь вполне. Тѣмъ не менѣе благодаря работамъ и Всеволода Миллера и прежнихъ изслѣдователей главное уже выяснилось и стало прочнымъ достояніемъ науки.

Выяснилось, во-первыхъ, что самобытный духъ народа хранится не въ замуравленной комнатѣ, не въ склянкѣ за семью печатами и не боится свѣжаго воздуха. Онъ вырабатывается въ живомъ взаимодействіи съ другими народами, на вольной волѣ, на широкомъ просторѣ, гдѣ гуляютъ и дуютъ разные вѣтры. Каждый народъ находитъ себѣ самоопредѣленіе, мѣряя свои силы съ ближними и дальними сосѣдями, а поэтому и *народная поэзія* *каждаго историческаго народа*, выражаясь словами Веселовскаго, по необходимости *международная*. И русскія пѣсни сложились не въ искусственномъ отъединеніи отъ жизни, а на вольномъ раздолѣ южнорусскихъ степей, гдѣ, на ратномъ-ли полѣ, въ мирной ли встрѣчѣ, сталкивались русскіе люди съ печенѣгами, тюрками, половцами, гдѣ мирно прокочевалъ со своими половецкими родственниками почти всю свою жизнь внукъ половецкаго хана Кончака, русскій князь Изяславъ Владимировичъ, гдѣ тосковалъ въ плѣну по своей Ярославнѣ его дѣдъ, князь Игорь новгородъ-сѣверскій, гдѣ на почвѣ, пропитанной половецкой и русскою кровью выросъ идеаль лихого наѣздника, „старого казака“, передового стража земли, богатыря. Сложились онѣ и подъ вліяніемъ благочестивыхъ византійскихъ сказаній, что приносили къ намъ съ собою привезенные Владимиромъ въ Кіевъ корсунскіе „попы“ и греческіе монахи, а иногда и наши же соплеменники, сербы и болгары. Свою долю участія вложили въ нихъ и веселые

скоморохи-медвѣжатники, которые со своими медвѣдями заходили и въ бѣлые домики польскихъ шляхтичей и дальше на западъ, чуть не въ самую Италію, и, потѣшая всюду народъ, сами перенимали то веселую прибаутку, то затѣйливый разсказъ, а потомъ пересказывали его на родинѣ. И суровые финны наложили на наши былины свою печать. Зернышко по зернышку сносилось отовсюду въ клѣтъ русской народной поэзіи и на разные тоны налаживалъ свои гусельки былинный гусярь, Ставръ Годиновичъ, —

Струночку натягивалъ отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града,
Третью отъ Ерусалима,
Припѣвки-то припѣвалъ изъ-за синя моря,

но, пройдя сквозь горнило русского чувства и русского пониманія, эти тоны слились въ одну своеобразную мелодію, и какъ лицо русского народа сохранило, несмотря на всѣ столкновенія, свой особый обликъ, такъ и русская пѣсня создавалась на свой особенный ладъ. Она своеобразна и самобытна и носитъ на себѣ единственный въ своемъ родѣ отпечатокъ—русскій.

Выяснилось далѣе, что если отъ XVI вѣка дошли до насъ несомнѣнно русскимъ народомъ созданныя историческія пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, объ Ермакѣ Тимофеевичѣ и Романовыхъ, то очевидно, что эта психологическая потребность народа отзываться на важныя историческія событія въ пѣснѣ не могла появиться ни съ того ни съ сего въ XVI вѣкѣ: она должна была существовать и раньше, а слѣдовательно вмѣстѣ съ нею была и историческая поэзія. Богатствомъ своимъ и культурою Кіевъ слылъ и на Западѣ. Въ немъ перекрещивались дороги западноевропейскихъ, византійскихъ и тюркскихъ вліяній. Историческая жизнь кипѣла. Въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ сосѣдями, мирныхъ и боевыхъ, крѣпъ умъ, расширялся кругозоръ народа и были, слѣдовательно, всѣ условія для созданія народной поэзіи. Былины—

не иное что, какъ ея остатокъ, видоизмѣнившійся подъ вліяніемъ бродячихъ сказочныхъ мотивовъ и сюжетовъ, которые, какъ показали изслѣдованія, переходятъ отъ народа къ народу, составляя какъ бы общее ихъ достояніе. Смертельный поединокъ отца съ сыномъ, котораго онъ не знаетъ, выходъ замужъ жены въ отсутствіе мужа, котораго считаютъ пропавшимъ безъ вѣсти, гусларь, играющій свои пѣсни морскому царю, богатырь, побѣждающій змѣя—любимѣйшіе изъ этихъ мотивовъ. Прилѣпляясь къ историческому факту, въ лучшемъ случаѣ, какъ символъ его ¹⁾, а то и просто какъ чужеродное растеніе, они такъ густо и крѣпко обвиваютъ его стволъ своими листьями, что только опытный и зоркій глазъ можетъ увидѣть исторію за сказкой. Къ чужеземнымъ наслоеніямъ присоединяетъ свою работу и собственная фантазія народа и наконецъ властная рука все перерабатывающаго времени. Съ былинами въ рукахъ можно прослѣдить, какъ историческій князь Романъ превращается въ князя Демьяна, а Марина Мнишекъ въ вѣдьму-безбожницу, которой ничего не стоитъ обернуться въ сороку и вылетѣть, когда понадобится, изъ окна. Но въ основѣ пѣсни лежатъ все-таки дѣйствительныя лица, а такъ какъ въ наукѣ принято теперь за безспорную истину высказанное словинскимъ филологомъ Миклошичемъ положеніе, что „всякая героическая пѣсня въ своихъ главныхъ чертахъ современна воспріемаемому событію“, то наши былины имѣютъ за собою глубокую древность: въ нихъ хранятся отголоски XIII, XII, XI, X, а можетъ быть и IX вѣка. Пусть къ инымъ изъ встрѣчающихся въ нихъ историческихъ лицъ прилѣпились несвойственныя имъ характеристики, пусть спутана и ошибочна народная хронологія и географія! Въ общемъ широкая основа нашихъ былинъ—безспорно историческая.

¹⁾ Такъ чудесное удвоеніе вражеской силы въ наказаніе за богатырскую похвальбу составляетъ обыкновенно признакъ пѣсенъ о гибели великихъ царствъ, а борьба со змѣемъ, происходящая во время купанья у рѣки, знаменуетъ собою побѣду христіанства надъ язычествомъ.

Выяснилось, въ-третьихъ, что даже завѣдомо созданныя народнымъ воображеніемъ лица съ теченіемъ времени принимаютъ характеръ историческихъ свидѣтельствъ. Таково, можетъ быть, лицо главнаго нашего богатыря Ильи Муромца. Обо всѣхъ другихъ богатыряхъ — и даже второстепенныхъ — есть упоминаніе въ лѣтописи. О немъ нѣтъ ни слова. Только въ запискахъ Эриха Лассоты упоминается подъ 1594. годомъ о гробницѣ богатыря Ильи Муровлина въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ. Очень можетъ быть, что Илья цѣликомъ есть созданіе народной фантазіи. Очень можетъ быть также, что на этотъ образъ наслонились черты иранскаго Рустема, о которомъ много разсказовъ ходило среди кавказскихъ народовъ, а, вѣроятно, и среди половцевъ. Можетъ быть наконецъ, что правъ даже Стасовъ или его позднѣйшій продолжатель Потанинъ и въ самую основу образа Ильи легъ персидскій Рустемъ или монгольскій Иринъ-Сайнъ. Но русскій народъ взялъ изъ готовыхъ сказаній только то, что подходило подъ его вкусъ и понятія. Рустемъ — владѣтельный князь. Нашъ богатырь, смѣлый и независимый защитникъ всякой „голи“ — сынъ крестьянской Руси и самъ крестьянинъ. Въ его образъ ели и вошли чужія черты, то только тѣ, которыя желалъ видѣть въ своемъ богатырѣ русскій народъ, и такимъ образомъ, какъ представитель идеаловъ и чувствъ русскаго народа, онъ, по выраженію Ореста Миллера, лицо болѣе историческое и живое, чѣмъ многія историческія и дѣйствительно жившія лица.

Выяснилось наконецъ, что нельзя ставить рѣзкой границы между простымъ народомъ и образованными классами, противопоставляя послѣдніе первому. „Духъ народный“ создается не однимъ простымъ народомъ, который никогда не представлялъ собою замкнутаго цѣлаго. Напротивъ, говоря словами Жданова, „его мысль всегда была открыта для образовательныхъ вліяній и онъ совсѣмъ не знаетъ раздора между книгой и пѣснью, между дѣломъ массы и дѣломъ интеллигенціи“. Да и теперь этого разрыва нѣтъ. Образо-

ванные люди, такъ называемая „интеллигенція“—плоть отъ плоти, кровь отъ крови народа. Она—высшій цвѣтъ народной жизни, умъ народа, и если вынесена она наверхъ силою широкихъ народныхъ массъ и ими держится, то и простой народъ безъ интеллигенціи—слабъ и бѣденъ. Тѣсная между ними связь, и оба они равноцѣнные дѣятели одного дѣла—общенароднаго.

Подводя итоги всему сказанному, воспользуемся сравненіемъ Жданова. Велика Волга. Глубока она, быстрая, широка, голубая. Но величавой, державной сѣверной рѣки не узнать въ той узенькой, свѣтлой полоскѣ, которою зачинается она въ Тверской губерніи. Откуда же взялось это обиліе водъ, что плавно и ровно непрестанно мчитъ Волга по восточной равнинѣ въ Каспійское море? Это дань, которую несутъ властительницѣ русскихъ водъ ея притоки. „И однако, хотя воды ихъ и превосходятъ по объему воду рѣки-матери, права этой послѣдней неприкосновенны. Мы называемъ Волгу на всемъ ея теченіи Волгой и, несмотря на все обиліе и силу ея притоковъ, признаемъ ее единой, потому что она всей своей рѣчной системой связываетъ далекія окраины Руси съ ея центромъ. Подобную же объединяющую систему представляетъ и народная былевая поэзія съ ея разнообразными притоками. Какъ бы ни были значительны эти притоки, какъ бы ни были велики заимствованія и примѣсы въ народной поэзіи, они не лишаютъ ее ни единства ни національнаго значенія“. „Отъ разныхъ народовъ—говорить Максимовичъ—наслышалась пѣсенъ древняя Русь и многіе звуки изъ тѣхъ пѣсенъ отзывались въ пѣніи русскомъ. Однако источникомъ поэзіи русской было собственное живое чувство: ее зарождаетъ души глубина!“ Да и заимствованное мы переработали своимъ умомъ, вложили въ него свое пониманіе, окрасили цвѣтомъ своихъ чувствованій, пережили сердцемъ, и стало оно произведеніемъ русскаго ума и русскаго сердца, такимъ же неотъемлемо нашимъ, какъ наша эта русская земля, на которой мы уже

живемъ тысячелѣтіе, хотя, конечно, и до насъ исходили ее вдоль и поперекъ разные народы прежде, чѣмъ мы создали на ней своей кровью и умомъ русское государство.

V.

Прежде, чѣмъ перейти къ главной цѣли этой книги — разсмотрѣнію сокровищъ ума и чувства, вложенныхъ народомъ въ былины, эту поэтическую лѣтопись народной души и жизни, остановимся еще на самой формѣ былинъ, или, какъ называютъ ихъ олонекіе „пѣтари“, „старинъ“, „старинушекъ“. Историческая пѣсня, удовлетворяя психологической потребности народа, существовала съ давнихъ поръ, существуетъ и теперь, но, всматриваясь въ многовѣковую ея исторію, мы ясно различаемъ въ ней три періода:—первый—періодъ исключительнаго господства непосредственнаго народнаго творчества, второй, когда матеріалъ, доставляемый безыскусственнымъ народнымъ творчествомъ подвергся артистической обработкѣ у скомороховъ—это періодъ былинный въ строгомъ смыслѣ этого слова—и наконецъ третій, періодъ распада и разложенія былинной поэзіи, когда, попавъ въ неискусныя руки крестьянъ-сказителей, она стала постепенно вымирать при все продолжающемся однако непосредственномъ народномъ творествѣ.

Счастливый случай помогъ намъ какъ бы лично присутствовать при зарожденіи нашей стародавней исторической пѣсни прежде, чѣмъ она успѣла поступить въ скоморошью мастерскую. Въ 1619 году около полугода пробылъ въ Москвѣ англійскій священникъ Ричардъ Джемсъ. Человѣкъ любознательный, онъ записывалъ для памяти все, что видѣлъ и слышалъ, и такимъ образомъ сохранилъ для насъ пять современныхъ народныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ для нашей цѣли особенно любопытны двѣ: одна о смерти князя Скопина-Шуйскаго и другая о вѣздѣ въ Москву патріарха

Филарета въ 1619 году послѣ долговременнаго плѣна у поляковъ. Джемсъ выѣхалъ изъ Москвы 20-го августа, а описываемое въ послѣдней пѣснѣ событіе происходило 22-го іюня, и на пѣснѣ не успѣли еще остыть слѣды народнаго творчества. Это произведеніе такого же безхитростнаго простодушія, какъ уже извѣстная намъ пѣсня лопаря о пріѣздѣ становаго:

„Зарадовалось царство Московское и вся земля Святая русская; умолилъ Государь православный царь князь великій Михайло Ѳеодоровичъ. А что скажутъ, въѣхалъ батюшка государь Филаретъ Микитичъ изъ невѣрной земли изъ Литовской. Съ собою онъ вывезъ много князей, бояръ; еще онъ вывезъ государева боярина князя Михаила Борисовича Шеина. Съѣзжались многіе князья, бояре и многія власти къ сильному Царству Московскому. Хотятъ встрѣчать Филарета Микитича. Изъ славнаго града каменной Москвы не красное солнце катилось, пошелъ государь православный царь встрѣчати своего батюшка, государя Филарета Микитича. Съ государемъ пошелъ его дядюшка Иванъ Микитичъ. А какъ будутъ они въ каменной Москвѣ, не пошли они въ хоромы въ царскія, а пошли они къ Пречистой соборной, а пѣти честныхъ молебновъ. Благословлялъ (Филаретъ) своего чада милаго: и дай Господи, здоровъ былъ православный царь князь великій Михайлъ Ѳеодоровичъ, а ему сдержати царство Московское и всю землю Святую русскую“.

Между событіемъ, воспѣваемымъ въ другой пѣснѣ о Скопинѣ-Шуйскомъ, и записью ея прошло девять лѣтъ, но и здѣсь фантазія народа не успѣла еще расшить своихъ узоровъ на исторической канвѣ. Событія отмѣчаются одно за другимъ въ простой временной послѣдовательности, безъ всякихъ поэтическихъ прикрасъ. Ни округленности, ни законченности. Это—первобытная фотографія даже безъ ретушировки. Но проходитъ еще полтора столѣтія и пѣсня о томъ же Скопинѣ записывается на Уралѣ Киршою Даниловымъ. Самый бѣглый взглядъ обнаруживаетъ въ ней слѣды арти-

стической обработки. Это настоящий образец быliny. Чтобы уяснить себѣ отличительные признаки былиннаго творчества, перенесемся въ старинныя московскія палаты, куда зашли по пути скоморохи, и послушаемъ въ ихъ исполненіи нѣсколько былинъ.

Передъ нами своеобразная фигура бывалаго человѣка, веселаго молодца, который, низко раскланявшись передъ слушателями, начинаетъ свои пѣсни о старинѣ, прося „благословенія“ у хозяина дома. Вслушаемся въ его пѣніе, и намъ сразу бросится въ глаза, что въ разныхъ былинахъ, какъ бы ни были онѣ непохожи одна на другую по сюжету, повторяются одни и тѣ же мѣста. Нужно ли пѣвцу по ходу дѣйствія быliny заставить ея героя стрѣлять, сказатель неизмѣнно повторяетъ:

Вынималъ онъ изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу во правую,
Накладываетъ стрѣлочку каленую
На тетивочку шелковую,
Натянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей:
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука,
Спѣла тетивочка шелковая,
Полетѣла стрѣлочка каленая.

Нужно ли засѣдлать коня, у него уже все готово и онъ вездѣ поетъ одно и то же:

Онъ добра коня засѣдливаетъ,
На коня накладываетъ потничекъ,
Потничекъ-то онъ кладетъ шелковенькій,
А на потничекъ подпотничекъ.

Для снаряженія корабля, для встрѣчи богатырей, для описанія боя, на все у пѣвца есть подъ рукою готовый запасъ картинокъ, которыя по мѣрѣ надобности свободно передвигаются имъ изъ одной быliny въ другую. Эти общія, типическія мѣста, разъ отлившись въ извѣстную форму, остаются

почти неизмѣнными, свидѣтельствуя, что они вышли изъ одной мастерской. Но еще ярче указываетъ на это зачинъ и исходъ былины.

Хорошая былина начинается по извѣстному, явно выработанному шаблону то со столь любимого народомъ отрицательнаго сравненія:

Не тычинушка въ чистомъ полѣ шатается,
На добромъ конѣ несется-подвигается
Матерой удалый добрый молодецъ,

то съ указанія времени: — „въ годы прежніе, во времена первоначальныя“, — то наконецъ съ указанія мѣста, или неопредѣленнаго: — ой, далече, далече, во чистомъ полѣ“, — или, наоборотъ, точно опредѣленнаго:

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
У славнаго князя Владимира
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи, бояре
И на русскіе могучіе богатыри.

Послѣдній зачинъ о Владимирѣ и его пирахъ княженицкихъ въ Кіевѣ самый любимый народомъ и сталъ своего рода типическимъ мѣстомъ: центральная сила русскихъ былинь, Владимиръ Красное Солнышко, притянулъ къ себѣ своимъ свѣтомъ событія русской исторіи чуть не за 300 лѣтъ позднѣе. Но хорошій пѣвецъ не ограничивается и разъ выработаннымъ началомъ. Онъ знаетъ, какъ овладѣть вниманіемъ слушателя. Настоящій чтецъ не станетъ передъ вами читать стихотвореніе сразу, безъ особаго приступа: произнесъ заглавіе, онъ остановится, чтобы позволить вамъ сосредоточиться и войти въ очерченный имъ заранее кругъ. И скорохъ не сразу переноситъ насъ въ таинственно-мглистую даль минувшаго: онъ начинаетъ былину съ прибаутки.

Изъ-подъ бѣлыя березы кудреватая,
Изъ-подъ чудна креста Леванидова
Изъ подъ бѣлаго латыря камня
Тутъ повышла, повышла-повыбѣжала,

Выбѣгала вылетала matka Волга-рѣка
 Широка matka Волга подѣ Казань прошла,
 Пошире того она подѣ Вастракань.
 Она много matka-Волга въ себѣ рѣкѣ пожрала,
 Побольше того она ручьевѣ пожрала,
 Давала плѣсы она Далинскіе,
 А горы-долы Сорочинскія
 А мѣсто-то шла она три тысячи,
 А выпала Волга въ море Черное,
 Да устьевѣ пустила ровно семьдесятъ.
 Широка перевозъ да подѣ Новымъ-Городомъ.
 Да все это, братцы, не сказочка,
 А все это, братцы, прибауточка.
 Теперь-то Добрынюшки зачинъ пошелъ.
 Во стольнѣмъ-то городѣ во Кіевѣ...

И скоморохъ начиналъ былинѣ. Но вотъ она подходитъ къ
 концу. Мысли слушателей улетѣли далеко-далеко, на Почай-
 рѣку, въ стольный Кіевъ градъ. Всѣ задумались. И вдругъ
 съ послѣднимъ стихомъ, опять, какъ прежде, порывая цѣпь
 впечатлѣній настоящаго, пѣвецъ заканчивалъ артистиче-
 скимъ припѣвомъ:

Что ни лучшіе богатыри во Кіевѣ,
 Золота казна во Черниговѣ,
 Колокольный звонъ въ Новѣ-городѣ,
 Темны лѣсушки Смоленскіе,
 Горы-долы Сорочинскіе,
 А чисты поля ко Ерусалиму
 Здувинай-най, най!
 Болѣ пѣтъ впередъ не знай.

„Мигъ одинъ, — и нѣтъ волшебной сказки“. И опять
 передъ вами знакомыя хоромы и веселое лицо скомороха,
 который, пропѣвъ старину „синему морю на утѣшенъе,
 всѣмъ добрымъ людямъ на послушанъе“, съ низкимъ покло-
 номъ просить „боярина великаго, хозяина своего ласковаго“
 угостить его съ товарищами „пивомъ пьянымъ, зеленымъ
 виномъ“, до котораго такіе охотники были наши „веселые
 молодцы“. Кругъ художественнаго впечатлѣнія завершился.
 Дѣйствительность опять вступаетъ въ свои права, но старо-

давній ладъ пѣсни надолго запалъ въ сердце. Чтобы такъ закончить былинѣ, надо быть мастеромъ своего дѣла.

Въ настоящее время передъ нами лежатъ только осколки обработаннаго профессиональными пѣвцами матеріала. Полной, законченной цѣпи въ родѣ греческой „Иліады“ или „Одиссеи“ эти звенья никогда не составляли. Но теперь и изъ того, что было, одно затерялось безвозвратно, другое дошло до насъ въ такомъ искалѣченномъ видѣ, что В. О. Миллеръ, всѣхъ болѣе потрудившійся надъ разработкой вопроса о внутреннемъ строеніи былинъ, имѣлъ полное право обозвать олонекскихъ сказителей былинъ ихъ искажителями. Безграмотные и безхитростные крестьяне, которымъ скомоорохи, вымирая, передали на храненіе свой былинный репертуаръ, многое перезабыли, переиначили имена, переставили типическія картинки не на мѣсто, соединили несоединимое, и явилось въ нашихъ былинахъ еще болѣе несообразностей, чѣмъ въ героическихъ древнегреческихъ пѣсняхъ, гдѣ по привычкѣ пѣвцовъ употреблять безъ думъ готовыя качественныя опредѣленія свинопасъ оказывается часто „властителемъ людей“, а преступникъ „богоравнымъ“.

Но благодарность простому олонекскому люду и за то, что онъ сохранилъ намъ! Если уцѣлѣло еще для насъ это сокровище народныхъ думъ и чувствъ, то мы обязаны этимъ своеобразнымъ условіямъ жизни олонекскаго крестьянина. „Дикъ и глухъ, говоритъ Гильфердингъ, обойденный историческимъ движеніемъ жизни нашъ сѣверный край. Глушь здѣсь самая первобытная: лѣсъ, мохъ, болота, да нескончаемая озера! Не простучить по дорогѣ даже наша телѣга, а если нужно что везти, то везутъ на однѣхъ оглобляхъ, привязавъ къ ихъ заднимъ концамъ поклажу, такъ что она волочится съ одной болотной кочки на другую. Климатъ такъ суровъ, что не вырастаетъ ни капусты, ни огурцовъ, ни луку, ни гречихи. Кормятся крестьяне рыбной ловлей, охотою, да овсомъ, который сѣется на небольшихъ прогалинкахъ раскорчеваннаго съ великимъ трудомъ дремучаго

лѣса. Тяжела жизнь народа, но суровая борьба съ природой развила его духовныя силы, выработала въ немъ энергію и предприимчивость, и хотя и теперь живетъ онъ почти такъ же, какъ во времена Олега или Рюрика, но зато онъ никогда не зналъ крѣпостного права и живъ въ немъ тотъ вольный духъ свободы и духовной независимости, которымъ дышитъ и дышала наша поэтическая „старина“, когда подъ звонъ пѣнящихся брагой ковшей раздавались возгласы одинаково въ честь князя и вѣча. Не коснулась народа культура; населеніе отрѣзано отъ остального міра; деревня съ деревней не сообщается иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, но зато эти глухіе углы не знаютъ разлагающихъ вліяній солдатскаго постоя. Въ тихую жизнь ихъ не врывается всезаглушающій назойливый стукъ фабричнаго колеса; не разстилается тамъ ѣдкаго дыма фабричныхъ трубъ“. Изъ 70 прослушанныхъ Гильфердингомъ сказителей только шесть — и то наихудшихъ — оказались грамотными. Но зато въ полной неприкосновенности сохранилась въ народѣ простодушная вѣра въ живое поэтическое преданіе и уваженіе къ нему. „Старина“ для народа не забава, а серьезное и почтенное дѣло. Не зеленая молодежь, а всѣми уважаемые старики поютъ былины, вѣря неколебимо въ правду всего, о чемъ поется, и „бесѣдушка смиренная“ слушается со строгимъ вниманіемъ, передаваясь, какъ святыня, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Живо въ народѣ вмѣстѣ съ первобытнымъ строемъ жизни и простодушное поэтическое міросозерцаніе былинъ, и когда въ лѣтнихъ сумеркахъ или зимою при мерцающемъ свѣтѣ лучины торжественно и важно зачнетъ сѣдой дѣдъ сказывать былинку, отъ самаго лада ея на слушателя вѣетъ тихой и грустной, давней-давнею лаской, точно по какому-то волшебному мановенію поднимается изъ мглы времени давно забытое родное прошлое и становится передъ нами. Слушая пѣвца кажется, вотъ-вотъ начинаешь вѣрить, что былина — это прямой и непосредственный отголосокъ давней, хотя и быльемъ уже поросшей были.

Всмотримся же теперь въ эту поэтическую лѣтопись, взглянемся, какъ сперва въ туманѣ и неясно, а потомъ все отчетливѣе и яснѣе вырисовывается въ ней образъ русскаго народа, пока наконецъ не выступаетъ онъ явно на сцену исторической жизни. Но не позабудемъ при этомъ еще одной, можетъ быть главнѣйшей, стороны дѣла. Былины не простой разсказъ о событіяхъ. На каждомъ мимотекущемъ явленіи жизни лежитъ отблескъ вѣчной и неизмѣнной правды. Историческія событія и интересы преходящи, но въ отношеніи къ нимъ народа выражаются невольно взгляды его на то, что въ жизни не преходяще, а существенно, на коренныя основы народнаго міросозерцанія и ихъ своеобразный укладъ, то типическое, то особенное, что составляетъ народную фізіономію. Уяснить себѣ эти краеугольныя основы народнаго міросозерцанія дѣло первой важности, и здѣсь народная поэзія становится для насъ поистинѣ неоцѣнимой. Народная личность проявляется здѣсь не въ разсужденіяхъ, въ которыхъ всегда можетъ быть нѣчто преднамѣренное, но въ самой художественной концепціи былинъ. Иначе говоря, народъ рисуетъ намъ себя мимовольно, самъ того не сознавая, и въ этомъ смыслѣ въ былинахъ дѣйствительно нѣтъ никакой лжи, никакой рисовки, ничего соединеннаго съ расчетомъ. Снять позднѣйшія и нерѣдко чуждыя наслоенія, приставшія къ первоначальной основѣ былинъ, опредѣлить точно, когда, гдѣ и какъ сложилась каждая былина, невозможно, но для главной нашей цѣли это и не особенно нужно: общій уклонъ народныхъ мыслей и сочувствій и безъ того ясенъ, а особенно въ свѣтѣ произведеній нашей письменной словесности, какъ старой, такъ и позднѣйшей. Одни и тѣ же душевныя движенія, одни и тѣ же мысли и настроенія настойчиво и неизмѣнно повторяются при самыхъ разныхъ обстоятельствахъ. Очевидно, именно эти мысли образуютъ основное содержаніе нашей народности, постепенно развивающееся въ жизни. Читатель увидитъ, какъ высокъ общій нравственный уровень

былинъ. Ниже его находятся облѣпившія былинную основу подробности быта, на которыхъ часто видны слѣды первобытной грубости, но важныя для характеристики быта эти частныя и временныя черты не существенны для нашей задачи. Наоборотъ, все, что находится выше общаго уровня былинъ, встрѣчающійся нерѣдко невольный взлетъ мысли въ такія высокія области духа, до которыхъ теперь мы доходимъ путемъ многихъ усилій, борьбы и страданій, чрезвычайно характеренъ: своимъ размахомъ онъ указываетъ, какія силы, хотя и въ несознанномъ нерѣдко видѣ, таятся въ глубинѣ народнаго духа. Довести ихъ до полноты сознанія и построить на выраженныхъ въ нихъ началахъ жизнь народа — дѣло нашего и идущихъ за нами поколѣній. Но для этого надо сперва дать себѣ отчетъ въ томъ, что такое эта „святая святыхъ“ русской народной души. Въ нее вводятъ насъ былины.

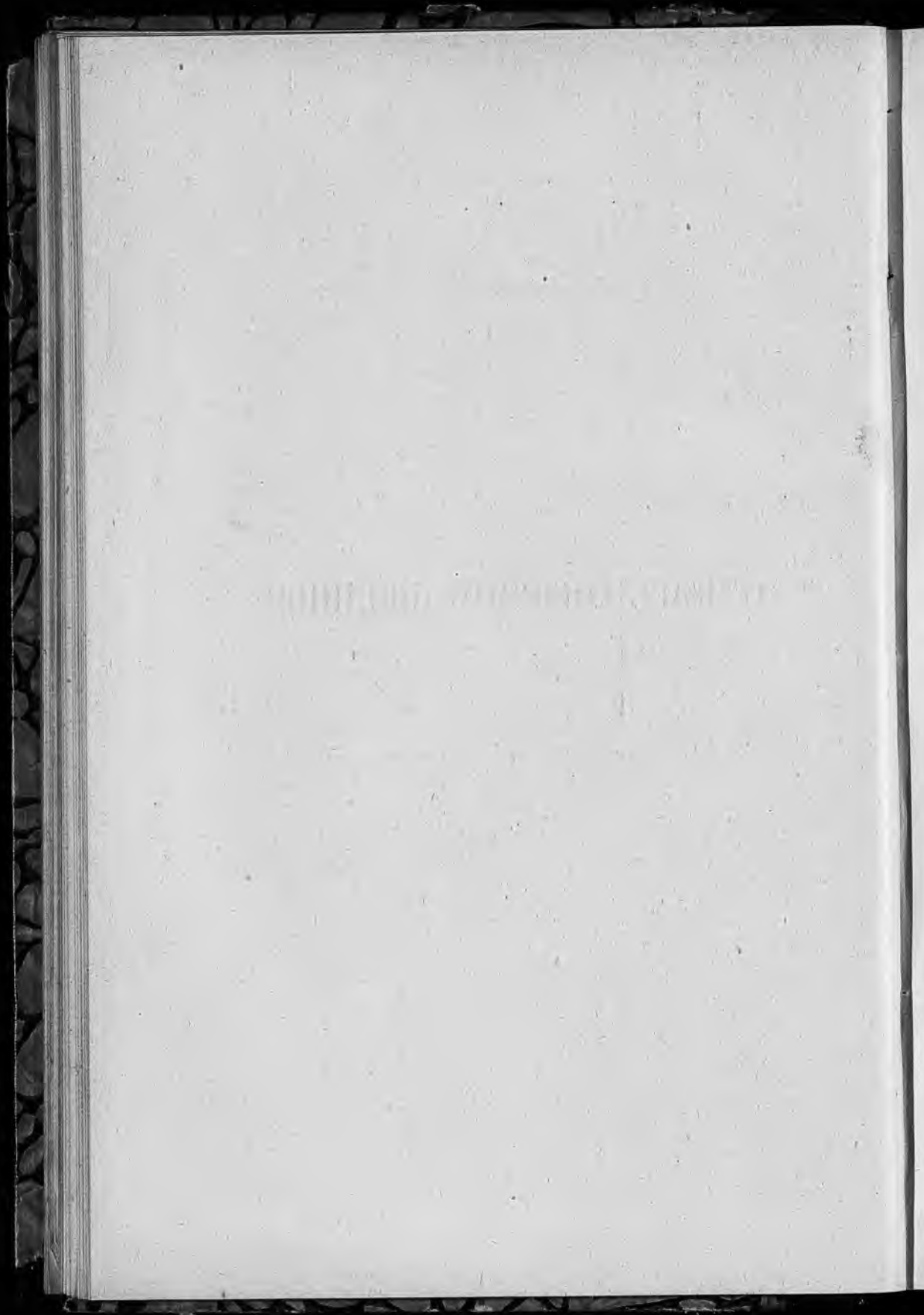
Таковъ раскрывающійся передъ нами путь. Вступая на него, скажемъ словами старыхъ пѣвцовъ:

Бласлови-ка, хозяинъ, бласлови, государь,
Старину намъ сказать стародавнюю,
Хорошо сказать, да лучше слушати
Про стараго казака Илью Муромца
Про русскихъ могучихъ богатырей,
Про землю про нашу святорусскую.

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
FROM THE FIRST
SETTLING OF THE
TOWNE TO THE
PRESENT TIME
BY
JOHN STOW
1618

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
FROM THE FIRST
SETTLING OF THE
TOWNE TO THE
PRESENT TIME
BY
JOHN STOW
1618

О ЧЕМЪ ГОВОРЯТЪ БЫЛИНЫ?

I.

Былины поютъ о богатыряхъ. Слово это—тюркское—*bagathur*—и значить: степной удалецъ, лихой наѣздникъ. Оно пришло на смѣну старорусскому, встрѣчающемуся въ лѣтописи слову *храбръ*. Въ то время, когда еще думали, что подкладкой каждой былины непременно служить религіозный мифъ, принято было различать былины о старшихъ богатыряхъ и младшихъ. Старшими считались тѣ, въ обрисовкѣ которыхъ мифическія черты сохранились, казалось, въ полной почти неприкосновенности. Этихъ богатырей сравнивали съ древнегреческими титанами, полубогами древности, а то и прямо называли божествами. Это — Святогоръ, Вольга, Микула Селяниновичъ. Богатыри историческаго склада отнесены были къ числу младшихъ и дѣйлись въ свою очередь на новгородскихъ — Садко, Василій Буслаевичъ — и кievскихъ — Илья Муромецъ, Добрыня, Алеша Поповичъ, — причемъ отличали еще богатырей, заѣзжихъ въ Кіевъ, каковы Дюкъ, Чурило Пленковичъ, Соловей Будимировичъ и другіе. Позднѣе, когда потеряло вѣсь мифологическое объясненіе былинь, а вмѣстѣ съ нимъ и основаніе для различенія богатырей старшихъ и младшихъ, предложено было дѣленіе былинь на пѣсни собственно богатырскія, въ которыхъ описываются героическіе подвиги богатырей, и былины не воинскаго характера съ сюжетами изъ городской жизни, напоминающія по своему содержанію западноевропейскія

новеллы. При такомъ дѣленіи въ первый отдѣлъ попали бы всѣ пѣсни съ историческимъ характеромъ, во второй пѣсни съ основной преимущественно бытовой. Но и это раздѣленіе едва ли удачно: при немъ былины объ одномъ и томъ же богатырѣ приходится отнести въ разные отдѣлы. Очевидно, всякое дѣленіе былинь болѣе или менѣе произвольно, а можетъ быть и излишне: былины и по приѣмамъ изложенія, и по тону, и даже по содержанію представляютъ собою однородное цѣлое, развертывая передъ нами одну широкую картину нашей исторической и бытовой старины. Для нашей цѣли довольно будетъ разсмотрѣть наиболѣе характерныя изъ нихъ въ порядкѣ временной послѣдовательности описываемыхъ въ нихъ событій.

Первою изъ былинь, подлежащихъ здѣсь нашему изученію, является темная и загадочная былина о Святогорѣ, настолько неясная, что можетъ даже возникнуть вопросъ, былина-ли она, или назидательная пѣсня, одинъ изъ тѣхъ духовныхъ стиховъ, которые распѣваютъ слѣпые пѣвцы, калики перехожіе. Вотъ эта былина:

Снарядился Святогоръ во чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю,
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, кккъ отъ тяжелаго беремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тяги нашелъ,
«Такъ я бы всю землю поднялъ!»
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную,
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку—
она не скрывается;
Двинетъ перстомъ ее—не сворохнется;
Хватитъ съ коня рукой—не подымется:
«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
«А такого чуда не наѣзживалъ
«Такого дива не видывалъ:
«Маленькая сумочка переметная

«Не скрянется, не сворохнется, не подымется.
 Слѣзаль Святоторъ съ добра коня,
 Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама,
 Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
 И по колѣна Святоторъ въ землю угрызъ,
 А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
 Гдѣ Святоторъ угрызъ, тутъ и встать не могъ.
 Тутъ ему было и конченіе.

Поэтическій фактъ, рассказанный въ этой пѣснѣ, ясенъ: богатырь-чудовище, богатырь-гора, скитаясь по чисту полю, наѣзжаетъ на маленькую сумочку переметную, гдѣ, какъ извѣстно изъ другой былины о томъ же Святоторѣ, заключалась тяга земная, и, вздумавъ поднять ее, самъ угрызаетъ въ землю и тутъ же и кончается. Но если правду говорить народная пословица: „сказка—складка, пѣсня—быль“, то спрашивается, какая же быль скрывается подъ фантастическимъ рассказомъ о не менѣе фантастическомъ богатырѣ? Въ самомъ дѣлѣ изъ другихъ былинъ о Святоторѣ мы узнаемъ, что передъ нимъ остальные богатыри и силачи земли русской не болѣе, какъ мальчики съ пальчики. Когда они наносятъ ему удары, ему кажется только, что онъ зацѣпился за сучокъ или зацѣлъ за камешекъ, а когда самъ онъ ѣдетъ по чисту полю, бѣда всякому встрѣчному: „кого онъ толкнетъ, тому смерть да смерть“, рассказываютъ о немъ былины. Сила его чудовищная, сверхъестественная, такая же стихійная, какъ сила несущагося по полю урагана и волны бушующаго безбрежно огня. Нѣтъ чело-вѣка на землѣ, съ которымъ бы могъ онъ помѣряться силой, и нѣтъ предмета, къ которому бы онъ умѣлъ ее приложить. Для самого его стала она въ тягость: „грузно ему отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени“. Такого единичнаго лица, безъ сомнѣнія, существовать не могло. Но тогда кто же онъ, этотъ загадочный богатырь?

Ища отвѣта на этотъ вопросъ, мы прежде всего встрѣчаемся со взглядомъ на Святотора, какъ на мифическое существо. Оказывается, что Святоторъ въ области народной ми-

еологіи не одиночне явленіє. Такихъ же великановъ, живущихъ на горахъ, знаєть нѣмецкая міеологія. Кавказскія сказанія о нартахъ розказывають объ огромнаго роста великанѣ, „сынѣ силы“, князѣ скаль“ Мукарѣ. Сербы имѣють своихъ великановъ „джидовъ“ и теперъ еще въ Босніи показывають кладбища великановъ, „джидовски гробишта“. Нашъ Святогоръ изъ семьи этихъ исполиновъ и, какъ ихъ, такъ и его постигаетъ одинаковая участь: они подобно своимъ сородичамъ, греческимъ титанамъ, обыкновенно погибають въ борьбѣ съ древнѣйшими божествами. „Наука—писаль въ „Преданіяхъ первоначальной русской лѣтописи“ Костомаровъ—можно сказать, достаточно уже рѣшила, что въ этой борьбѣ погибающихъ великановъ съ новыми богами человѣческая способность выражаться образами представила собственный процессъ человѣческаго развитія, заключающійся въ переходѣ отъ безсмысленнаго подчиненія матеріи къ сознанію духовнаго бытія, отъ поклоненія дикой космической силѣ къ обоготворенію человѣчно-нравственныхъ идеаловъ. И такъ какъ при всемъ разнообразіи явленийъ этотъ процессъ имѣетъ главныя одинакія черты, то и образы его выраженія въ главныхъ чертахъ одинаковы, и къ такимъ одинакимъ чертамъ принадлежитъ гибель великановъ“. Если это такъ, то подъ міеическими чертами Святогора скрытъ образъ народа въ то время, когда еще предки наши жили, какъ живутъ „въ глубокихъ моряхъ“ рыбы или „въ дремучихъ лѣсахъ“ птицы, жизнью первобытной и дикой, а сумочка переметная съ тягой земной — это власть земли надъ человѣкомъ, это притягательная ея сила, знакомая всякому, кто когда-нибудь прикладывалъ къ ней свой трудъ.

Земля — наша мать и кормилица, но даровъ своихъ она не даетъ даромъ: она приковываетъ къ себѣ человѣка цѣпью крѣпкою и неразрывною. Этой цѣпью она приковала къ себѣ и русскій народъ, когда въ образѣ Святогора онъ, полный мощной энергіи и силы, что „по жиламъ его

такъ живчикомъ и переливалась“, вздумалъ впервые приложить свой трудъ къ дѣлу и поднѣлъ своей мощной рукой тягу земную. Онъ поднѣлъ ее, но тутъ же и умеръ, по колѣна въ землю угрызъ, а

Гдѣ Святогоръ угрызъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

Онъ умеръ, но съ тѣмъ, чтобы возродиться къ новой и лучшей жизни. Онъ кончился, какъ Святогоръ, какъ необузданная, стихійная, ни къ чему не приспособленная, не оживленная разумомъ дикая сила, кончился, ибо употребилъ въ дѣло эту силу, поднѣлъ сумочку переметную и тѣмъ самымъ сталъ инымъ. Но, кончившись, какъ Святогоръ, онъ не пересталъ жить, какъ народъ, и только принялъ новый образъ — народа земледѣльческаго. Историческій фактъ, скрывающійся подъ оболочкой поэтического разсказа, если признать это объясненіе, будетъ переходъ русскаго народа отъ стихійной и дикой жизни къ земледѣльческому періоду.

Въ другомъ вариантѣ той же былины этотъ фактъ выступаетъ еще съ большей ясностью. Тутъ Святогоръ въ своихъ блужданіяхъ по свѣту встрѣчаетъ уже не одну сумочку переметную, что неизвѣстно кѣмъ брошена на землю, а новаго, до сихъ поръ невѣдомаго богатыря русской земли. Идетъ этотъ богатырь „цѣхотою“, а за плечами у добра молодца маленькая сумочка переметная. Захотѣлъ Святогоръ догнать его, но, хотъ „во всю силу лошадиную припускалъ онъ своего добра коня“, не догналъ онъ прохожаго и крикнулъ ему, прося остановиться, а когда тотъ остановился и съ плечъ сложилъ сумочку на-земь, сталъ Святогоръ его спрашивать, что у него въ сумочкѣ. Но вмѣсто отвѣта прохожій предложилъ ему поднять сумочку. Святогоръ попробовалъ сперва „однимъ перстомъ“, потомъ одною рукою, а потомъ руками обѣими, но сумочка не подымалась. Принатужился онъ „во всю силу богатырскую,

отъ натуги по бѣлу лицу ала кровь пошла“ и поднялъ онъ суму отъ земли „на волосъ“, но, какъ и въ первой былинѣ, тутъ же „по колѣна самъ онъ въ мать-сыру землю угрызъ“. И тогда только прохожій открылъ наконецъ ему, кто онъ такой и что заключается въ его сумочкѣ и сталъ передъ нами во весь свой ростъ тотъ, кто отнынѣ вмѣсто Святогора явился представителемъ народа русскаго:

Въ моей малой сумочкѣ переметной
Вся земная тяга понагружена,
А я самъ—Микула Селяниновичъ.

Микула Селяниновичъ!—какъ характерно это имя. Микула—простонародное Микола (польское *Mikołaj*), словацкое *Mikulaš*). Николай—это и теперь наравнѣ съ Иваномъ одно изъ любимѣйшихъ именъ русскаго крестьянства. Но еще знаменательнѣе отчество Микулы. Онъ—Селяниновичъ, или Селягиновичъ (отъ *селя*—нива, запущенная подъ траву и лѣсъ), въ обоихъ случаяхъ сынъ села, выразитель осѣдлаго земледѣльческаго народа. Это онъ побѣдилъ Святогора и, какъ только явился онъ на свѣтъ, Святогоръ, какъ народъ въ дикомъ и стихійномъ состоянii, уже не могъ долго гулять по чисту полю и—умеръ

Таковъ единственно возможный смыслъ былины, если признать, что въ основѣ пѣсни о Святогорѣ лежитъ историческая дѣйствительность. Но, принявъ это объясненiе, приходится отнести былину къ такой глубокой древности, что невольно возникаютъ подозрѣнiя, вѣрно ли само это объясненiе. И дѣйствительно, дальнѣйшія изысканiя открыли совершенно новую точку зрѣнiя на былину. Давно уже было замѣчено, что рассказъ о сумочкѣ переметной, обыкновенно соединяющійся съ именемъ Святогора, чуть не цѣликомъ вошелъ въ духовный стихъ объ Аникѣ-воинѣ, заимствованный изъ греческихъ пѣсенъ о Дигенисѣ-Акритѣ, непобѣдимомъ воинѣ (*ἀνίκητος*), который боролся съ самой смертью. Съ другой стороны, имя Святогора въ нѣкоторыхъ былинахъ замѣняется библейскимъ именемъ Самсона, что

естественно навело на мысль, что и въ основаніи пѣсни о Святогорѣ лежитъ какое-нибудь библейское сказаніе, приближающее ее скорѣе къ духовнымъ стихамъ, чѣмъ къ историческимъ пѣснямъ. Наконецъ нашелся еще одинъ средневѣковой памятникъ, нравоучительный діалогъ нѣмецкаго происхожденія „Преніе живота со смертію“, которое, совпадая въ одномъ мѣстѣ съ былиной, какъ-бы подтверждало вышеуказанное предположеніе. Ждановъ посвятилъ выясненію этого вопроса цѣлую магистерскую диссертацию и, произведя самый мелочной анализъ фактовъ, казалось, окончательно установилъ, что Святогоръ это не кто иной, какъ библейскій Самсонъ, только прошедшій сквозь призму народнаго міросозерцанія. Самое имя его, Святогоръ, не что иное, какъ опредѣленіе къ Самсону—Святогорскій,—которое потомъ обособилось въ самостоятельное названіе подобно тому, какъ эпитетъ византійскаго Дигениса—*ἀνίχτος*, непобѣдимый—отдѣлившись отъ опредѣляемаго слова, обособился въ нашемъ Аникѣ. Вмѣстѣ съ этимъ время созданія былины изъ незапамятной древности передвигалось въ XVI вѣкъ. Недостатокъ прежняго объясненія былины, предположеніе о слишкомъ глубокой ея давности, исчезало но при этомъ исчезало и все прежнее объясненіе былины.

Съ новой точки зрѣнія пѣсня о Святогорѣ получала видъ нравоучительнаго разсказа на любимую народомъ тему о томъ, что „гнило всяко слово похвальное“. Святогоръ хвалился, что перевернетъ всю землю и за это погибъ, не поднявъ маленькой сумочки. Нашлось разночтеніе былины, гдѣ Святогоръ является въ обществѣ другихъ богатырей Колывана и Муромляна и гдѣ это нравоученіе выражено прямо и непосредственно. Когда ни одинъ изъ богатырей не поднималъ сумки, раздался голосъ съ неба:

Сильніи, могучіи богатыри!
Отстанете прочь отъ таковыя сумки.
Весь земныя грузъ въ сумку сложенъ,
Впередки не похваляйтесь
Всею землею владѣти,

Наблюдаете свое доброе
Вадите по Русей,
Дѣлайте защиту,
Сохраняйте Русею отъ непріателя,
А хвастать по пустому не знайте.

Но и новое объясненіе былины имѣло свои слабыя стороны. Во-первыхъ, положенія Жданова съ самаго начала не были приняты наукой вполне: Веселовскій въ разборѣ его диссертации, не отрицая библейскихъ вліяній на былинку о Святогорѣ и указаннаго Ждановымъ нравоучительнаго смысла ея, ясно показалъ, что отождествленіе Святогора съ Самсономъ невозможно и что пока по крайней мѣрѣ ихъ надо считать за отдѣльныхъ богатырей. А во-вторыхъ, устраненіе одной темной точки въ старомъ объясненіи вызвало новую, можетъ быть, еще болѣе существенную неясность. Если весь смыслъ былины заключается въ богатырской похвалѣ и наказаніи за нее, то при чемъ же сумочка переметная съ тягой земной и что эта тяга земная обозначаетъ? Ждановъ совершенно не коснулся этого коренного въ пониманіи былины вопроса, а Веселовскій, сознавая его важность, объяснилъ его однако весьма неудачно. Сумочка переметная съ тягой земной—это, по его мнѣнію, образъ смерти или по крайней мѣрѣ напоминаніе о ней: „неподъемлемыя сумки съ землею на пути хвастливаго богатыря могутъ обозначать только одно: „ты возвратишься въ землю“; они предупрежденіе смерти, которая тотчасъ и является“. Но почему же для Микулы Селяниновича эта страшная сумочка, олицетворяющая будто бы собой угрозу смерти, ничуть не оказалась страшною — не говоримъ уже: роковою—и онъ, взваливъ ее себѣ на плечи, понесъ ее какъ ни въ чемъ не бывало на себѣ? Ясно, что объясненіе, предложенное Веселовскимъ, ровно ничего не объясняетъ, да онъ и самъ, повидимому, чувствовалъ это, прибавивъ тутъ же, что „поднятіе сумки съ тягой земной, очевидно, искажено изъ болѣе понятнаго мотива“.

Стараясь такимъ образомъ устранить первое объясненіе былины, новые изслѣдователи сами не поставили на его мѣсто никакого другого болѣе прочнаго, ограничиваясь одними гадательными и мало что уясняющими предположеніями.

Немного подвинули дѣло впередъ и позднѣйшія изыска- С. К. Шаминаго, который вслѣдъ за итальянскимъ ученымъ Domenico Comparetti указалъ на нѣкоторое сходство нашего Святогора, „сына Колывана“, какъ его называютъ иногда былины, съ героемъ эстонскаго эпоса Калеви-поэгомъ, сыномъ Калева—имя, происходящее отъ слова „kallio“—гора. Установивъ, вообще говоря, возможность вліянія эстонской поэзіи на русскую, изслѣдователь не доказалъ, однако, происхожденія русскаго богатыря отъ Калеви-поэга, а объясненія сумочки переметной и вовсе не затронулъ. Вопросъ о ней остается и доселѣ открытымъ.

Гдѣ же въ такомъ случаѣ истина и каковъ настоящій смыслъ былины о Святогорѣ?

Когда наука стоитъ на распутьи, не давая опредѣленнаго отвѣта, каждому предоставляется самому принять то или другое изъ предлагаемыхъ ею рѣшеній. Но научнымъ анализомъ не ограничиваются наши средства познанія. Есть еще другой путь постиженія, гдѣ всѣ силы души, дѣйствуя согласно, приходятъ на помощь разуму, путь непосредственнаго художественнаго проникновенія въ сущность явленія. Опытъ показываетъ, что вдохновенный художникъ провидитъ иногда своимъ поэтическимъ чутьемъ то, къ чему потомъ только путемъ долгихъ усилій приходитъ наука. Былину о Святогорѣ объясняли не одни люди науки. Ея коснулся между прочимъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ художниковъ недавняго времени, къ тому же и глубокий знатокъ русской народной души, Глѣбъ Успенскій. Здѣсь по праву должно найти мѣсто и его толкованіе, тѣмъ болѣе, что, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ исторической подкладкѣ былины

или нравоучительномъ ея смыслѣ, онъ подошелъ къ ней съ новой стороны, еще никѣмъ до него не затронутой, со стороны столь хорошо ему знакомаго и близкаго современнаго крестьянскаго міра. Для него сумочка переметная съ тягой земной есть именно власть земли надъ всею жизнью русскаго крестьянина.

Пѣсня о Святогорѣ это „стариннѣйшая былина, въ сущности даже и не былина, а загадка, но загадка, въ которой таится вся сущность народной жизни. Съ глубочайшей силой и простотой указано въ ней могущество земли, этой персти, „праха“. Земля, о неограниченной, могущественной власти которой надъ народомъ идетъ рѣчь, есть не какая-нибудь аллегорическая или отвлеченная, иносказательная земля, а именно та самая земля, которую вы принесли съ улицы на своихъ калошахъ въ видѣ грязи, та самая, которая лежитъ въ горшкахъ вашихъ цвѣтовъ, черная, сырая, словомъ, земля, самая обыкновенная, натуральная земля. „Тяга“ въ этой самой натуральной землѣ оказывается столь огромной, что съ ней не въ силахъ совладать богатырь, которому ничего не стоитъ разнести въ пухъ и прахъ цѣлую деревню. Все это такъ именно есть и до сего дня. Вотъ сейчасъ изъ моего окна я вижу: плохо прикрытая снѣгомъ земля, тоненькая въ вершокъ зеленая травка, а отъ этой тоненькой травинки въ полной зависимости человѣкъ, огромный мужикъ съ бородой, съ могучими руками и быстрыми ногами. Травинка можетъ вырасти, можетъ и пропасть, земля можетъ быть матерью и злой мачехой, — что будетъ, неизвѣстно рѣшительно никому. Будетъ такъ, какъ захочетъ земля; будетъ такъ, какъ сдѣлаетъ земля... И вотъ человѣкъ въ полной власти у этой тоненькой травинки. Вѣдь она только черезъ годъ, почти день въ день, принесетъ на мужицкій столъ ломоть хлѣба, но можетъ и не принести—она сама во власти каждой тучки, cadaго вѣтерка, cadaго солнечнаго луча... Сколько перемѣнъ, неожиданностей, случайностей и огромныхъ послѣдствій, сопутствующихъ этимъ неожиданностямъ!

Для этой травинки, для того, чтобы она могла питать, нужна масса приспособлений, масса труда, масса внимательности во взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Нужна работающая жена, которая могла бы участвовать въ этой массѣ труда, нужна скотина, ухоть за скотиной, нужны орудія, и все это для этой травинки. Такимъ образомъ у земледѣльца нѣтъ шага, нѣтъ поступка, нѣтъ мысли, которые бы принадлежали не землѣ. Онъ весь въ кабалѣ у нея. И вотъ въ этой-то ежеминутной зависимости, въ этой-то массѣ тяготы, подъ которою самъ человѣкъ не можетъ и шевелиться, тутъ-то и лежитъ та необыкновенная *легкость* существованія, благодаря которой мужикъ Селяниновичъ могъ сказать: „меня любитъ мать сыра-земля“.

И точно любить: она забрала его въ руки безъ остатка, всего цѣликомъ, но зато какое счастье не выдумывать себѣ жизни, не разыскивать интересовъ и ощущеній, когда они сами приходятъ къ тебѣ каждый день, едва только открылъ глаза! Дождь на дворѣ—*долженъ* сидѣть дома, ведро—*долженъ* идти косить, жать и т. д. Ни за что не отвѣчая, ничего самъ не придумывая, человѣкъ живетъ только *слушаясь*, и это ежеминутное, ежесекундное послушаніе, превращенное въ ежедневный трудъ, и образуетъ *жизнь*, не имѣющую, по-видимому, никакого результата (что выработаютъ, то и съѣдятъ), но имѣющую результатъ именно въ самой себѣ. Деспотическая власть любящей мужика матери-земли даетъ ему возможность въ трудѣ надъ землею находить себѣ полное нравственное удовлетвореніе. Огромнѣйшая масса русскаго народа до тѣхъ поръ и терпѣлива, и могуча въ несчастіяхъ, до тѣхъ поръ молода душою, мужественно-сильна и дѣтски-кротка, словомъ, до тѣхъ поръ сохраняетъ свой могучій и кроткій типъ, покуда надъ нимъ царитъ *власть земли*, которая съ такой силой выражена въ былинѣ о Святогорѣ“.

Таково толкованіе художника, подкрѣпленное тонкимъ и проникновеннымъ знаніемъ современнаго народнаго быта.

Подтверждая несомнѣнно первое изъ двухъ вышеприведенныхъ объясненій былины, оно не теряетъ и самостоятельного значенія. Въ созданіяхъ художника и то, чего не было, загорается жизнью. Съ другой стороны, общеизвѣстно, что въ языкѣ подѣ влияніемъ времени одно и то же слово получаетъ новыя значенія. Такъ слово *работа*, которое теперь обозначаетъ благородное понятіе труда, нѣкогда было однозначущимъ съ теперешнимъ словомъ *рабство*. Явленіе, наблюдаемое въ языкѣ, имѣетъ мѣсто и въ словесности. Тѣ или другія сказанія, усвоиваясь народомъ, перерабатываются имъ и получаютъ постепенно совершенно иной, иногда даже противоположный прежнему смыслъ. Съ этой точки зрѣнія, какъ бы ни рѣшила наука вопросъ о происхожденіи былины о Святогорѣ, хотя бы она когда-нибудь даже на основаніи точныхъ фактовъ — въ чемъ позволительно сомнѣваться — доказала, что былина эта поздняго происхожденія и не представляетъ собой ничего больше, какъ нравоучительный рассказъ, художественное ея объясненіе, данное Успенскимъ, не потеряетъ въ своей цѣнѣ. Когда бы и какъ бы ни произошла былина, она въ настоящее время и въ настоящемъ своемъ видѣ освѣщаетъ намъ ярко и значительно одну изъ коренныхъ силъ, управляющихъ жизнью русскаго народа — власть земли. А это одно уже стоитъ многого и способно вдохнуть силы для новой жизни.

На этомъ можно было бы покончить со Святогоромъ, если бы, постепенно отвлекаясь отъ конкретныхъ объясненій въ сторону отвлеченной мысли, мы не могли бы придти наконецъ къ той точкѣ, гдѣ съ одной стороны является возможность мирной встрѣчи для всѣхъ трехъ объясненій, а съ другой раскрывается одна изъ важныхъ сторонъ народнаго міросозерцанія. Эта точка зрѣнія уясняется изъ сопоставленія обоихъ героевъ былины. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни объяснять былинку, очевидно для каждаго, что Святогоръ это представитель страшной и необъятной, но дикой и недостаточно одухотворенной еще разумомъ силы физической,

а Микула — богатырь не только могучій, но и умѣлый: онъ знаетъ, какъ надо приняться за дѣло и легко исполняетъ то, къ чему не сумѣлъ даже приступить, какъ слѣдуетъ, Святогоръ. Идя далѣе, мы можемъ сказать: какъ Микула побѣждаетъ Святогора, такъ и сила физическая безъ силы умственной и духовной склоняется передъ силою разума. Она ниже ея и слабѣе. Оставленная одна, она такъ же скоро изнемогаетъ и слабѣетъ, какъ изнемогъ Святогоръ. Это и есть мысль обѣихъ былинъ о Святогорѣ въ ея наиболѣе общемъ видѣ. Это та же мысль, которую много вѣковъ спустя высказалъ лучшій представитель нашей философской мысли, Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, сказавъ, что „сила матеріальная, взятая сама по себѣ, есть безсиліе“. Русскій народъ, если не понималъ, то чувствовалъ это уже давно. Подъ строгою и неумолимою властью природы жилъ и живетъ онъ, слушаясь велѣній своей матери и кормилицы, земли. Но искони знаетъ онъ, какъ мы увидимъ, и иной законъ — правды Божьей. Вѣра въ эту правду, вѣра въ превосходство духа надъ матеріей — одна изъ коренныхъ основъ нашего народнаго міросозерцанія.

II.

Если признать историческую подкладку въ пѣснѣ о Святогорѣ, то второй по порядку существенный фактъ изъ жизни русскаго народа, отмѣченный его поэтической лѣтописью, рассказанъ въ былинѣ о новомъ богатырѣ земли русской, Вольгѣ Святославовичѣ, или, какъ его называютъ другія былины, Волхѣ Всеславьевичѣ.

Какъ нѣкогда Святогоръ, этотъ представитель первобытной, неуправленной еще разумомъ, безбрежно стихійной силы русскаго народа встрѣтился наконецъ съ новою силою въ лицѣ Микулы Селяниновича и, прикоснувшись къ носимой имъ въ сумочкѣ тягѣ земной, навсегда „угрызъ въ

землю“, такъ и теперь уже не онъ, а Микула Селяниновичъ, этотъ „ратай“, что „оретъ въ полѣ, поскрипывая сошкой и съ края въ край бороздки пометывая“, встрѣчаетъ на своемъ пути новую, дотолѣ невиданную еще на Руси силу въ лицѣ Вольги Святославовича. И какъ въ первой былинѣ Святотгоръ мѣряется силой съ Микулой, напрасно стараясь поднять его сумочку переметную, такъ и въ былинѣ о Вольгѣ происходитъ своего рода состязаніе, но только уже между Микулой Селяниновичемъ и Вольгой. „Поѣхавъ съ Вольгой во товарищахъ“, Микула вспоминаетъ, что онъ оставилъ свою сошку въ бороздочкѣ:

Какъ бы сошка съ земельки повыдернута,
Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнута
И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?

Тогда

Молодой Вольга Святославовичъ
Посылаетъ онъ съ дружинишки хоробрыя
Пять молодцевъ могучихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,

но какъ ни старались его молодцы, какъ ни вертѣли „сошку за обжи вокругъ“, а выдернуть сошки имъ не удалось. „Посылаетъ онъ молодцевъ цѣлымъ десяточкомъ“, но и ихъ участь та же. Посылаетъ онъ наконецъ „всю дружинишку хоробрую“, но и

Они сошку за обжи вокругъ вертять,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернута.

Пришлось ѣхать самому Микулѣ Селяниновичу. И

Поѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовой;
Бралъ то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ:

У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь остается.

Такимъ образомъ то, чего не смогъ сдѣлать Вольга со всей его дружинишкой хороброю, легко и какъ бы шутя сдѣлалъ Микула. Превзойдя силою Святогора, оказался онъ побѣдителемъ и при встрѣчѣ съ новою народившейся на Руси силою: не угнаться Вольгѣ съ его конемъ за „соловой кобылкой оратая“. Таковъ поэтический фактъ, изложенный въ былинѣ.

Что же онъ обозначаетъ?

Теорія заимствованій, отвергая самородное происхожденіе пѣсни о Святогорѣ, заподозрѣла историческую подкладку и въ былинѣ о Вольгѣ. Вольга, по мнѣнію В. О. Миллера,—это только перелицовка Александра Македонскаго. И тотъ и другой ходили въ „Индію богатую“. Въ сказаніяхъ обоихъ описывается встрѣча ихъ съ пахаремъ. Въ поэмѣ персидскаго поэта XII вѣка Низами „Счастье Искандера“ ¹⁾. Александръ встрѣчается въ Индіи съ прекраснымъ юношей, богатымъ земледѣльцемъ, котораго онъ напрасно старается заманить подарками въ число своихъ спутниковъ. Въ другомъ сказаніи сталкивается онъ съ сыномъ царя Ароя Николаемъ и, какъ Вольга съ Микулой, состязается съ нимъ въ бѣгѣ на колесницахъ, причемъ единственная разница состоитъ только въ томъ, что у насъ Микула побѣждаетъ Вольгу, а тамъ Александръ одолеваетъ Николая. Микулу тотъ же В. О. Миллеръ сопоставлялъ съ фригійскимъ царемъ Гордіасомъ, который до своего избранія въ цари пахалъ землю. Такимъ образомъ, выходитъ какъ будто, что если въ нашихъ былинахъ съ Микулою встрѣчается Вольга, а не иной богатырь, такъ это потому только, что знаменитый Гордіевъ узелъ во Фригій разсѣкъ предполагаемый двойникъ Вольги, Александръ Македонскій. А. Н. Веселовскій дѣлалъ такіа же сблизенія. Въ англо-германской поэмѣ о путешествіи Карла Великаго

¹⁾ Искандеръ—Александръ.

въ Іерусалимъ нашелъ онъ константинопольскаго короля Гугона. Чтобы памятовать о ничтожествѣ человѣческомъ, Гугонъ отъ времени до времени берется за плугъ. Микула тоже пашетъ землю. Этого было довольно, чтобы установить между ними связь. Увлекаясь однимъ вариантомъ, гдѣ Микула представленъ въ шапочкѣ пуховой, бархатномъ кафтанѣ и востроносыхъ сапогахъ, нѣкоторые изслѣдователи хотѣли изъ него сдѣлать сказочнаго царевича и изъ привѣтствія, съ которымъ обращается къ нему въ одномъ пересказѣ Вольга, называя его „дядюшей Микулушкой“, выводили, что онъ дѣйствительно его дядя, природный русскій князь, забывая, что тогда пришлось бы возвести въ княжеское достоинство всѣхъ нашихъ „дядей Митяевъ“, которыхъ сколько угодно въ любой русской деревнѣ, да и насъ самихъ, потому что кого же изъ насъ какой-нибудь бѣлокурый деревенскій мальчикъ, будущій „дядя Миколай“ не называлъ своимъ дяденькой.

Натянутость и шаткость всѣхъ этихъ сопоставленій такъ очевидны, что впослѣдствіи самъ В. О. Миллеръ, повидимому, замѣтилъ это, признавъ вопросъ о фабулѣ былины „довольно безнадежнымъ“. Мы думаемъ однако, что смыслъ ея станетъ намъ ясенъ, если мы взглянемъ на дѣло проще и, не подводя всего во что бы то ни стало подъ теорію заимствования, которая въ данномъ случаѣ только затемняетъ дѣло, посмотримъ въ лица тѣхъ двухъ богатырей, чья встрѣча составляетъ содержаніе былины. Тогда намъ откроется и ея историческая подкладка, на которую намекалъ еще одинъ изъ первыхъ нашихъ изслѣдователей былины — Безсоновъ.

Кто же такое новый богатырь земли русской, Вольга Святославовичъ?

Двѣ отличительныя черты ярко бросаются намъ въ глаза въ лицѣ Вольги: это—его необыкновенная, сверхъестественная сила и чудодѣйственная мудрость. Когда онъ родился на свѣтъ Божій, „задрожала сыра-земля, стряслося славно царство индѣйское, а и синее море сколебалося“:

А и будетъ Волхъ въ полтора часа,
Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ.

Не о пеленахъ червчатыхъ, не о шелковыхъ поясахъ проситъ онъ мать свою, а о латахъ булатныхъ, о трехсотцудовой палицѣ:

Пеленай меня, матушка,
Въ крѣпки латы булатныя,
А на буйну голову клади златъ шлемъ,
Во праву руку палицу.
А и тяжку палицу свинцовую,
А вѣсомъ та палица въ триста пудъ!

Этой страшной силѣ соответствуетъ и змѣнная мудрость. Едва сталъ онъ „растѣть-матерѣть“, какъ „похотѣлось ему много мудрости“ и „грамота ему въ наукъ пошла“, — „пучился Волга ко премудростямъ“: онъ — оборотень, онъ умѣетъ обертываться и сѣрымъ волкомъ, и яснымъ соколомъ, и гнѣдымъ туромъ золотые рога, и горностаемъ, и маленькимъ мурашикомъ. Когда пришлось ему съ дружиною пойти на царство Индѣйское и пришли они къ стѣнѣ бѣлокаменной, гдѣ ворота желѣзныя, крючки-засовы всѣ мѣдныя, стоятъ караулы денны-нощны и только въ подворотнѣхъ вырѣзы такіе маленькіе, что въ нихъ лишь мурашу пройти, онъ, не долго думая, самъ обернулся мурашикомъ и своихъ молодцевъ обернулъ мурашиками, и прошли они черезъ стѣну бѣлокаменную и, обернувшись вновь добрыми молодцами, завоевали царство индѣйское. Недаромъ отецъ Волха — змій, по предположенію Буслаева, новгородскій „бѣсоутодный чародѣй, змѣяка“ Волхъ, сынъ Словена, почитаемый въ народѣ за Перуна. Недаромъ и самъ онъ — Волхъ, т. е. волхвъ, вѣдунъ, вѣщій, кудесникъ. Онъ выходитъ за предѣлы дѣйствительности, онъ — полубогъ на подобіе древнихъ греческихъ полубоговъ, онъ — сверхъестественное существо, мифъ.

Но въ то же время это сказочное лицо носить на себѣ и всѣ слѣды лица историческаго. Мы даже знаемъ мѣсто его рожденія — Кіевъ, мы можемъ по былинамъ опредѣлить

и время, когда онъ появился на Руси. Его „родный дя-
дюшка“—

Ласковый Владимиръ стольно-кѣвскій;

онъ—одинъ изъ лучей, исходившихъ отъ этого князя —
Красное Солнышко, что просвѣтилъ Русь свѣтомъ хри-
стіанскаго ученія, что и теперь еще стоитъ на правомъ
берегу Днѣпра, осѣняя съ высоты кѣвскихъ горъ своимъ
крестомъ всю безбрежную, распростершуюся передъ нимъ
равнину русской земли. Какъ племянникъ Владимира, онъ
отличается всѣми характерными чертами русскаго удѣль-
наго князя. Варягъ, онъ съ раннихъ лѣтъ уже собираетъ
себѣ дружинишку хоробрую — тридцать молодцевъ безъ
единого. Святославъ, никогда не разставаясь со своей вѣр-
ной дружиною, ходилъ съ нею и на ясовъ и на косоговъ и
на далекихъ болгаръ и грековъ,—и Вольга идетъ со своими
дружинниками на славное царство Индѣйское. Игорь, по
совѣту дружины, „иде въ Дѣрева въ дань и примышляше къ
дани и, возъемавъ дань, поиде въ градъ свой“, — и молодой
Вольга Святославовичъ

Со своей дружинишкой хороброю

Онъ побѣхалъ къ городамъ за получкою.

Волхъ, онъ въ то же самое время и Вольга, гдѣ в играетъ
такую же роль, какъ въ словахъ „восемь“, „вострый“: онъ
Ольга, Ольгъ, Олегъ—имя столь обычное среди удѣльныхъ
русскихъ князей. Халанскій усматривалъ въ немъ прямо
Олега Вѣщаго. Но какой бы дѣйствительный князь ни
легъ въ основу пѣсни, во всякомъ случаѣ Вольга не что
иное, какъ живой образецъ русскаго князя вообще, пред-
ставитель русской государственности, какъ Микула Селяни-
новичъ—представитель земскаго начала.

Подобно Вольгѣ и Микула — этотъ другой герой нашей
былины—лицо двойственнаго характера. Съ одной стороны
онъ—существо сверхъестественной силы и, побѣдивъ Свято-
гора, побѣждаетъ и Вольгу, хотя тотъ, будучи возрастомъ

въ полтора часа, уже подымать рукой палицу въ триста пудъ. По мнѣнію Буслаева, онъ отраженіе старославянскаго языческаго бога, покровителя сельскаго хозяйства и въ этомъ смыслѣ обладателя тяги земной, Велеса, котораго позднѣе при переходѣ отъ язычества къ христіанству смѣнили въ народномъ воззрѣніи св. Николай Чудотворецъ. Въ записанныхъ Барсовымъ обрядовыхъ пѣсняхъ Череповецкаго уѣзда Новгородской губерніи имя Велеса прямо чередуется съ Микулинымъ. Съ другой стороны, если взглянуть на Микулу безъ всякихъ ухищреній, онъ — самый простой и обыкновенный, всѣмъ намъ такъ хорошо извѣстный крестьянинъ-пахарь, сынъ села, Селяниновичъ, что и теперь еще у насъ на глазахъ „съ края въ край бороздки пометываетъ“:

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ.

На вопросъ Вольги, какъ его именемъ зовутъ, какъ звеличаютъ по отчеству, онъ отвѣчаетъ характерными словами:

Ай же, Вольга Святославговичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да пива наварю,
Пива наварю, да и мужиковъ напою.
Станутъ мужики меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

Въ этихъ словахъ очерчена вся жизнь русскаго мужика-пахаря, весь кругъ его занятій, интересовъ и желаній. Тысяча лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ впервые онъ встрѣтился съ Вольгою, а и теперь, спустя тысячу лѣтъ, онъ все тотъ же и устами своего новаго поэта, вышедшаго изъ простаго народа воронежскаго прасола Кольцова выражаетъ тѣ же мысли и чувства, что нѣкогда высказалъ Вольгѣ Микула Селяниновичъ:

Весело я лажу
Борону и соху,

Телѣгу готовлю,
 Зерна насыпаю.
 Весело гляжу я
 На гумно, на скирды,
 Молочу и вѣю...
 Ну, тащися сивка!
 Пашенку мы рано
 Съ сивкою распахемъ,
 Зернышку сготовимъ
 Колыбель святую.
 Его вспоить, вскормить
 Мать земля сырая;
 Выйдетъ въ полѣ травка—
 Ну, тащися сивка!
 Выйдетъ въ поле травка—
 Выростетъ и колосъ,
 Станетъ спѣть, рядиться
 Въ золотыя ткани,
 Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
 Зазвенятъ здѣсь косы;
 Сладокъ будетъ отдыхъ
 На снопахъ тяжелыхъ!

Картина, сходная даже въ подробностяхъ! Пахота, сѣвъ жатва, молотѣба, вѣяніе и сладкій отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ, Микулово пиво и кольцовская „брага хмельная“ въ „Крестьянской пирушкѣ“, все, какъ было, такъ есть и теперь, и это живое доказательство крѣпости и неизмѣнности коренныхъ основъ народной жизни, а прежде всего наглядное свидѣтельство, что Микула и народъ русскій—одно и то же лицо.

Но если это такъ, если Микула есть представитель земли, а Вольга—государственного начала, то что же обозначаетъ ихъ встрѣча, какое историческое событіе въ ней отражается? В. О. Миллеру удалось съ большимъ искусствомъ и тонкою наблюдательностью доказать, что вся обстановка быliny о Вольгѣ до очевидности ясно повторяетъ краски сѣвернорусской природы и черты бытовой жизни того Великаго Новгорода который видѣлъ въ своихъ стѣнахъ зарожденіе русскаго государства. Былину нашу сопоставляли и съ подвигами Александра Македонскаго и съ

путешествіемъ Карла Великаго въ Іерусалимъ. Можетъ-быть позволительно будетъ намъ сопоставить ее съ болѣе близкимъ намъ и въ томъ же самомъ Новгородѣ, что и былина о Вольгѣ, зародившимся преданіемъ, которое записано въ нашей первоначальной лѣтописи подъ 862-мъ годомъ: „И послали славяне къ варяжскому племени Русь пословъ со словами: „Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ, придите княжить и владѣть нами“. И пришли къ нимъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ и стали княжить—Рюрикъ въ Ладогѣ, Синеусъ на Бѣломъ озерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ“. И былина о Вольгѣ и лѣтописное преданіе имѣютъ одну и ту же историческую подкладку. Они сходятся даже въ подробностяхъ. Зачѣмъ позвали къ себѣ наши предки варяжскихъ князей? Затѣмъ, что кромѣ помощи въ борьбѣ съ враждебными сосѣдями имъ нуженъ былъ порядокъ въ дѣлахъ, который не умѣли они устроить сами, затѣмъ, что въ странѣ завелись „мужики-разбойники“, которые требовали отъ русскаго Микулы „грошей подорожныхъ“ даже за такіе предметы первой необходимости, какъ соль,

Хотѣли у него соль отнять,
Соль отнять и самого убить.

И почти съ тѣми же словами, которыми звалъ въ 862 году русскій народъ Рюрика, обращается и Микула къ Вольгѣ Святославовичу:

*Поди-тка, Вольга Святославовичъ,
Со своей со дружинишкой хороброй,
Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовать.*

И Вольга, какъ и первые наши князья, понялъ свое призваніе—помогать народу и вести его впередъ по пути гражданственности. Завидѣвъ впервые „оратая“, говорилъ Вольга таковы слова:

*Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать да пахать да крестьянствовать,
Съ края въ край бороздки пометывать,
Кореня, каменья вывертывать!*

И съ тѣхъ поръ, вѣрные другъ другу, „поѣхали они во товарищахъ“, какъ ѣдутъ и донинѣ.

Въ торжественномъ гимнѣ богинѣ земледѣлія Церерѣ, въ „Элевзинскихъ тайнствахъ“ нѣмецкаго поэта Шиллера читаемъ:

Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью-землею
Онъ вступилъ въ союзъ навѣкъ.

Тотъ моментъ, когда русскій народъ вступилъ впервые въ союзъ съ землею, запечатлѣнъ имъ, можетъ-быть, въ былинѣ о Святгорѣ. Но этотъ союзъ съ землею есть только начало иной, высшей жизни и недаромъ у Шиллера поется:

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ,
Цѣаны лазурныя въ нихъ заплетайте,
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ
И съ пѣньемъ благу Цереру встрѣчайте.
Всю землю богининъ приходъ измѣнитъ;

*Признавши ея руководство,
Въ союзъ человѣкъ съ человѣкомъ вступилъ
И жизни постигъ благородство.*

Союзъ съ землею ведетъ за собою союзъ человѣка съ человѣкомъ, сперва кровный и родовой, а потомъ основанный на объемлющей всѣхъ людей—и не родственниковъ—связи государственной. Государственное начало—это начало культуры и просвѣщенія, отъ свѣта котораго бѣжитъ и прячется прежняя дикость и грубость нравовъ, какъ и при рожденіи Вольги Святославовича попряталось все звѣрье:

Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темныя лѣса.

Надъ русской землей поднималась заря новаго, свѣтлаго дня. И народъ чувствовалъ это. Для него Волхъ Всеславьевичъ—это „свѣтеть мѣсяць“ на ночномъ небѣ. Въ другой былинѣ рожденіе Вольги приурочивается къ появленію солнца:

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное

Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославовичъ.

Это новое поднявшееся надъ русской землей солнце было солнцемъ русской государственности.

Чуждый всякой тенденціи, народъ мыслить образами. Поэтому мысль быliny, какъ всегда, больше чувствуется въ ея художественной концепціи, чѣмъ высказывается прямо. Помимо признанія благодѣтельности государственнаго начала, вся пѣсня проникнута еще вѣрою народа въ самого себя, чувствомъ народной силы. Изъ двухъ богатырей, чья встрѣча здѣсь описана, Микула, представитель земли, конечно сильнѣе Вольги. И такъ и быть должно. Было время, когда народъ нашъ жилъ безъ государства, и теперь еще существуетъ много народовъ, не знающихъ благъ гражданской жизни. Народъ можетъ существовать безъ государства, но государство безъ народа немыслимо. Народъ—основа и сила, на которой покоится государственное начало. Вотъ почему Микула такъ легко беретъ сошку, которой не могъ поднять Вольга. Онъ и устойчивѣе Вольги. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ впервые встрѣтился Вольга съ Микулою, и много разъ измѣнялась форма нашей государственности. Давно уже отошелъ въ вѣчность Владимиръ Красное Солнышко и кievская удѣльно-вѣчевая Русь и настало владычество татаръ и на иной рѣкѣ въ иномъ уже городѣ и подъ новою формою московскаго царства собралась во-едино Русь, но и Москва должна была склониться передъ новымъ городомъ, какъ передъ юною царицей порфиноносная вдова, и образовалась самодержавная Всероссійская Имперія, а Микула Селяниновичъ, этотъ русскій крестьянинъ-пахарь, какимъ былъ тысячу лѣтъ тому назадъ, такимъ остался и теперь и все такъ же, какъ прежде, оретъ въ полѣ, понукиваетъ,

Съ край въ край бороздки пометываетъ.

Его не коснулись никакія перемѣны и, какъ прежде, неизблема коренная сила русскаго государства—сила народная.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ появился на Руси Вольга Свято-славовичъ и засіяло надъ нашей землей солнце юной русской государственности, жизнь народная вошла въ новую колею—историческую. Прежнія неясныя, неопредѣленные, хотя и исполинскія, ея очертанія становятся знакомѣе, яснѣе и по мѣрѣ своего приближенія къ намъ теряютъ свой прежній загадочный обликъ. Гдѣ встрѣтился и вступилъ въ поединокъ съ Микулою Святогоръ, въ былинахъ не сказано ни слова, но уже дѣйствіе былины о Микулѣ и Вольгѣ ясно приурочивается къ опредѣленному мѣсту, а въ позднѣйшихъ былинахъ часто и самыя мелкія географическія названія соответствуютъ дѣйствительности. Муромъ, Черниговъ, Новгородъ—хорошо намъ извѣстные историческіе центры русской народной жизни. Даже село Карачарово, гдѣ родился наслѣдникъ Микулы, новый богатырь земли русской Илья Муромецъ и теперь еще существуетъ въ Муромскомъ уѣздѣ. Существуетъ недалеко отъ Карачева и рѣчка Смородинка, а тѣ, кто ѣздитъ по Риго-Орловской дорогѣ, знаютъ, безъ сомнѣнія, станцію Девять Дубовъ,—мѣсто, гдѣ когда-то въ непроходимой глуши Брынскихъ лѣсовъ, залегши дорогу прямоѣзжую, губилъ людей своимъ посвистомъ звѣринымъ Соловей-разбойникъ, Одихмантьевъ сынъ. Въ этихъ географическихъ предѣлахъ дѣйствуютъ лица съ именами почти историческими. И какъ историческая жизнь древней Руси въ своемъ теченіи разбилась на два русла, такъ и былины о новыхъ богатыряхъ дѣлятся на два круга—на циклъ былинъ кievскихъ и на былины новгородскія. Тамъ, на сѣверѣ, въ далекомъ Новгородѣ, гдѣ по звуку вѣчевого колокола собирается на площадь судить и рядить о дѣлахъ государственныхъ весь народъ, гдѣ править всѣмъ новгородская вольница, гдѣ кипитъ оживленная торговля съ Ганзой, и богатыри приобрѣтаютъ своеобразный оттѣнокъ: они—или

богатые гости, какъ Садко, или разудалые вольные молодцы, какъ Василий Буслаевичъ. На югѣ, гдѣ главную роль играетъ князь, они собираются

Въ стольномъ городѣ въ Кіевѣ,
Что у ласкова сударь князя Владимира,

въ высокой гридницѣ котораго, по согласному свидѣтельству и лѣтописи и пѣсни, постоянно

Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ,
На многіе князи и бояра
И на русскіе могучіе богатыри.

Присматриваясь къ пирующимъ, мы видимъ здѣсь всѣхъ главнѣйшихъ стоятелей за землю русскую, всѣхъ выразителей народного русскаго духа. Какъ солнце планеты, всѣхъ ихъ притянулъ къ себѣ въ Кіевъ Владимиръ, эта центральная сила русскихъ былинъ, со свойственнымъ народу широкимъ размахомъ захватившая въ свой кругъ событія и лица за нѣсколько сотъ лѣтъ позднѣе. Тутъ и знаменитый дядя Владимира, что огнемъ и мечомъ крестилъ Новгородъ, Добрыня Никитичъ; тутъ и свать Владимира, сосватавшій ему въ жены „матушку княгиню Апраксѣвну“, Дунай сынъ Ивановичъ; тутъ и Алеша Поповичъ младъ, Александръ Поповичъ русскихъ лѣтописей, одинъ изъ героев битвы при Калкѣ; тутъ и упоминаемый подъ 1118 годомъ въ лѣтописи искусный былинный гусярь, бояринъ Ставръ Годиновичъ; тутъ и русская забубенная головушка,

чадушко безумное,
Безумное чадо неразумное,

гулящій и пропащій добрый молодецъ, Иванъ Годиновичъ, гостиный сынъ, охочій до зеленого вина и лошадиныхъ гонокъ; тутъ служить въ чашникахъ и, потряхивая желтыми кудрями, ходить вокругъ стола княженецкаго въ зеленыхъ сафьянныхъ сапожкахъ знаменитый кіевскій щеголь—„шапъ“ и красавецъ, „съ личикомъ, какъ маковъ цвѣтъ, съ очами

какъ у ясна сокола, съ бровями, какъ у черна соболя, пагуба женскихъ сердець, младъ купавъ-молодецъ“, Чурила сынъ Пленковичъ; тутъ и заѣхавшій въ Кіевъ посмотрѣть блестящій дворъ князя Владимира, соперникъ Чурилы, заморскій богатырь и богачъ Дюкъ Степановичъ; тутъ наконецъ и молодой былинный женихъ, будущій супругъ Владимировой племянницы, Соловей Будимировичъ.

Но въ этомъ блестящемъ кругу богатырей одинъ приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Не щегольствомъ и богатствомъ наряда выдѣляется онъ, но мощью духа и тѣла, открытымъ и живымъ липомъ русскаго крестьянина, нравомъ прямодушнымъ, стойкимъ и благожелательнымъ. Это—любимецъ народный, атаманъ всѣхъ богатырей, крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ. Недаромъ и мифологи, ища въ былинахъ религіозной подкладки, видѣли въ немъ главнаго изъ языческихъ божествъ, бога-громовержца Перуна, который потомъ замѣнился въ сознаніи народа св. Ильею пророкомъ. Илья Муромецъ—это центральное лицо среди нашихъ богатырей. Для русскаго народа онъ то же, что знаменитый Марко Королевичъ для сербо-хорватовъ и болгаръ, что для персовъ Рустемъ, котораго онъ такъ напоминаетъ и своими подвигами и характеромъ. Около него группируются всѣ остальные защитники русской земли и, какъ глава всѣмъ, онъ сосредоточиваетъ на себѣ и главное вниманіе изслѣдователей русскаго эпоса.

Какъ семь греческихъ городовъ спорили нѣкогда о Гомерѣ, такъ и о чести считать Илью Муромца своимъ уроженцемъ могутъ спорить двѣ старинныхъ русскихъ области—Муромская и Черниговская.

Въ Муромскомъ селѣ Карачаровѣ до нашихъ дней еще живутъ крестьяне Илюшины, которые считаютъ себя потомками знаменитаго богатыря. Тамъ и теперь еще рассказываютъ, какъ изъ густого лѣса около Оки тревожили мирныхъ жителей Карачарова разбойники и какъ мужики рѣшили наконецъ, собравшись міромъ, вырубить росшіи на

берегу рѣки дубнякъ, накидать его въ рѣку и такимъ образомъ приблизить къ себѣ ея русло. И вотъ, когда всѣ были заняты этой работой, Илья, до тѣхъ поръ больной и не двигавшійся съ мѣста, къ удивленію всѣхъ явился—говорять—на работу и, вырывая съ корнемъ изъ земли дубы, быстро выполнилъ урокъ, выпавшій на долю его родителей, положивъ такимъ образомъ начало своимъ будущимъ подвигамъ.

Но, съ другой стороны, рядомъ съ прозваніемъ „Муромецъ“ у Ильи попадаетъ иногда и другое прозвище: Муровецъ. Старинныя упоминанія объ Ильѣ почти всѣ согласно указываютъ на эту или близкую къ ней форму. У Луиса де Кастильо Илья называется *Ilia Muurovits*, у Ляссоты, который видѣлъ гробъ Ильи въ 1594 г.—Муровлинъ. Староста Оршанскій Филонъ Кмита Чернобыльскій въ письмѣ къ кастеляну троцкому Воловичу отъ 5 авг. 1574 г., отписывая о защитѣ границы, вспоминаетъ объ Ильѣ въ словахъ: „*Prijdet czas, коли budiet nadobie Ilii Murawlenina i Solowia Budimirowicza, prijdiet czas, коли budiet służb naszych potrzeba*“. Не безъ основанія можно думать поэтому, что родиной Ильи былъ не Муромъ, а упоминаемый лѣтописью въ XII вѣкѣ городъ Моровійскъ, на мѣстѣ котораго лежитъ теперь въ Остерскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи село Моровскъ. Старая Черниговская земля, нѣкогда вторая по значенію послѣ Кіевской, была въ XI и XII вѣкѣ ареной непрерывной борьбы Руси со степью и очень вѣроятно, что именно тамъ зародился главный герой этой борьбы Илья и только позднѣе, уже въ XIII вѣкѣ, когда послѣ разгрома Чернигова татарами русскій югъ захудалъ и центръ русской жизни передвинулся съ юга на сѣверовостокъ къ Владимиру, вмѣстѣ съ тѣмъ и былины объ Ильѣ прикрѣпились къ Мурому и сталъ онъ изъ Муровца Муромцемъ.

Но гдѣ бы ни была родина Ильи, это вопросъ второстепенный. Илья принадлежитъ не Чернигову и не Мурому. Онъ—богатырь всея Руси и самый высшій изъ всѣхъ ея

богатырей, потому что передъ нимъ сами преклоняются всѣ остальные, сознавая его право на первое мѣсто:

Одно у насъ на небѣ солнце красное
Печетъ во всю землю святорусскую;
А одинъ на Руси могучъ богатырь
Старый казакъ да Илья Муромецъ.

Высшая для русскаго богатыря награда—не похвала князя Владимира, а признательность народа въ лицѣ его любимого богатыря:

Выслуга наша не забудется
И узнаетъ про насъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Не дошедши старикъ намъ поклонится,—

говорить Алеша, возбуждая товарищей къ подвигамъ. Пусть объ Ильѣ нѣтъ упоминанія въ лѣтописи, пусть онъ будетъ даже лицомъ совершенно вымышленнымъ, онъ навсегда для насъ останется первымъ и самымъ главнымъ изъ богатырей, потому что на созданіе его народъ положилъ столько лучшихъ силъ своей души, что сталъ Илья для насъ лицомъ историческимъ, живымъ воплощеніемъ самого русскаго народа.

Исполинскій образъ Микулы отражаетъ въ себѣ жизнь народа въ его внѣшнихъ чертахъ. Въ лицѣ новаго Селяниновича, крестьянскаго сына Ильи Муромца вырисовывается нашъ внутренній народный обликъ въ его очищенномъ, просвѣтленномъ видѣ. Слѣды дикой грубости нравовъ остались на немъ мѣстами, но въ общемъ Илья Муромецъ—это наилучшій во всей нашей литературѣ типъ хорошаго человѣка съ своеобразнымъ, русскимъ складомъ характера. Народъ надѣлилъ Илью всѣмъ, что у него было самаго дорогого, и въ былинахъ о немъ раскрылъ передъ нами съ поразительной полнотой святая святыхъ русской народной души, весь заветный кругъ своихъ идеаловъ, тѣ основныя начала, которыя, таинственно и незримо дѣйствуя въ сокровенной глубинѣ, иногда наперекоръ всему и даже его собственнымъ страстямъ, влекли и влекутъ его, хотя и не безъ отклоненій, впередъ по предназначенному ему историческому пути.

Съ этой точки зрѣнія былины объ Ильѣ получаютъ особый интересъ, и уже первая изъ нихъ, пѣсня о томъ, какъ получилъ Илья свою богатырскую силу, вводитъ насъ сразу въ область самыхъ основныхъ вѣрованій и положеній русскаго народнаго міросозерцанія.

Илья Муромецъ недаромъ былъ сыномъ той земли, о которой сказалъ поэтъ:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа,
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа.

Въ самомъ началѣ его поприща мы застаемъ его убогимъ калѣкой, не имѣющимъ силы двинуться съ мѣста:

Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три года.

Въ этомъ выборѣ своего героя народъ нашъ остался вѣренъ самому себѣ: не яркая сила и могущество, не проникательный и зоркій умъ привлекаютъ его сочувствіе, а доброе сердце. Не злой хищникъ, а обдѣленный судьбою несчастный человѣкъ—его герой. Таковъ именно Илья, имѣвшій несчастье на опытѣ собственной жизни узнать, что такое живыя мощи. Но чистой и доброй его души не замутило и не озлобило несчастье. Напротивъ, оно очистило ее, облагородило и просвѣтило. Тридцатитрехлѣтняя неподвижность стала для Ильи средствомъ для сосредоточенія его духовныхъ силъ, приуготовленіемъ къ грядущимъ его подвигамъ на пользу русскаго народа. И вотъ настала наконецъ для него рѣшительная минута испытанія. Однажды

Пришли къ нему нища братья,
Самъ Ісусъ Христосъ, два Апостола

и попросили у него пить:

Ты поди, Илья, принеси испить!

Что было дѣлать Ильѣ? Всею душою хотѣлось ему утолить жажду нищихъ, но не было силъ двинуться съ мѣста и поневолѣ пришлось печально отвѣтить:

Нища братья, я безъ рукъ безъ ногъ!

Но „нища братья“ не повѣрили и повторили свою просьбу:

Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!

Повинуясь ихъ властному слову, попробовалъ Илья встать,— и что же? Совершилось чудо! Тридцать три года не двигавшійся съ мѣста калѣка внезапно почувствовалъ въ своихъ ногахъ силу:

Илья сталъ вставать—ровно встрепанный;
Онъ пошелъ-принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать.

Но нищіе вмѣсто того, чтобы самимъ напиться, приказали выпить чашу Ильѣ. Выпилъ онъ,—и почувствовалъ въ себѣ такую силу, что, еслибъ

Отъ земли столбъ былъ да до небушки,
Ко столбу было золото кольцо,
За кольцо бы взять, святорусску поворотилъ!

Тогда нищіе приказали ему выпить новую чашу и, убавивъ при помощи ея силу въ немъ „до половинушки“, попросили его проводить ихъ „въ чисто поле, къ высоку бугру“. Тамъ Илья отдохнуть прилегъ, а когда, проспавъ богатырскимъ сномъ 12 дѣнь, всталъ,—

Онъ прославился сильнымъ воиномъ,
Богатыремъ сильнымъ, могучимъ.

Такъ объясняетъ народъ происхожденіе богатырской силы своего любимого героя. Смыслъ былины уясняется изъ сопоставленія начальнаго ея момента съ конечнымъ. Какое первое дѣйствіе ея героя? Это едва замѣтное движеніе его сострадательнаго сердца, желаніе сдѣлать доброе дѣло, утолить жажду странниковъ. И каковъ же результатъ этого движенія? Илья прославился и сталъ богатыремъ сильнымъ и могучимъ. Очевидно, сила и слава даются человѣку, по мнѣнію народа, въ награду за его добрыя дѣла. Больше: одно уже желаніе сдѣлать добро, по прекрасному замѣчанію Константина Аксакова, доставило Ильѣ Муромцу могущество. Такъ и героя юго-славянскихъ сказаній Марко горная

вила-волшебница одарила силою только за то, что онъ увидѣвъ на солнечномъ припекѣ маленькую спящую дѣвочку, сжалился надъ ребенкомъ и, сорвавъ вѣтку, устроилъ надъ ней холодокъ,

Да јој сунце лица не опали
И льепоте младе не украде.

Въ награду за доброту сердечную вила дала Марку пососать свою грудь и сталъ онъ „јачи од свакога на свијету“ — сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Значить, согласно народному воззрѣнію, между внутреннимъ міромъ нашихъ чувствъ, желаній и стремленій и внѣшними благами жизни, силой и почетомъ, находится тѣсная внутренняя зависимость. Вторыя обусловливаются первымъ, и народный пѣвецъ, сказывая разсмотрѣнную нами былинѣю объ Ильѣ Муромцѣ, какъ бы говоритъ своимъ слушателямъ: „Будьте добры и сострадательны,—и тогда не только совѣсть ваша будетъ спокойна, но вы получите и то, чего люди обыкновенно добиваются, какъ счастья, силу и почетъ, славу и богатство“. Вся былина является такимъ образомъ какъ бы поэтической иллюстраціей къ словамъ Евангелія: „Ищите прежде Царствія Божія и правды Его, и все приложится вамъ“. Очевидно, былина сложилась уже въ ту пору, когда христіанскія вѣрованія достаточнѣо проникли въ народную массу, но совпаденіе ея съ Евангеліемъ исполнено все-таки глубокаго значенія: оно указываетъ на христіанское настроеніе русскаго народа, на высоту и благородство его взглядовъ на жизнь.

Справедливость однако требуетъ сказать, что взглядъ этотъ никогда не былъ одинокъ. Простой народъ всюду, кажется, безсознательно хранить въ себѣ такія черты высокой нравственной красоты, которыя, будучи наконецъ сознаны, овладѣвають потомъ жизнью лишь благодаря усиленному труду цѣлаго ряда образованныхъ поколѣній, а иныя и доселѣ еще не стали, у насъ по крайней мѣрѣ, закономъ жизни. Кромѣ вышеприведенной и впервые отмѣченной Халанскимъ югославянскѣо параллели къ нашей былинѣ,

мы позволимъ себѣ указать еще на параллель польскую—на историческое преданіе о польскомъ королѣ-землепашцѣ Пястѣ, записанное въ хроникѣ Галла. Сравненіе это тѣмъ болѣе важно, что оно касается литературы народа не только родственнаго намъ, но и живущаго съ нами подъ единой государственной кровлей.

Когда польскій король Попель — гласить преданіе ¹⁾—умиралъ въ страшныхъ мукахъ жертвою своихъ злодѣяній, народъ, желая избрать ему преемника, собрался на прекрасныхъ равнинахъ Крушвицы. Тогда среди мирныхъ поселянъ Крушвицы жилъ Пястъ, любившій Бога и людей. Невелика, но чиста была его избушка; за Гопломъ была у него маленькая пасѣка; его домъ осыняла тѣнь вѣкового явора, а на яворѣ вилъ свое гнѣздо аистъ. Всѣмъ сосѣдямъ вокругъ была знакома доброта и гостепріимное радушіе Пяста. Весело ходя за сохой, чистый совѣстью, въ трудѣ находилъ онъ себѣ пропитаніе. И вотъ насталъ для его скромной семьи праздникъ—пострижины первенца сына. Съ ранняго утра хлопочетъ Пястъ со своею Ржепихою надъ приѣмомъ гостей, заставляя столъ вкусными блюдами и наполняя медомъ чары. И пиръ уже начался, уже первыми дарами почтили боговъ, какъ вдругъ въ веселый кругъ пирующихъ вошло двое юношей необычайной красоты. Съ почтительнымъ поклономъ встрѣчаютъ ихъ Пястъ и Ржепиха и просятъ занять мѣсто за столомъ. Все больше является гостей, но тѣмъ больше ихъ набирается, тѣмъ больше становится и ѣды и сладкихъ напитковъ. По окончаніи пиршества юноши исчезли. Но когда съ наступленіемъ вечера Пястъ сидѣлъ подъ тѣнью своего явора, подперши голову руками, они вновь предстали передъ нимъ, но уже озаренные сіяніемъ славы. Ихъ видъ обличалъ въ нихъ небожителей: за спиной подымались у нихъ бѣлоснѣжныя крылья, бѣлая

¹⁾ Мы приводимъ его здѣсь въ сокращеніи по поэтическому пересказу Юліана Урсынъ-Нѣмцевича. Въ приложеніи читатель найдетъ его въ томъ видѣ, какъ оно находится у Галла.

одежда ниспадала до-земли, а отъ темныхъ волосъ исходило благоуханіе. И они сказали Пясту: „Самъ Господь, жительствующій въ небѣ, посылаетъ къ тебѣ своихъ ангеловъ съ повелѣніемъ взять на себя польскую корону“. Съ этими словами они стали невидимы, а Пястѣ еще не успѣлъ оправиться отъ изумленія, какъ съ блескомъ утренней зари собрался къ нему цѣлыми толпами нетерпѣливый народъ и, съ радостнымъ окликомъ провозгласивъ его государемъ, отвелъ его въ королевскіе покои.

Не трудно видѣть полное совпаденіе этой польской былины съ нашимъ преданіемъ объ Ильѣ. У насъ крестьянскій сынъ Илья Муромецъ становится славнымъ и могучимъ богатыремъ за свою доброту; здѣсь за ту же доброту и радушіе такой же простой крестьянинъ-пахарь дѣлается королемъ. Даже способы полученія ими силы одинаковы: и къ тому и къ другому являются подъ видомъ странниковъ небожители, „самъ Ісусъ Христосъ два апостола“—къ Ильѣ, два ангела—къ Пясту. Общая обоимъ преданіямъ основная мысль выражена въ русской былинѣ сильнѣе, чѣмъ въ польской. Въ преданіи о Пястѣ могущество и слава есть награда доблести, уже воплощенной въ добрыхъ дѣлахъ; по русской былинѣ для полученія силы и чести довольно даже одного только добраго чувства, хотя бы оно и не успѣло проявиться въ поступкѣ; сущность мысли однако и въ томъ и въ другомъ разсказѣ одинакова и совпаденіе въ идеалахъ, въ основныхъ вѣрованіяхъ и надеждахъ здѣсь несомнѣнно.

Разными путями шли польскій и русскій народъ въ своей тысячелѣтней исторической жизни съ тѣхъ поръ, какъ составились былины объ Ильѣ и Пястѣ. И эти пути часто перекрещивались. Не разъ Польша грозила гибелью Руси, не разъ Русь давала себя знать Польшѣ. Чуть не каждая пядь малорусской земли пропитана была кровью и многое могъ бы разсказать о старинномъ спорѣ славянъ между собою грустный шопотъ выросшихъ изъ братской крови строй-

ныхъ малороссійскихъ тополей, но вопреки всѣмъ потокамъ взаимно пролитой крови мысль народная продолжала развиваться въ одномъ направленіи. Когда величайшему изъ польскихъ поэтовъ XIX вѣка, сосредоточившему въ себѣ весь духъ польскаго народа, Мицкевичу пришлось высказать суть своихъ идеаловъ, что же онъ сказалъ? „*O ile naròd polepsza i powieksza duszę swoją, o tyle polepsza prawa swoje i powieksza granice*. Поскольку народъ совершенствуется и расширяетъ душу свою, постольку онъ совершенствуетъ свои права и расширяетъ границы“. И почти въ то же самое время, какъ въ Дрезденѣ писались эти слова, вѣрный духу русскаго народа Хомяковъ писалъ въ Москвѣ: „О, если бы всѣ люди поняли, что любовь, правда и смиреніе одни могутъ доставить какъ отдѣльному человѣку, такъ и народу, милость отъ Бога и благоволеніе у людей“. Это—старая мысль былинъ о Пястѣ и объ Ильѣ; только у новыхъ писателей она стала еще болѣе широкой и, можно сказать, всеобъемлющей. Народныя преданія указываютъ на правило жизни для каждаго отдѣльнаго человѣка. Хомяковъ и Мицкевичъ расширяютъ это правило и на народы, ибо нравственная правда обязательна для всѣхъ—и для отдѣльных людей и для цѣлыхъ народовъ.

Въ этомъ ясномъ совпаденіи основныхъ вѣрованій обоихъ славянскихъ народовъ слышно бѣнье одного и того же родника. Какъ ни пышно разросся въ наше время бурьянъ народной ненависти, сознаніе правды еще живо. Настанетъ ли время, когда раскуютъ мечи на орала,—это знаетъ только Богъ, но идеаль свѣтитъ впереди ясно:

Счастье умовъ благородныхъ—
Видѣть довольство вокругъ.

Для этого и у людей и у народовъ есть одинъ путь. Это—путь, завѣщанный намъ всею нашей исторіей, нашимъ исконнымъ и завѣтнымъ преданіемъ объ Ильѣ: „Будь добрѣ и справедливѣ,—и ты будешь счастливѣ, силенѣ и могучѣ“.

IV.

Доброе движеніе сердца доставило Ильѣ богатырскую силу. Но если правда, что никакое даяніе свыше не дается человѣку даромъ, безъ заслугъ съ его стороны, то не менѣе вѣрно и то, что ничто не дается человѣку безъ цѣли. Слава ли, власть ли, богатство—все это есть не столько даже награда за совершенные подвиги, сколько средство для новыхъ, болѣе широкихъ дѣлъ. Не для успокоенія или самоуслажденія посылаются они человѣку, но какъ новая могучая сила для дѣятельности на пользу общую и только, какъ таковая сила, и могутъ они считаться наградой. Кому много дано, съ того много и спросится, и бѣда людямъ, которые забываютъ, что каждая новая достигнутая нами ступень есть лишь новая стадія по пути *per aspera ad astra*, новое звено въ цѣпи тѣхъ подвиговъ, которые въ общемъ составляютъ одинъ непрерывный и трудный подвигъ жизни.

Илья сердцемъ своимъ понялъ отвѣтственность, налагаемую на него даромъ „каликъ переходжикъ“. Первою мыслью его, какъ только почувствовалъ онъ себя „богатыремъ сильнымъ, могучимъ“, была мысль объ употребленіи полученной имъ силы во благо, первымъ движеніемъ—обращеніе къ отцу, „старому хресъянину, Ивану Тимоѣевичу“ за благословеніемъ на новый предстоящій ему подвигъ.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
 Не бумажные листочки разстилаются,
 Разстилается сынъ передъ батюшкой,
 Онъ и проситъ себѣ благословеньица.
 «Охъ ты гой еси, родимый милый батюшка,
 «Дай ты мнѣ благословеньице:
 «Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ-градъ.
 «Помолиться чудотворцамъ кіевскимъ,
 «Заложиться за князя Владимира,
 «Послужить ему вѣрой-правдою,
 «Постоять за вѣру хресъянскую».

Вслушиваясь въ слова Ильи, присматриваясь къ дѣйствіямъ этого избранника народной любви, можно составить себѣ ясное понятіе о требованіяхъ, прилагаемыхъ народомъ къ хорошему человѣку, о взглядѣ народномъ на жизненный долгъ людей, на цѣль и значеніе человѣческой жизни.

Двѣ заповѣди даны Богомъ человѣку. „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Это есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. (Еванг. отъ Маттея, XX, 37—39). Сообразно съ этими двумя заповѣдями есть и двѣ цѣли человѣческаго существованія. Это—служеніе Богу и служеніе людямъ. Но въ человѣкѣ съ его природой, по самому существу своему двойственной, живетъ еще одна сила—стремленіе жить только для себя и въ свое удовольствіе, себялюбивое поползновеніе къ такъ называемому личному счастью. Оно—самообманъ: человѣкъ потуда только и счастливъ, покуда онъ живетъ съ людьми и для людей. Но чтобы отдѣлаться отъ этого миража и сознать свое истинное призваніе на землѣ, надо много работать надъ самимъ собой, много бороться съ собою, словомъ, надо пройти черезъ аскетическій подвигъ самоотрицанія. Эта подготовительная стадія внутренняго, нравственнаго совершенствованія у Ильи совпала съ его молодостью. Временемъ настоящаго духовнаго подвижничества было время его тридцатитрехлѣтней физической неподвижности. Страданія, какъ это обыкновенно бываетъ, очистили его душу, просвѣтили духъ и потому, когда получилъ онъ наконецъ силу богатырскую, передъ нимъ ясно раскрылись вдали конечныя цѣли человѣческой жизни на землѣ.

Илья проситъ у отца благословенія поѣхать въ стольный Кіевъ-градъ

Помолиться чудотворцамъ кіевскимъ,
Постоять за вѣру христьянскую,

но это и есть не что иное, какъ служеніе Богу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Илья ѣдетъ

Заложиться за князя Владимира,
Послужить ему вѣрой-правдою.

Князь Владимиръ здѣсь это не только данное историческое лицо, но и символъ государства, всей земли и народа русскаго. Заложиться за князя Владимира это значить голову свою положить за родину, за народъ и край свой. Это и есть служеніе людямъ, ибо какъ же и служить намъ людямъ, какъ не служа прежде всего тѣмъ, кто къ намъ ближе другихъ, кто насъ окружаетъ, — своимъ ближнимъ, своимъ соотечественникамъ, т.-е. родинѣ.

Такимъ образомъ передъ народомъ русскимъ уже на утрѣ его исторической жизни предносились тѣ двѣ задачи, которыя и по Божьему велѣнію и по человѣческому разумѣнію стоятъ передъ каждымъ изъ насъ—служеніе Богу и служеніе родинѣ, а черезъ нее и всѣмъ людямъ.

Но разбираемая нами былина ясно показываетъ, что русскій народъ не только чувствовалъ, *что* надо дѣлать человеку, но и понималъ, *какъ* надо служить Богу и родинѣ. Казалось бы, что со стороны отца на просьбу сына

Постоять за вѣру хрисьянскую,
Заложиться за князя Владимира

можетъ быть только одинъ отвѣтъ: „Иди и служи“. Но иначе отвѣчаетъ Ильѣ его отецъ, „старый хресьянинъ Илья Тимоѣевичъ“:

Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя благословенья нѣтъ,—

какъ будто бы такое высокое и безкорыстное дѣло, какъ служба Богу и людямъ, совмѣстимо съ чѣмъ бы то ни было худымъ. Повидимому, нѣтъ. И однако многовѣковая исторія человѣческихъ заблужденій оправдываетъ осмотрительную въ своей осторожности народную мудрость. Развѣ не во имя Бога дѣйствовали воинствующие монахи, когда съ кре-

стомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой обращали въ прахъ и пепель языческія деревни и при заревѣ пожараищъ подѣ отчаянный крикъ матерей вырывали у нихъ изъ рукъ маленькихъ дѣтей съ тѣмъ, чтобы обратить въ истинную вѣру тѣхъ, у кого они только-что отняли семью и родительскій кровъ? Развѣ не изъ преданности Богу и не съ искреннимъ убѣжденіемъ въ святости своего дѣла взводили на костры инквизиторы еретиковъ и изъ человѣческихъ жертвъ устраивали торжественные ауто да фе, эти „подвиги вѣры“? Одного пламени отъ мученическаго костра Яна Гуса достаточно, чтобы напомнить людямъ, какія безбожныя дѣла творились и могутъ твориться во славу Божию. А зарево устроеннаго римлянами карфагенскаго пожара ярко освѣщаетъ и другой ложный путь человѣчества, когда, забывъ о Богѣ и выше всего славя свою выгоду, люди думали создать счастье своего народа на несчастьи другихъ. Такъ дѣйствовалъ Римъ. Стирая съ лица земли цѣлые народы, онъ самого себя сдѣлалъ Богомъ, и гдѣ же римское могущество? Въ пустыню превратилась римская Кампанія, а откопанные изъ-подъ земли безобразные обломки святиль и общественныхъ сооружений, что торчатъ теперь на мѣстѣ нѣкогда величественнаго форума, свидѣтельствуютъ только объ одномъ, что въ неправдѣ и братоубійствѣ кроется не сѣмя вѣчной жизни, а зародышъ неизбежной гибели. Правъ былъ поэтому „старый хресъянинъ Иванъ Тимоѣевичъ“, когда, благословляя сына на служеніе Богу и родинѣ, остерегалъ его передъ возможностью на этомъ пути „худыхъ дѣлъ“.

Но какъ же ихъ избѣжать? Гдѣ должны быть поставлены границы добра и зла въ служеніи Богу и родинѣ? Границы эти вѣрно опредѣлены въ слѣдующихъ за предостереженіемъ отвѣтныхъ словахъ „старого хресъянина Ивана Тимоѣевича“ сыну:

Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.

Поѣдешь ты путемъ-дорогою,
Не помисли зломъ на татарина.
 Не убей въ чистомъ полѣ христьянина.

Припомнимъ: Илья просить у отца благословенія на служеніе Богу:—

Помолиться чудотворцамъ кievскимъ,
 Постоять за вѣру христьянскую,

и что же получаетъ въ отвѣтъ? "Иди и служи, но помни, что, стоя за вѣру христьянскую, нельзя помыслить зломъ не только на христіанъ, но и на иновѣрнаго татарина. Иди и подвизайся подвигомъ молитвы, но, чтобы подвигъ этотъ былъ истинно добрымъ подвигомъ, знай, что нѣтъ служенія Богу безъ служенія людямъ". Очевидно, что первая изъ двухъ данныхъ Богомъ человѣку заповѣдей—заповѣдь любви къ Богу—пополняется второй и не можетъ быть выполнена отдѣльно: кто не любитъ людей, тотъ не можетъ любить и Бога, который, какъ совершенная любовь, душу свою положилъ за людей. Но и обратно: кто не чтитъ въ своемъ сердцѣ Бога, тотъ не можетъ добромъ послужить своей родинѣ и людямъ. Илья просить у отца благословенія „заложиться за князя Владимира“ и получаетъ его, но съ той же оговоркой:

Не помысли зломъ на татарина,
 Не убей въ чистомъ полѣ христьянина.

Это значитъ: „Иди и служи, но помни, что „послужить князю-Владимиру“, послужить родинѣ можетъ только человѣкъ съ сердцемъ чистымъ, совѣстью правой, только тотъ, въ чьей груди нѣтъ злобы и ненависти даже противъ такихъ враговъ родины, какими были для древней Руси татары, ибо и они — братья наши во единомъ Отцѣ небесномъ — Богѣ. Служить родинѣ можно только по Божьи“. Очевидно, что если первая заповѣдь Божія пополняется второй, то вторая — заповѣдь любви къ людямъ—ограничивается первой. Обѣ онѣ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое. Стоитъ только забыть объ одной изъ нихъ, и неизбѣжно перей-

дешь за границу, гдѣ кончается добро и начинается зло:— или, думая служить Богу безъ любви къ людямъ, нарушишь общіе законы Божеской справедливости и милосердія, или, служа только людямъ, потеряешь всякое чувство человѣческаго достоинства, ибо это послѣднее покоится на связи человѣка съ Богомъ. Мудрость „старого хресъянина Ивана Тимоѳеевича“ не дозволила ему впасть ни въ одну изъ этихъ ошибокъ, — и какъ исконный завѣтъ народа будущимъ его поколѣніямъ, свѣтятся его простыя, но полныя глубокаго чувства правды слова:

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ хресъянина.

Созвучный этимъ словамъ аккордъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается опредѣленія истинной любви къ родинѣ, мы находимъ въ знаменитой пѣснѣ сербо-хорватскаго народа о томъ, какъ королевичъ Марко рѣшилъ споръ, возникшій между его отцомъ королемъ Вукашиномъ, двумя дядями деспотомъ Угleshой и воеводой Гойкой и малолѣтнимъ царевичемъ Урошемъ, которые собрались

На убаву на пользу Косову
Код бијеле Самодреже цркве

и заспорили, кому изъ нихъ принадлежитъ освободившійся сербскій престолъ ¹⁾. Совершенно въ томъ же духѣ, какъ у насъ „старый хресъянинъ Илья Тимоѳеевичъ“, молитъ отъѣзжающаго на поле Косово Марко его старая мать— „Евросима майка“.

Марко, сине једине у майке!
Немой, сине, говорити криво
Ни по бабу ни по стричевима
Већ по правди Бога истинога,
Немой, сине, изгубити душе;
Болье ти је изгубити главу,
Него своју огр'јешити душу.

Какъ ни свято имя „отецъ“ и „отечество“, но есть слово

¹⁾ Читатель найдетъ эту пѣсню полностью въ приложеніи.

еще святѣ, еще выше: это—Богъ. И Марко исполняетъ за-
вѣтъ матери. Оба дяди, встрѣчая его около своихъ шат-
ровъ, сулятъ ему совмѣстный съ собою тронъ, если онъ
присудитъ имъ царство; отецъ указываетъ ему, что послѣ
его смерти царство достанется ему же, Марко, и что съ при-
соединеніемъ его увеличится ихъ родная „кравлевина“—

Марко слуша, ништа не говори,
На шатора не окрепе главу.
Право иде бијелу шатору
Ко шатору нејака Уроша

и провозглашаетъ, что царство принадлежитъ Урошу, какъ
сыну покойнаго царя. Гнѣвный Вукашинъ бросается на
сына съ ножомъ, но самъ Ангелъ Божій спасаетъ отъ ги-
бели Марко,

Јер се Марко не боји никога,
Разма једног Бога истиннога.

Въ сербскомъ эпосѣ Марко исполняетъ на дѣлѣ тотъ за-
вѣтъ жизни, который въ другихъ словахъ, но въ томъ же
духѣ данъ Ильѣ Ивановъ Тимофеевичемъ. Оставаясь юна-
комъ, „какого другого не найти подъ солнцемъ“ и вѣрнымъ
сыномъ родины, онъ въ то же время является и героемъ
Высшей Божественной Правды, опредѣляя такимъ обра-
зомъ на дѣлѣ границы истиннаго патріотизма.

Велико и свято глубоко заложенное въ душу каждого
человѣка чувство любви къ отечеству. Всѣмъ должно жерт-
вовать родинѣ — имуществомъ, положеніемъ, славой, даже
жизнью. „Я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа
за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти израильтянъ“,—
говоритъ апостолъ (Посланіе къ Римлянамъ, IX, 1—5),—и
въ этихъ словахъ вся великая и достоуважаемая *сила* любви
къ родинѣ. Но однимъ жертвовать нельзя и для родины.
Это—правдою, ибо, принося въ жертву родинѣ правду, мы
тѣмъ самымъ губимъ не правду, а родину, ибо все, что ни
есть на землѣ, а значитъ и родина наша, живетъ и дер-
жится правдою. Этимъ опредѣляется *качество* истинной любви

къ родинѣ, безъ котораго и самая сила любви есть слабость. Оторвавшіеся отъ своего народа современные сербскіе студенты, позабывъ о завѣтѣ „майки-Јевросимы“ королевицу Марко, поють на своихъ пирушкахъ:

Браћо, дигнемъ пуне чаше,
Нека живи, шта је наше! ¹⁾

Но ne vše, со české, je hezké, говоритъ пословица. Не все наше хорошо. Поэтому задача истиннаго патриота не въ превознесеніи всего, что наше, но въ стремленіи, чтобы все наше было хорошо, не въ созданіи изъ своего народа для себя кумира, не въ самопоклоненіи и самообожаніи—это было бы язычествомъ (языкъ-народъ) въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова,—но въ самоисправленіи и самоочищеніи, чтобы, сознавъ свои недостатки, мы ихъ уничтожали и все выше и выше подымались по пути къ правдѣ.

A vždy voláš li Slavjan, necht' se ti ozve člověk.

Когда позовутъ: „славянинъ“, пусть откликнется человѣкъ. Такими словами опредѣлилъ идеаль славянина чешскій поэтъ Колларъ. Но эти же слова могутъ опредѣлять и идеаль цѣлаго народа. Когда назовутъ имя нашей родины, да откликнется въ отвѣтъ все истинно-доброе и благородное, все истинно-человѣческое, да будетъ оно синонимомъ правды—вотъ къ чему долженъ стремиться всякій человѣкъ, искренне любящій свою родину. И здѣсь на поприщѣ этого благороднаго соревнованія мирятся всѣ мѣстные, частные патриотизмы, ибо, какъ одинъ Богъ надъ всѣми нами, такъ и правда одна для всѣхъ, и всѣ народы, стремясь къ ней, дѣлаютъ одно общее Божіе дѣло, не исключая другъ друга, а взаимно себѣ помогая, такъ какъ каждому данъ трудъ по его способностямъ и характеру. Если бы по какому-нибудь несчастію были сглажены съ лица земли нѣмцы, не имѣли бы мы такой науки, какъ теперъ; если бы была уничто-

¹⁾ Братья! поднимемъ полныя чаши! Да здравствуетъ все, что наше.

жена англо-саксонская раса, можетъ-быть не было бы у насъ ни телефоновъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни того множества техническихъ приспособленій, которыми мы теперь пользуемся. Значить, еще и еще разъ правъ былъ „старой хресьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ“, когда, отправляя сына въ жизненный путь, предостерегалъ его отъ дурныхъ помысловъ даже противъ татарина. Этого требовали и Божія правда и человѣческій расчетъ.

V.

Какъ изъ славна города изъ Муромъ,
Изъ того села изъ Карачарова
Начиналася поѣздка богатырская.
Выѣзжалъ удалый добрый молодецъ
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.

Получивъ отцовское благословеніе, поклонился Илья отцу до-земли и глубоко въ сердце ему запали завѣты отцовскіе. Но прежде, чѣмъ окончательно выйти на предстоявшій ему подвигъ жизни, не позабылъ онъ и о другомъ, высшемъ благословеніи:

Заходилъ онъ за Оку-рѣку
Ко тому Миколѣ Заручевскому,
Отслужилъ обѣдню запрестольную,

а потомъ, прощаясь навсегда съ краемъ, гдѣ протекли его дѣтство и молодость,

Взялъ земельки родной малу горсточку

и пустилъ по Окѣ-рѣкѣ

Оржаного хлѣбушка корочку,
Самъ Окѣ рѣкѣ приговаривалъ:
«А спасибо жъ тебѣ, матушка Ока-рѣка.
Что поила-кормила Илью Муромца».

Такъ подъ покровомъ Божьимъ и съ благодарной памятью о взрастившей его родинѣ, исполненный желанія нести лю-

дямъ добро, пустился Илья въ жизненный путь, въ ту даль, что на утрѣ нашихъ дней разстилается передъ нами, голубая и широкая, неотразимо маня къ себѣ человѣка,

Точно городъ дальній утромъ,
Полный звона, полный блеска.

Но Илья не былъ уже юношей. Онъ зналъ, что его ждетъ впереди жизнь трудная, подвигъ тяжелый, борьба со зломъ, изъ которыхъ только немногихъ мутныхъ волны жизни выносятъ чистыми въ могилу. Чистымъ ли вышелъ онъ изъ жизненнаго испытанія? Не замутились ли въ немъ помыслы правые? Не исказилось ли сердце доброе? Исполнилъ ли Илья отцовскій завѣтъ, ибо, по слову его самого.

Хоть всякій заповѣди кладывалъ,
Да не всякій заповѣди сдерживалъ?

Разсмотримъ его жизнь, и мы получимъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Двѣ темныхъ силы тяготѣли надъ Русью въ первые годы ея исторической жизни, мѣшая культурной работѣ народа. Это, во-первыхъ, разбои, которые при Владимирѣ размножились до того, что даже епископы требовали отъ князя казни разбойниковъ, говоря: „Се умножишась разбойници, почто не казнишь ихъ?“ А затѣмъ „невѣрные, что со всѣхъ концовъ съ побѣдами налетали въ землю русскую“. Печенѣги и половцы — эти два имени кровью записаны чуть не на каждой страницѣ нашей лѣтописи: страхомъ отзывались они въ душахъ нашихъ предковъ. Великолѣпные степные наѣзники, быстрѣ вѣтра носились они по степи, выросли точно изъ земли, неожиданно, и при ихъ ловкости и несравненномъ умѣнѣ владѣть лукомъ и стрѣлами не было силы, которая могла бы имъ противиться. Стоило отлучиться князю изъ Кіева, и уже они говорили: „Поѣдемъ за Кіевъ, возьмемъ села и пойдёмъ съ полономъ въ Половцы“. И ѣхали и разоряли мать городовъ русскихъ, увлекая за собою въ плѣнъ цѣлыя села“, съ мужи и женами, и кони, и

скоты". Это—картина, нарисованная современникомъ. Ее находимъ и въ былинахъ.

Едва успѣлъ Илья выѣхать въ „чисто поле“, едва успѣлъ богатырскій его конь, „бурушка косматый“, что скакалъ „выше дерева стоячаго, чуть пониже облака ходячаго“, сдѣлать третій скокъ и подѣхалъ къ городу Чернигову, какъ уже зло жизни предстало передъ Ильею во всей своей мрачной наготѣ. Смотритъ онъ, а

Подъ Черниговомъ силушки чернымъ черно.
Чернымъ черно, какъ черна ворона.

Это „подступили подъ Черниговъ три царевича, а съ каждымъ силы сорокъ тысячей“. Кто были эти три царевича, былина не говоритъ, но намъ довольно знать, что это была „черная“ сила дикихъ сыновъ степи, что плѣнь, кровь и разореніе несла съ собою для мирнаго крестьянскаго населенія южной Руси. Подступили царевичи, а ужъ въ Черниговѣ въ „церкви Божьей люди Богу молятся,

Каются да приобщаются,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаются.

Что тутъ дѣлать человѣку, который бы хотѣлъ исполнить заповѣдь Божью о любви къ людямъ? Когда у васъ на глазахъ совершается возмущающее душу злодѣйство и разбойникъ, схвативъ за горло ни въ чемъ неповиннаго человѣка, готовъ его задушить, выбора быть не можетъ. Всякій, въ комъ живо еще чувство состраданія, бросится на помощь и погибнетъ самъ, или спасетъ несчастнаго. Такъ сдѣлалъ и Илья. По одному разночтенію, безъ всякихъ думъ, повинувшись единственно порыву сердца,

Припустилъ онъ коня богатырскаго
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
Потопталъ силу въ скоромъ времени;

по другому задумался богатырь на мгновеніе, вспомнился ему завѣтъ отцовскій не мыслить зломъ на татарина, не убить въ чистомъ полѣ хрисьянина, но—говоритъ былина—

Богатырское сердце неумичиво, разгорчиво,
 Что веселый огонечекъ разыграется,
 Что морозъ палящій разгорается,

и, выломавъ дубъ сталъ Илья имъ помахивать по силѣ басурманской такъ, что

Гдѣ махнетъ—тамъ силы улицы,
 Отмахнется—часты площади

И въ обоихъ случаяхъ поступилъ вѣрно. Если же во второмъ онъ поколебался и думалъ, что, нападая на насильниковъ, нарушаетъ заповѣдь отцовскую, то это показываетъ только, что непосредственное чувство правды было въ немъ сильнѣе и выше, чѣмъ сознаніе. Ибо мнимое нарушеніе заповѣди было на самомъ дѣлѣ прямымъ ея исполненіемъ. Не злые помыслы руководили его рукою, когда побивалъ онъ силу басурманскую, а состраданіе къ черниговцамъ, которымъ грозила неминуемая гибель, не вступись за нихъ Илья. И состраданіе это не потому только переполнило его душу, что черниговцы были свои, ему близкіе родные люди, сыны той-же русской земли, что и онъ,—въ одномъ изъ разночтеній быliny Илья при такихъ же условіяхъ освобождаетъ городъ латинскій—но единственно потому, что жила въ немъ звавшая его на нравственный подвигъ любовь ко всякому обездоленному человѣку:

Иди къ униженнымъ,
 Иди къ обиженнымъ
 И будь ихъ другъ.

И не его вина, что освободить осажденныхъ отъ гибели можно было только цѣною крови насильника и что самыя условія подвига въ данномъ случаѣ неизбежно вынуждали человѣка совершить зло, предоставляя ему только выборъ между зломъ большимъ и меньшимъ. Это только показываетъ, что въ жизни нашей добро обыкновенно является съ примѣсю зла, что на землѣ царитъ область добра не безусловнаго, а относительнаго. Такимъ относительнымъ доб-

ромъ является между прочимъ война. Мы молимся въ церквахъ о мирѣ всего міра, тѣмъ самымъ осуждая въ основаніи всякое кровавое столкновеніе, но таковы условія нашей жизни, что начатая за правое дѣло въ защиту родины или притѣсненныхъ и обездоленныхъ, война часто неизбежна и бываетъ не возмущающимъ сердце убійствомъ, а святымъ и многотруднымъ подвигомъ любви. Кто помнитъ, что происходило въ Босніи, Герцеговинѣ и Оракии передъ великой освободительной войной 1877—1878 гг., кто когда-нибудь старался себѣ воочію представить, какъ озвѣрѣвшіе фанатики-турки въ глазахъ у матерей поджаривали на медленномъ огнѣ ихъ дѣтей, какъ распарывали заживо животы и вырѣзывали до единого цѣлыя деревни, такъ что лошадь англійскаго корреспондента Макъ-Гахана спустя мѣсяцъ послѣ бойни ступала по колѣна въ гніющихъ трупахъ, тотъ пойметъ, что, когда русскіе солдаты и болгарскіе ополченцы грудью отбивали на горѣ св. Николая яростные приступы дикой орды Сулеймана-паши, передъ міромъ разыгрывалось зрѣлище не убійства, а высокой нравственной доблести ¹⁾. Это былъ „станъ погибающихъ за великое дѣло любви“. Одни душу свою полагали за братьевъ, другіе за родину—оба исполняли евангельскій завѣтъ о любви къ ближнему.

Спасая невинныхъ черниговцевъ, его исполнилъ и Ильѣ, и, какъ русскія войска въ Систовѣ ликоваіемъ встрѣтили болгарскій народъ, цѣлуя государевы стремена, плача и рыдая отъ радости, такъ и Ильѣ встрѣчали спасенные имъ черниговцы. Били они ему челомъ низко и просили быть у нихъ воеводою, насыпали ему во подарокъ „чашу красна золота, чашу чиста серебра, третью скатна жемчуга“. Но не бралъ Ильѣ подарковъ, не принялъ онъ и предложенной чести. Не слава и не жажда наживы вызвали его изъ родитель-

¹⁾ Болгарскія свидѣтельства о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 можно найти между прочимъ въ изданныхъ нами разсказахъ Вазова (Спб. 1904 г.).

скаго дома, а сознаніе долга передъ Богомъ и родиной, и довольный, что освободилъ черниговцевъ отъ силы басурманской и сослужилъ свою службу народу, поѣхалъ онъ въ путь далѣе, на борьбу уже не со внѣшними, а съ внутренними врагами отечества.

Уроженцамъ брянскихъ лѣсовъ, намъ памятенъ съ дѣтства въ глуши широколиственныхъ дубравъ мѣста, окруженные валомъ и окопанныя заросшимъ уже молодыми деревьями рвомъ. Это остатки старинныхъ становищъ, гдѣ еще на памяти нашихъ дѣдовъ или прадѣдовъ господствовали, наводя страхъ на всю округу, „станишники, по нашему русскому разбойники“. Въ далекія же времена Владимира Святого, когда все брянское полѣсье было однимъ сплошь тысячеверстнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, прямоѣзжая дорога изъ Чернигова въ Кіевъ, которую, по своеобразной географіи, народъ пролагаетъ черезъ брянскій лѣсъ, „заколочила и замуровала такъ, что ни сѣрый звѣрь тутъ не прорыскивалъ ни черный воронъ не пролетывалъ“. На девяти дубахъ, „у тоя у березы у покляпя, у славнаго креста у Леванидова, у славненькой у рѣчки у Смородинки“ застѣлъ тамъ страшный Соловей разбойникъ, Одихмантьевъ сынъ. Мифологическая теорія видѣла въ немъ олицетвореніе губительнаго вѣтра, но онъ прежде всего представитель русскаго разбойничества. Хоть и былъ онъ русскій человѣкъ, но татарское отчество дала ему народная фантазія, ибо хуже татаръ были тогда для Руси разбойники и поистинѣ родила ихъ „сила черная“. Отговаривали Илью ѣхать дорогой прямоѣзжею черниговцы, но, выѣхавъ въ широкую жизнь на подвиги, не поворачивать назадъ! И, хлестнувъ добра коня своей „плеточкой шелковенькой по тучной бедрѣ“, началъ Илья смѣло

Съ холмы на холму перемахивать,
Мелки рѣченки, озерка между ногъ спущать,—

и подѣхалъ „ко славныя березы ко покляпя“, къ Соловью-разбойнику.

Увидѣвъ путника, Соловей засвисталъ по соловьему, „воскричать злодѣй-разбойникъ по звѣриному“, и такъ велика была сила посвисту соловьяго, что

Темны лѣсушки къ землѣ преклонились,
Что есть людишекъ, мертвы лежать.

Добрый конь Ильи со страха спотыкнулся. Но ударъ плеточкой вмигъ поднялъ его на ноги. Не смутился богатырь. Отстегнувъ отъ стремени свой „лукъ разрывчатый“, наложилъ онъ на него „стрѣлочку-каленую“, натянулъ „тетивочку шелковеньку“ и пустилъ стрѣлу въ разбойника. Прямо въ глазъ угодила стрѣла, и палъ Соловей на сыру землю, а „старый казакъ Илья Муромецъ“ пристегнулъ его къ стремени и двойнымъ побѣдителемъ пріѣхалъ въ столичный Кіевъ къ Владимиру — побѣдителемъ надъ черной силой басурманскою и не менѣе темной силой разбойничьяго своевольства, что выросла на родимой почвѣ, подъ кровлею отеческой. Сперва было не повѣрилъ Владимиръ Ильѣ — такой необыкновенной и чудесной показалась ему побѣда — но фактъ былъ на лицо: Соловей висѣлъ у богатырскаго сѣдла, прикованный къ стремени булатному, и позвалъ Владимиръ богатыря за столъ свой княжескій. Подвигъ, на который выѣхалъ Илья изъ дому, былъ совершенъ и завѣтъ родительскій не нарушенъ, насколько это было возможно въ условіяхъ человѣческой жизни.

Но именно теперь въ Кіевѣ, когда, казалось, всѣ опасности были пройдены, Ильѣ ждало искушеніе, гдѣ впервые, можетъ быть, уклонился онъ отъ указаннаго отцомъ пути.

Захотѣлось Владимиру послушать посвисту соловьяго и приказалъ онъ разбойнику „потѣшить князя-батюшку“ и свистнуть, но не во весь соловьиный свистъ, а въ полсвиста соловьяго. Свистнулъ разбойникъ, но видно еще живо было въ немъ дикое своевольство и „не послушался наказа онъ Ильюшина“ и свистнулъ во весь свой свистъ:

Отъ того отъ посвисту соловьяго,

Отъ того отъ пошину змѣйнаго,
 Отъ того отъ покрику звѣринаго
 Маковки на теремахъ покривились,
 Стеклышки въ оконницахъ полопались,
 Со двора всѣ кони разбѣжались,
 Всѣ князья съ боярами пали за смертью,
 Всѣ могучіе богатыри припадали,
 Окоракѣй по двору расплзались.

Не слюбилось это дѣло Ильѣ, закипѣло въ немъ „неуемчивое сердце богатырское“, сѣлъ онъ на добра коня, поѣхалъ во раздольице чисто поле и срубилъ Соловьѣ буйну голову.

Тутъ Соловьѣ и славу поютъ—

заканчиваетъ повѣсть объ этомъ былина.

Сочувствіе народа и здѣсь явно стоитъ на сторонѣ его любимца, и это объясняется, можетъ быть, съ одной стороны величиною страданій, которыя терпѣла Русь отъ неурядицъ внутреннихъ, а съ другой тѣмъ, что даже въ минуту казни Соловьѣ Ильѣ руководился не дурнымъ чувствомъ: основное побужденіе его и здѣсь, какъ вездѣ, одно—жалость къ обиженнымъ. Рубя Соловьѣ голову, Ильѣ „выговаривалъ“:

Полнот-ка тобѣ слезить отцовъ-матерей,
 Полнот-тка вдовить женъ молодыхъ,
 Полно спущать сиротатъ малыхъ дѣтушекъ!

Злобы противъ Соловьѣ онъ не питаетъ. Напротивъ, онъ заботится объ его дѣтяхъ сиротахъ и защищаетъ ихъ достояніе отъ чужихъ поползновеній. Общее впечатлѣніе таково, что ему какъ будто и жаль Соловьѣ, что онъ казнить его только потому, что *долженъ* это сдѣлать, чтобы сохранить отъ разбойника малыхъ дѣтушекъ.

Но точно ли долженъ онъ былъ убить разбойника? Вѣдь Соловей-разбойникъ, что висѣлъ, привязанный къ богатырскому стремени, уже не прежній Соловей. Злобная сила его обезоружена, и хотя еще мелькнуло въ немъ прежнее своевольство въ неисполненіи богатырскаго приказа свистнуть не во весь свистъ, а въ полсвиста, но это, можетъ быть,

только отзвуки прошлого. Онъ самъ говоритъ Владимиру:
„Илью Муромца хочу я слушати“. Наконецъ

Пусть духъ его черенъ, какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло, какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ;
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ....
Убьете-ль? О, стыдъ и позоръ! ¹⁾

Человѣкъ никогда не можетъ быть въ рукахъ другого средствомъ для чьей бы то ни было пользы. Только вещи существуютъ для другихъ, и этимъ исчерпывается все значеніе ихъ существованія. Человѣкъ имѣетъ безусловную цѣнность самъ по себѣ. Онъ самъ въ себѣ составляетъ цѣль. Это одна изъ самыхъ основныхъ нравственныхъ истинъ, и древняя Русь, повидимому, понимала ее, когда еще въ XII вѣкѣ устами Владимира Мономаха завѣщала потомкамъ: „Ни права ни крива не убивайте ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакая же христіаны“.

Илья убилъ Соловья, и такъ какъ здѣсь передъ нимъ не было той дилеммы, что стояла у стѣнъ Чернигова—Соловей былъ обезоруженъ—то поэтому Илья, рубя голову Соловью, погрѣшилъ, кажется, и противъ отцовской и противъ Божеской заповѣди, и противъ исконнаго народнаго русскаго сознанія, и противъ своего собственнаго обыкновенія, ибо, сколько ни ѣздилъ онъ по русской землѣ, оберегая ее отъ всякаго „злого обстоянія“,—а проѣздилъ онъ такъ всю свою богатырскую жизнь—великодушіе къ павшему было всегда одной изъ его наиболѣе выдающихся чертъ.

И народное сознаніе чувствовало неправоту своего богатыря. Есть разночтенія, въ которыхъ конецъ былины совершенно измѣненъ. Въмѣсто того, чтобы убивать разбойника, Илья „выпускаетъ Соловеюшку Рахманова“ и только беретъ

¹⁾ Стихи Хомякова.

съ него „роту великую“: „не сидѣть тебѣ на семи дубахъ“. И пошелъ—говорить былина—Соловѣюшка Рахмановъ по своему широку двору. Въ другомъ разночтеніи Соловей дѣлается даже помощникомъ и товарищемъ Ильи по богатству: они вмѣстѣ освобождаютъ городъ Кряковъ.

Подъѣзжаютъ они ко городу ко Крякову:

Городъ Кряковъ обсаженъ осадою,

Морятъ кряковцевъ смертью голодною.

Говоритъ Илейко Соловью-разбойнику:

«Пособи мнѣ-ка выручить

Кряковъ изъ неволюшки:

Поѣхалъ Илья по праву руку,

Соловей пошелъ по лѣву руку,

Подъ Кряковымъ добры молодцы силу выбрали.

Нигдѣ неправота Ильи въ дѣлѣ съ Соловьемъ не обличается такъ ясно высотой его собственного поведения, какъ въ знаменитой былинѣ о встрѣчѣ его со станишниками. Здѣсь рядомъ съ поразительной художественностью выраженія предстаетъ передъ слушателемъ въ полной силѣ и торжествѣ обаяніе нравственной правды.

Былина открывается описаніемъ неутомимой дѣятельности Ильи:

Какъ далече-далече во чистомъ полѣ—

Что ковыль-трава въ чистомъ полѣ шатается,

А и ѣздитъ въ полѣ старъ-матерь челоувѣкъ,

Старый ли казакъ Илья Муромецъ.

И вотъ уже не онъ наѣзжаетъ на разбойниковъ, а на него напали станишники:

Кругомъ его стараго облавили,

Хотятъ его стараго ограбить,

Съ душой, съ животомъ его разлучить хотятъ.

Но ему и въ голову не пришло отплатить имъ за зло зломъ. Вынималъ онъ изъ крѣпкаго лука „стрѣлку каленую“, но выстрѣлилъ не по станишникамъ, а по сыру дубу. Загудѣла тетива и станишники съ коней попадали, а когда отъ могучаго удара стрѣлы „сыръ кряковистый дубъ изломался

въ черенья ножовые“, отъ того отъ грома богатырскаго станишники такъ перепугались, что пять часовъ лежали безъ памяти. Очнувшись „будто отъ сна“, стали они „пересемявать“, да „постыривать“ и били челомъ Ильѣ:

Ты, старый казакъ, Илья Муромецъ!
Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное;
Дадимъ рукописанье служить до вѣку.

Истинная покорность основывается не на силѣ только, а и на убѣжденіи въ нравственномъ превосходствѣ и правотѣ того, кому мы повинемся. Древніе греки, возвышавшіеся нерѣдко до крайнихъ высотъ человѣческаго пониманія, знали это: греческое *πειθεσθαι*—*повиноваться* значить и *быть убѣждену*. Станишники преклонились не только передъ неизмѣримой физической силой богатыря: они инстинктивно почувствовали его недостижимую для нихъ нравственную мощь—и поклонились ему. Это была изъ побѣдъ побѣда. Но соблазнъ власти не существовалъ для Ильи и съ неподражаемымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ, безпримѣрнымъ добродушіемъ назвавъ братьями тѣхъ, кто только-что хотѣлъ его ограбить и убить, богатырь нашъ отказался отъ предложеннаго атаманства и попросилъ только станишниковъ передать отъ него поклонъ его младшему товарищу по богатырству, Чурилѣ Пленковичу:

А и гой-есть вы, братцы станишники!
Поѣзжайте отъ меня во чисто поле,
Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
Про стараго казака, Илью Муромца.

Черта необычайной душевной красоты! По вѣрному замѣчанію Буслаева, Илья Муромецъ въ высочайшей степени одаренъ счастливой способностью говорить прекрасное, не давая въ томъ себѣ отчета и не любуясь тѣмъ, что сказано. Мы бы прибавили къ этому, что онъ умѣетъ и дѣлать прекрасное, самъ не подозревая, что его поступки такъ прекрасны и высоки.

Vae victis!—разносился когда-то по лицу всего міра по-

обѣднѣй кличъ римскаго оружія. Даже челоуѣколюбивѣйшій изъ римлянъ, Цезарь, задушивъ въ Укселлодунѣ послѣднюю вспышку галльскаго сопротивленія, приказалъ отрубить правыя руки всѣмъ защитникамъ города, чтобы ходили они по міру живыми свидѣтелями римской силы и могущества. Наша старина оставила намъ не такіе завѣты. Побивъ „басурманъ“ подѣ Черниговомъ, Илья Муромецъ, какъ только „сила черная“ перестала быть силой, прекратилъ бой и, добравшись до осаждавшихъ Черниговъ царевичей, отпустилъ ихъ здоровыми и невредимыми на всѣ четыре стороны:

Охъ вы гой еси, мой царевичи!
 Во полонѣ-ли мнѣ васъ, братцы, взять,
 Али буйны головы съ васъ снять?
 Какъ въ полонѣ васъ взять—дѣвать васъ нѣкуда,
 А какъ головы снять—царски сѣмена сгубить.
 Разъѣзжайтесь-на вы по своимъ ордамъ,
 По своимъ ордамъ, да по своимъ мѣстамъ;
 Да чините, разносите такову славу,
 Что святая Русь да не пуста стоитъ,
 Есть еще на матушкѣ святой Руси
 Сильные могучіи богатыри!»

Басурманскіе царевичи для него тоже братья, какъ и свои станишники, а если и случалось ему въ порывѣ негодованія на обидчика и жалости къ обиженному уклониться, можетъ быть, отъ дороги, указанной отцомъ, то вѣдь о людяхъ мы судимъ по преобладающему свойству, а объ этомъ и разбойники и басурманскіе царевичи донесли до насъ одну и ту же вѣсть—ни тѣни злобы не было въ его чувствахъ даже ко врагамъ, ни тѣни самохвальства и самолюбія въ поступкахъ и, передавая свой поклонъ въ лицѣ Чурилы Пленковича младшимъ поколѣніямъ русской земли, онъ оставилъ имъ тотъ же завѣтъ, что и „старой хрисьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ“, только провѣренный опытомъ всей его богатырской жизни. Этотъ завѣтъ гласитъ: правда, простота и прямота въ мысли, чистота и любовь въ сердцѣ и сила въ безкорыстныхъ подвигахъ на пользу родины, на благо общее.

VI.

Въ X-мъ вѣкѣ набѣги печенѣговъ стали невыносимы для мирнаго и земледѣльческаго русскаго населенія: многочисленные, отважные и хищные, кочевники въ своихъ разбѣздахъ по южнорусскимъ степямъ доходили до самаго Кіева, и ясна стала необходимость правильной, организованной борьбы со степью. „И рече Володимиръ: се не добро, еже мало городовъ около Кіева, и нача ставити города по Деснѣ, и по Встри, и по Трубешевѣ, и по Сулѣ, и по Стугнѣ и нача собирати мужи лучшіе отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чуди, и отъ Вятичъ, и сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ и бѣ бо воюяся съ ними и одоляя имъ“.

Приуроченное Лаврентьевской лѣтописью къ 988 году, явленіе это только начало цѣлаго ряда правильныхъ оборонительныхъ дѣйствій противъ степи. Широкая и неоглядная, какъ море, она, какъ море, была и опасна: не только Кіевъ, но и позднѣе Москва каждую минуту могла ожидать, что изъ этого колыхающагося безъ предѣла зеленого океана вдругъ вынырнетъ остроконечная татарская шапка и съ гикомъ и свистомъ понесется на Русь дикая стая набѣдниковъ. Еще во времена Бориса Годунова существовалъ „живой телеграфъ“ и съ высокихъ пригорковъ, а то и съ деревьевъ, зорко слѣдили за степью особо наряженные для этого люди, передавая другъ другу каждую тревожную вѣсть, пока не доходила она до пограничныхъ крѣпостей, острожковъ и заставъ, что, какъ проволочное загражденіе, тянулись по всей границѣ.

Память объ этой организованной защитѣ сохранилъ народъ нашъ въ замѣчательной былинѣ о заставѣ богатырской, что стояла

Подъ стольнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цыцарскіихъ.

Здѣсь Илья Муромецъ уже не одинъ въ полѣ воинъ: около него вся его „братія приборная“, всѣ богатыри земли русской—и смѣлый дружинникъ-варягъ, Добрыня Никитичъ младѣ, и Алеша Поповичъ, Гришка боярскій сынъ и Васька Долгополый, дякъ или грамотей, по объясненію А. С. Хомякова, но вѣрнѣе, какъ думаетъ Буслаевъ, человекъ посадскій, торговый, купецъ. А надъ всѣми надъ ними атаманомъ Илья Муромецъ.

Дѣйствіе былины застаётъ всѣхъ „братцевъ“—„въ разъѣздицѣ“. Гришка кравчимъ служилъ у великаго князя, Алеша былъ въ Кіевѣ, Илья ѣздилъ по чистому полю, а Добрыня уѣхалъ къ самому синему морю „на охотѣ стрѣлять гусей-лебедей“. И вотъ, возвращаясь съ охоты, увидѣлъ онъ „ископыть великую—съ полѣ печи“: это проѣхалъ мимо заставы изъ земли изъ жидовскія новый могучій богатырь Жидовинъ. Увидѣвъ по ископыти, что проглядѣли богатыри въѣхавшаго въ русскую землю „нахвальщика“, созвалъ Добрыня всю свою „братію приборную“ и стали они „думу крѣпкую думати“,

Кому ѣхать за нахвальщикомъ,

Побить нахвальщика на чистомъ полѣ,

По плечъ отсѣчь буйну голову.

Остановились сперва на Васькѣ Долгополомъ, но вмѣшался Илья:

Неладно, ребятушки, положили;

У Васьки полы долги;

По землѣ ходитъ Васька заплетается—

На бою на дракѣ заплетется—

Погибнетъ Васька по напрасному.

Положились было на Гришку на боярскаго, но и тутъ Илья отсовѣтовалъ:

Гришка роду боярскаго;

Боярскіе роды хвастливые,

На бою-дракѣ призахвастается—

Погибнетъ Гришка по напрасному.

Намѣтили Алешу Поповича, но Илья не позволилъ:

Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
 Много злата-серебра;
 Злату Алеша позавидуетъ—
 Погинетъ Алеша понапрасному.

И выбрали наконецъ Добрыню. Смѣлый и удалый витязь, отважный потомокъ варяговъ, Добрыня и не подумалъ отказываться. Покрикивая зычнымъ, звонкимъ голосомъ на нахвальщика, выѣхалъ онъ въ поле, но едва только „нахвальщина“ повернулъ коня, какъ „сыра земля всколебалася и подъ Добрыней конь на колѣнца палъ“. Увидѣлъ богатырь, что непосильная ожидаетъ его борьба и, взывая къ Богу: „Унеси, Господь, отъ нахвальщика!“ вернулся назадъ на заставу. И пришлось тогда ѣхать на нахвальщика тому, кто много вѣковъ все выносилъ и выносить за насъ на своихъ неуморныхъ плечахъ, представителю русскаго сѣраго крестьянства—Ильѣ Муромцу:

Больше неѣмъ замѣнитися:
 Видно ѣхать атаману самому.

Илья не испугался силы нахвальщика. Ударились они палками:—цѣвья у палокъ отлетѣли. Ударились саблями—сабли поломались. Кололись копьями, но „другъ дружку не ранили“. Бились рукопашнымъ боемъ, бились день до вечера, съ вечера до полуночи, съ полуночи до бѣла свѣта. Но никто не одолѣлъ. И вдругъ случайно

Поскользнуть у Илейки ножка лѣвая,—

и палъ Илья на сыру-землю. Мгновеніе,—а нахвальщина уже сидитъ на груди у Ильи и „чинжалищемъ булатнымъ“ хочетъ вспоротъ груди бѣлая, да еще посмѣивается, что старикъ вмѣсто того, чтобы Богу молиться, выѣхалъ на него въ чисто поле. Казалось уже, что насталъ богатырю конецъ и „погинетъ онъ понапрасному“. Но въ эту минуту мелькнула у него мысль о предсказаніи каликъ, что ему смерть на бою не написана:

Да неладно у святыхъ отцовъ написано,
 Неладно у апостоловъ удумано.

Написано было у святыхъ отцовъ,
 Удумано было у апостоловъ:
 Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;
 А теперь Илья подѣ богатыремъ!

И вдругъ новый приливъ силы прихлынулъ къ Ильѣ:

Лежучи у Ильи второе силы прибыло.

Какъ махнулъ онъ рукой, какъ ударилъ нахвальщика въ грудь, подскочилъ нахвальщина въ воздухъ выше дерева высокаго и ударился о земь. Недолго думая, Илья споролъ ему груди бѣлыя, по плечъ отсѣкъ буйну голову и, спокойный и величавый, воротился къ ожидавшей его „братіи приборной“, вмѣсто всякой похвалы оборонивъ одну только короткую фразу:

Вадилъ въ полѣ тридцать лѣтъ,
 Экаго чуда не наѣзживалъ.

Историческій фонъ этой былины былъ уже выясненъ раньше. Единственно, что еще требуетъ объясненія, это имя нахвальщика. Почему названъ онъ Жидовиномъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ со свойственной ему проникательностью далъ еще Хомяковъ, а прочіе изслѣдователи только подтвердили его правоту. Напрасно Халанскій старался вывести нашего Жидовина изъ Джидовина сербскихъ и болгарскихъ былинъ, указывая, что это имя обозначаетъ только великана: джидъ — гигъ, γίγας, гигантъ, исполинъ ¹⁾. „Жидовская земля“ это земля исповѣдывавшихъ іудейство хазаръ, чья орда еще до прихода печенѣговъ раскинулась по югу Россіи и Европы отъ Дона до Панноніи. Хазарамъ проповѣдывалъ въ половинѣ IX вѣка христіанство одинъ изъ славянскихъ первоучителей св. Кириллъ. Вліяніе іудейства было такъ сильно въ Кіевѣ, что съ нимъ считалъ необходимымъ бороться въ своихъ сочиненіяхъ преп. Илларионъ. О „хазарскихъ жидяхъ“ упоминаетъ подѣ 986 г. Несторъ, а по изысканіямъ академика Веселовскаго на Кавказѣ ихъ именемъ долго обозна-

¹⁾ Подробный разборъ мнѣній Халанскаго читатель найдетъ въ приложеніи.

чали и послѣ паденія хазарской орды евреевъ: Ghyssar. Крымская же земля еще во времена Ивана IV отождествлялась въ русской поэзіи съ понятіемъ жиновства:

Захотѣлъ тутъ царь поженитися,
Въ той землѣ во крымскія, во жиновскія,—

пѣла пѣсня про женитьбу Грознаго. Все это достаточно убѣдительно свидѣтельствуешь, что Жиновинъ это Хозаринъ а если это такъ, его имя даетъ намъ новый примѣръ живой народной памяти о самыхъ отдаленныхъ и уже мглою покрытыхъ событіяхъ нашей исторіи. Историческія глубины, которыя теперь вскрываютъ изслѣдователи при помощи цѣлаго арсенала учености, еще доселѣ, оказывается, смутнымъ отголоскомъ живутъ въ народѣ, оправдывая слова поэта:

О, память сердца! Ты прочнѣй
Разсудка памяти печальной.

Еще знаменательнѣе художественная концепція былины, мысли и чувства, воплощенные народомъ въ созданныхъ имъ художественныхъ образахъ. На заставѣ подлѣ Ильи Муромца собраны всѣ сословія русской земли ¹⁾. Конечно, какъ въ художественномъ произведеніи, въ былинѣ и здѣсь нѣтъ никакой преднамѣренности, но во всякомъ случаѣ есть мысль, которая тѣмъ цѣннѣе для насъ, чѣмъ безотчетнѣе. Для защиты родной земли народъ собралъ всѣхъ богатырей, всѣ ея сословія, потому что чувствовалъ, что за родину стоять должны крѣпко всѣ ея сыны безъ различія. Только тогда будетъ она невредима, только тогда высоко въ ней будетъ царить правда! Кто спасъ Русь въ смутное время шестисотъ двѣнадцатаго года? Мѣщанинъ Мининъ, князь Пожарскій и мужикъ Сусанинъ, дружно откликнувшіеся на грамоты троїцкосергіевскихъ священнослужителей.

¹⁾ Сословная окраска богатырей, повидимому, позднѣйшаго происхожденія, но въ данномъ случаѣ это не имѣетъ значенія: раньше или позже она явилась, былина въ настоящемъ своемъ видѣ во всякомъ случаѣ дѣло народнаго творчества, и этого для насъ довольно.

Кто не только отразилъ враговъ, но и вывелъ Русь на новую дорогу сознательной жизни, когда въ другое лихолѣтье вновь ворвались въ самое сердце страны цѣлыя толпы чужихъ народовъ? Не пламень ли единого народнаго порыва зажегъ тотъ огонь, которымъ вдругъ занялась въ 1812 году плѣненная Москва?

Реветь пожаръ отъ края и до края,
Дома, чертоги, хаты пожирая.

„Погибли созиданія столѣтій“, но при свѣточѣ этого кроваваго зарева раскрылось, по слову чешскаго поэта, передо всѣми сердце народное и стало ясно не только, „каковы родныя дѣти Руси“, но и то, какими они быть должны. Въ годину ли внѣшней опасности, въ мирное ли время внутренняго устроенія земли дружными силами надо идти впередъ, все выше и выше по пути къ вѣчной и неизмѣнной уже Правдѣ! Въ единеніи сила! Вотъ, кажется, мысль народа или, вѣрнѣе, бессознательное чувство, заставившее его вокругъ коренной русской силы, главнаго оплота страны—русскаго крестьянства собрать въ былинѣ и остальныхъ представителей земли.

Но какъ главный фактъ въ былинѣ не описаніе заставы богатырской, а поединокъ Ильи съ нахвальщикомъ, такъ и главная мысль ея открывается лишь во второй ея части. Она обнаружится, если мы взглядемъ, при помощи какихъ силъ побѣдилъ Илья Жидовина, ибо очевидно, что его одиночной, личной силы было для этого недостаточно: поскользнулась у Ильи, пока онъ надѣялся только на себя, ножка лѣвая и онъ очутился подъ богатыремъ. Чтò же его подняло и дало ему побѣду?

Лежучи у Ильи силы втрое прибыло.

Духомъ общечеловѣческаго, можетъ быть изъ глубокой дали вѣковъ идущаго сознанія вѣетъ на насъ отъ этого стиха! Вспоминается сынъ Геи и Посейдона, древнегреческій Антей. Какъ мячикомъ, игралъ имъ Гераклъ, пока онъ былъ

отторгнуть отъ земли, но, безпомощный и слабый, какъ младенецъ, вдали отъ матери-земли, онъ становился сильнымъ и неодолимымъ отъ одного только прикосновенія къ ней. Изъ того же источника прихлынула сила и къ нашему Ильѣ. И правда. Если сила объединенной земли и народа въ единеніи всѣхъ, то сила каждаго отдѣльнаго человѣка въ единеніи съ землею, съ почвой, на которой онъ выросъ, съ народомъ, изъ котораго произошелъ. Это истина столько же физическаго, сколько и духовнаго порядка. Широколиственной чинарѣ не вырости на болотахъ и топяхъ Петербурга. Жарящіяся на солнцѣ карликовыя сосны одесскихъ скверовъ—жалкая пародія на могучихъ и стройныхъ великановъ полѣскаго бора, въ сырой мглѣ котораго рѣдко-рѣдко когда затрепещутъ солнечные блики. Конечно, человѣкъ на то и человѣкъ, что онъ можетъ примѣниться къ разнымъ условіямъ, но для правильнаго и полнаго расцвѣта и его силы требуютъ соотвѣтствующей народной среды. Иностранецъ-учитель, какъ бы свѣдущъ, даровитъ и благожелателенъ онъ ни былъ, никогда не способенъ оказать такого же сильнаго воспитательнаго вліянія на умъ и чувство юноши, какъ равный съ нимъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ свой человѣкъ: есть тайные уголки сердца, куда не заглянуть иноземцу, есть сочувствія и склонности, которыя для него чужды, и ихъ живительная сила останется неиспользованной. Плодоносная сила труда удесятерится, если онъ ведется на народной почвѣ. Не говоримъ уже о томъ, сколько мощи способно прибавить человѣку сознаніе, что онъ не одинъ, что за нимъ стоитъ весь выросившій его народъ. Передъ этой живой народной правдой, можетъ быть и безсознательно, но вѣрно выраженной въ народныхъ сказаніяхъ, блѣднѣютъ и меркнутъ оторванныя отъ жизни космополитическія построенія, отрицающія важность народности, несмотря на всю ея несомнѣнность, какъ природнаго факта. Одно солнце свѣтитъ надъ всѣми, одна есть правда, единая для всѣхъ. Но ея полнота и многоцвѣтность въ своемъ земномъ отра-

женіи дробится, какъ дробятся въ капляхъ воды лучи солнца, и только вся совокупность народовъ, изъ которыхъ каждый отражаетъ особый цвѣтъ, можетъ общими усиліями приблизиться къ возможно полному воплощенію на землѣ правды. Правда одна, но она вырастаетъ и крѣпнетъ на стеблѣ народности.

Велика сила человѣка, сознающаго свою связь съ народомъ, неизмѣримо больше сила народа, объединеннаго въ своемъ дѣйствіи, но и та и другая, какъ всякая земная сила, ничто, если не лежитъ на ней высшаго духовнаго освѣщенія. Илья побѣдилъ Жидовина силою своего единенія съ землею, но не ею одною. Когда почувствовалъ онъ въ себѣ приливъ новой силы? Послѣ того, какъ вспомнилъ о Богѣ:

«Да не ладно у святыхъ отцовъ написано,
Не ладно у апостоловъ удумано;
Написано было у святыхъ отцовъ,
Удумано было у апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому,
А теперь Илья подѣ богатыремъ!

Скажутъ, что это не молитва, а дерзкій и негодующій ропотъ на Бога. Но это мѣсто не одиночно въ сказаніяхъ объ Ильѣ: онъ обращается къ Богу съ молитвой не разъ. Въ одной изъ пѣсень, собранныхъ Кирѣевскимъ, разсказывается, какъ поверженный на земь татарченкомъ онъ сталъ

Молиться Спасу съ Богородицей:
«Не дай меня поганому на поруганіе!
Буду я служить до свѣту до вѣку,
За тѣ церкви за Божьи,
За тую вѣру за крещишную».

Въ другой былинѣ говорится, какъ Батый велѣлъ отрубать ему голову, но

Возмолятся старъ-казакъ Илья Муромецъ
Тому угоднику Божію Николаю:
«Погибаю я за вѣру христіанскую!»
У Илейки вдвое силы прибыло,

и порвалъ онъ оковы желѣзныя. Разница между этими мѣ-

стами и нашимъ только въ формѣ молитвы. Въ бою съ Жидовиномъ молитва Ильи звучитъ дѣйствительно, какъ укоръ, какъ напоминаніе о невыполненномъ обѣтѣ, но Илья не сомнѣвается въ его дѣйствительности. Его молитва дерзновенна, но это дерзновение вѣры, сознающей свою силу и правоту. И Богъ услышалъ голосъ вѣры:

Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Невѣрно злато, сталь хрупка,
Но крѣпокъ ясный міръ святости,
Сильна молящихся рука! ¹⁾

Гниль и рухлядь всякое человѣческое зданіе, какимъ бы величественнымъ оно ни казалось, если воздвигнуто оно безъ соизволенія Божьяго. Какъ взбившаяся вверхъ струя фонтана, безсильно опадаетъ на землю даже и доброе человѣческое желаніе, если на осуществленіе его нѣтъ Божьяго согласія. „Всякое дѣло, даже дѣло внутренняго усовершенствованія человѣка—читаемъ въ объясненіяхъ Вл. С. Соловьева къ Платону—зависитъ не отъ людского производа, не отъ преходящихъ добрыхъ желаній, а отъ чего-то болѣе важнаго и глубокаго, чѣмъ мы не можемъ распоряжаться, а съ чѣмъ должны сообразоваться. Есть болѣе важный, чѣмъ мы сами, хозяинъ въ нашемъ внутреннемъ дому, есть у всѣхъ, хотя онъ явственно говоритъ только исключительнымъ людямъ для блага ихъ собственнаго и чужого“. Хозяинъ этотъ Богъ.

Милость Божья и единеніе съ народомъ, разумѣется въ добромъ, доставили Ильѣ побѣду надъ Жидовиномъ. Они обусловливаютъ успѣхъ и всякаго другого человѣческаго дѣланія. Таковъ смыслъ нашей былины.

Здѣсь, можетъ быть, кстати сдѣлать еще одно замѣчаніе. „Безъ Бога ни до порога“, но „на Бога надѣйся, а самъ не плошай“: безъ нашего желанія и участія и самъ Богъ насъ не спасетъ. Некрасовъ хорошо сказалъ о Ломоносовѣ, что

¹⁾ Стихи А. С. Хомякова. Любопытно сравнить съ ними стихи гр. Сигизмунда Красинскаго «Roma»; см. приложение.

онъ сталъ разумень и великъ *по своей и Божьей воли*. Только встрѣча этихъ двухъ стремленій даетъ добрый плодъ. Такъ добрая воля Ильи въ соединеніи съ благословеніемъ каликъ дала ему богатырскую мощь. Такъ и олицетворенная въ Ильѣ сила народная побѣдила Жидовина при помощи Божьей.

Заканчивая разборъ былины о заставѣ, приведемъ глубокія слова о ней Хомякова: „Спокойное величіе древняго эпоса, пишетъ онъ, дышитъ во всемъ разсказѣ, и лицо Ильи Муромца выражается, можетъ быть, полнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ уже извѣстныхъ сказкахъ. Слышна въ немъ настоящая сила, сила непобѣдимая, всегда покорная разуму и долгу, сила благодѣтельная, полная вѣры въ помощь Божію, чуждая страстей и неразрывными узами связанная съ тою землею, изъ которой возникла. Да и не ее ли, не эту ли землю Русскую олицетворило въ немъ бессознательное вдохновеніе народныхъ пѣвцовъ? И у нея на груди, какъ богатырь Козарскій у Ильи, сидѣлъ татаринъ и литвинъ и новый завоеватель всей Европы: но „не такъ у святыхъ отцовъ писано, не такъ у апостоловъ удумано“, чтобы ей погибнуть въ бою. Была бы только въ себѣ цѣльна, да знала бы, откуда идетъ ея сила!“

VII.

Подъ 988-мъ годомъ—одна изъ самыхъ важныхъ датъ нашего лѣтосчисленія—находимъ въ первоначальной лѣтописи слѣдующій-разсказъ: „Приде Володимиръ изъ Корсуни къ Кіеву и, яко приде, повелѣ идола испроврещи, овы сѣщи, а другія огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневѣ ко хвосту и влекущи съ горы по Боричеву на Ручай, дванадесять мужа пристави бити жезліемъ. Се же не яко древу чующу, но на поруганіе бѣсу, иже прельщаше симъ образомъ челоувѣки, да возмездіе пріиметь отъ челоувѣкъ днесъ поругаемъ. Влекуму же ему по Ручаеву ко Днѣпру, плакахуся его невѣрніи людіе, еще бо бяху не пріяли кре-

щенія, и привлеке винуша и въ Днѣпръ. На утрѣ же изыде Володимиръ съ попы на Днѣпръ и снисеся безъ числа людей и влѣзоша въ воду, а попове стояще молитвы творяху и бѣше си видѣти радость велику. Крестившимъ же ся людямъ, нача Володимиръ по градомъ ставити церкви, и попове и люди на крещеніе приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Въ народномъ творчествѣ эта побѣда христіанства надъ язычествомъ отразилась въ былинахъ о Добрынѣ и Змѣѣ Горынчищѣ и, какъ указалъ еще П. А. Безсоновъ, въ былинѣ: „Илья Муромецъ и Идолище“.

Говоря такъ, мы не скрываемъ отъ себя, что большинство позднѣйшихъ изслѣдователей отвергло объясненіе Безсонова. Находили, что названіе „Идолище“ не болѣе, какъ простой бранный эпитетъ. Указывали, что въ качествѣ такового онъ прилагается иногда въ былинахъ къ татарину Батыгѣ Батыговичу и потому въ былинѣ объ Идолищѣ слѣдуетъ видѣть только разновидность пѣсенъ о татарскомъ нашествіи. Разборъ художественнаго замысла быliny покажетъ намъ однако, что поединокъ Ильи съ Идолищемъ обладаетъ сравнительно съ другими подобными подвигами совершенно особенными чертами, вводя насъ болѣе или менѣе ясно въ кругъ борьбы христіанства съ язычествомъ.

Во-первыхъ, одно уже имя новаго противника Ильи направляетъ мысль сразу въ сторону религіи. А затѣмъ въ былинахъ Идолище является и съ совершенно своеобразнымъ внѣшнимъ обликомъ, соотвѣтствующимъ его характеру, какъ воплощенію идолопоклонства. Трудно, конечно, ждаты отъ народа сочувственнаго отношенія къ его исконнымъ врагамъ. Но посмотрите: Жидовинъ въ изображеніи былинъ просто „могучій богатырь“. Его мощь физическая выражена только одною и притомъ красивой подробностью: ископытъ отъ его коня — съ полъ печи. Въ Соловьѣ-разбойникѣ олицетворена сила зла, но его посвистъ соловій и крикъ звѣриный только страшны, а не безобразны. Идолище не только страшно: оно прежде всего отвратительно и гадко по своему безобразію:

Въ долину двѣ сажени печатныхъ,
Въ ширину сажень печатная;
Межъ глазами пята мѣрнал,
Межъ ноздрями калена стрѣла,
Головище, что лоханище,
А глазища, что пивныя чашища.

Эти качественныя опредѣленія: „лоханище“, „пивныя чашища“ возбуждаютъ омерзѣніе къ грубой животности Идолица, котораго былина остерегается назвать даже богатыремъ. Низменными свойствами запечатлѣны и всѣ дѣйствія Идолица:

Зашло Идолице великое
Въ княженецкія палаты бѣлокаменны,
И садилось за столы дубовые,
Ко княгинѣ ко Апраксѣ лицомъ сидѣть,
Къ самому ко князю-солнышку хребтомъ сидѣть,
По быку по цѣлому да выти ѣсть,
По котлу по цѣлому да пива пьеть.
Самъ сидѣть, надъ княземъ похвѣляется:
—Какъ святыя образа-то всѣ поколоты,
Во черной грязи да всѣ потоптаны,
Во церквахъ во Божьихъ кони кормятся...—

Ненависть къ проявленіямъ духа здѣсь сочетается съ отвратительными излишествами животной природы. Въ тѣхъ разночтеніяхъ, гдѣ народъ не такъ щедръ на краски при описаніи Идолица, одинъ прилагаемый къ нему эпитетъ говоритъ за все прочее: оно—„поганое“. Встрѣтившись съ Ильєю, явившимся къ нему подъ видомъ калики, оно хвалится передъ нимъ не силою и удалю молодецкою, не ловкостью и смѣлостью богатырскою, а непомѣрностью своего чревоугодія. Спросивъ у мнимаго каличища,

По многу-ли Илья вашъ хлѣба ѣсть,
По многу-ли Илья вашъ пива пьеть?

и получивъ въ отвѣтъ:

По столько ѣсть Илья, какъ и я,
По столько пьеть Илья, какъ и я,

оно презрительно отзывается:

Экой вашъ богатырь Илья:
Я вотъ по семи ведеръ пива пью,
По семи пудъ хлѣба кушаю.

Илья съ грубоватой русской пересмѣшливостью подсмѣивается надъ этимъ удивительнымъ мѣриломъ богатства:

У нашего Илья Муромца батюшка былъ крестьянинъ.
У него была корова ѣдучая:
Она много пила и ѣла, и лопнула.

Словомъ, образъ Идолища выдержанъ и художественно законченъ. Идолище ярко воплощаетъ въ себѣ самую низкопробную изъ человѣческихъ силъ—силу грубой чувственности, неодоухотворенную, темную силу идолопоклонничества, которая должна склониться передъ Ильей, озареннымъ мощнымъ свѣтомъ новой религіи. Если же имя Идолища прилагается иногда къ Батыю, то не можетъ быть ничего проще и естественнѣе: вѣдь татары были язычники, и прозвищемъ Идолище только отгѣняется эта ихъ сторона, не болѣе. Но чтобы отгѣнить ее именно такъ, надо было сперва имѣть опредѣленное понятіе о самомъ Идолищѣ. Идолище раньше вошло въ кругъ народныхъ представленій, чѣмъ Батый.

Гораздо труднѣе объяснить, какъ образовалось это представление. Безъ сомнѣнія, мы не имѣемъ здѣсь дѣла съ сознательнымъ иносказаніемъ, съ заранѣе придуманнымъ олицетвореніемъ отвлеченнаго понятія. Вытекая непосредственно изъ чистаго родника вдохновенія, народная поэзія не знаетъ искусственныхъ ухищреній, къ которымъ за недостаткомъ истиннаго творчества прибѣгаютъ плохіе стихотворцы. Но, какъ всякая настоящая поэзія, она полна символики, обозначеній одного предмета другимъ, близкимъ ему по какому-нибудь признаку. На чемъ же основаны всѣ заговоры и загадки, какъ не на символизмѣ? Между прочимъ доказано, что по народной символикѣ воплощеніемъ всякой „нехристи“, нечисти, погани, язычества, всего темнаго и злого является змѣй. Во всѣхъ преданіяхъ о крещеніи не только у

нась, но и у другихъ народовъ дѣло сводится къ змѣборству. У насъ же вдобавокъ побѣдителемъ Змѣя является Добрыня, чье имя тождественно съ именемъ Владимірова дяди, крестившаго Новгородъ. Не случайно былины о Тугаринѣ Змѣвичѣ во многомъ, какъ указалъ Веселовскій, совпадаютъ съ пѣснями объ Идолищѣ. Оба ряда образовъ—Змѣй Горынище, Тугаринъ Змѣвичъ и Идолище—хранятъ въ себѣ, очевидно, память объ язычествѣ, побѣжденномъ христіанствомъ. Идолище это символъ язычества.

Это подкрѣпляется и дальнѣйшими особенностями разбираемой былины. Своеобразію соперника Ильи отвѣчаетъ своеобразный способъ борьбы съ нимъ. Выѣзжая на бой съ Жидовиномъ и другими супротивниками русской земли,

Имаеть Илья добра-коня,
Въ торока вяжетъ палицу боевую—
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ.—
На бедра беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую.

Ни о чемъ подобномъ и помину нѣтъ въ нашей былинѣ. Собираясь противъ Идолища,

Обуль Илья лапотики шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпку земли греческой
И пошелъ онъ ко идолищу ко поганому.

И все тутъ. Ни сабли, ни палицы, ни лука! Только выйдя на дорогу, спохватился Илья, что не взялъ съ собой никакого оружія и, встрѣтивъ на пути каличище Иванище, который въ одномъ изъ вариантовъ оказался его стариннымъ товарищемъ по Мурому, взялъ онъ у него „на времечко“ его „клюку въ девяносто пудъ“, но и ею не воспользовался. Когда въ концѣ приведеннаго выше разговора разсерженное насмѣшками Ильи Идолище „со всея со силушки великія“ махнуло въ него кинжаломъ, но промахнулось,

У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ онъ съ головушки шляпу земли греческой,
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.

Шляпкой. Очевидно и это такой же символъ, какъ змѣй. Но символъ чего? Отвѣтъ въ прилагаемомъ къ „шляпкѣ“ опредѣленіи. „Шляпкой земли греческой“. Почему греческой? Потому что изъ Греціи, изъ Византіи заимствованъ нами тотъ покровъ христіанской вѣры, сіяніе котораго разсѣяло тьму языческихъ заблужденій. Символъ съ художественной точки зрѣнія не изъ удачныхъ, но смыслъ его ясенъ. Замѣтимъ, что и въ былинахъ о побѣдѣ Добрыни надъ Змѣемъ Горынчищемъ, гдѣ идетъ разсказъ о борьбѣ язычества съ христіанствомъ, въ качествѣ орудія боя неизмѣнно появляется та же „шляпка земли греческой“. И если въ нашей былинѣ Илья побѣждаетъ Идолище ничѣмъ инымъ, а только этой „греческой шляпкой“, то и въ дѣйствительности ложь въ области вѣры и мысли была побѣждена у насъ не броней булатной, не „гнилой тягостью латъ земныхъ“, а орудіемъ духа. Въ сосѣдней Германіи крестъ шелъ сопутствуемый огнемъ и мечомъ. У насъ только въ Новгородѣ Добрыня пустилъ въ ходъ силу физическую. Быстрое и безнасильственное, какъ и быть должно, распространение христіанства въ Кіевѣ повторилось, по выразительному свидѣтельству исторіи, и въ другихъ славянскихъ странахъ, у Болгаръ и въ Панноніи, у чехоморавовъ и въ Польшѣ. Былина наша выражаетъ въ одно время и историческій фактъ и—невольнo и, конечно совершенно случайно—указаніе на должное.

Любопытны нѣкоторыя ея подробности. При всемъ своеобразіи орудія, которымъ побѣдилъ Илья Идолище, вся обстановка былинъ исполнена чертъ совершенно реальныхъ, вполне отвѣчающихъ извѣстной намъ исторической дѣйствительности. Въ лѣтописи подъ 993-мъ годомъ читаемъ: „И се Печенѣзи приидоша на Русь. И приѣхавъ князь Печенѣжскій къ рѣцѣ, воззва Володимира и рече ему: „Выпусти ты свой мужъ, а я свой, да ся борета; да аще твой мужъ ударитъ моимъ, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашъ мужъ ударитъ, да воюемъ три лѣта“. И разидостася разно. Володимиръ же

посла бирючи ко войску, глаголя: „Есть-ли такий мужъ, иже бы боролся съ Печенѣжиномъ“ и необрѣтется нигдѣже. И завтра прѣѣхаша Печенѣзи, и свой мужъ приведоша, а у нашихъ не бысть, и нача тужити Володимиръ, сля по встѣмъ воємъ“. Развернемъ теперь былинину и что-же мы тамъ прочтемъ?

Прѣзжалъ Идолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ
 Со грозою со страхомъ со великимъ,
 Посылалъ посла ко князю ко Владимиру,
 Чтобы князь Владимиръ стольно-кіевскій
 Ладилъ бы онъ ему поединника,
 Супротивъ его сплущки супротивника.
 Тутъ Владимиръ князь ужахнулся,
 Пріужахнулся, да и закручинился.

Почти слово въ слово одно и то же! Точно какой-то старинный народный поэтъ, имѣя передъ глазами лѣтописныя сказанія, вздумалъ переложить ихъ на стихотворный языкъ. Бой Ильи съ Идолищемъ—поединокъ. Это распространенный въ старину способъ боя. Такъ Редедя, князь Косоожскій, бился съ Мстиславомъ Тьмутараканскимъ. Но сходство идетъ и дальше до подробностей встрѣчи и обмѣна привѣтствіями. „Въ лѣто 6526 (1018)—читаемъ въ лѣтописи—пойде Болеславъ со Святополкомъ на Ярослава съ Ляхи; Ярославъ же множество совокупи Руси, Варягъ, Словенъ и пойде противу Болеславу и Святополку, и стаха оба полъ рѣки Бѣги. И бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода Будый, и нача Будый укоряти Болеслава, глаголя: „Да чрево твое толстое прободемъ ти тростью“, бѣ бо великъ и тяжекъ Болеславъ, яко ни на кони могъ сидѣти, но баше смысленъ. И рече Болеславъ ко дружинѣ: „аще вы его укора не жалъ, азъ единъ погину и, всѣдъ на коня, вбреду въ рѣку и по немъ вою его“. Препирательство словесное открываетъ бой. Эти черты сходства драгоцѣнны. Онѣ показываютъ, что и лѣтопись и былины—единое, органически-цѣлостное созданіе русскаго духа, что онѣ—наши и на нашей почвѣ выросли. Былина объ Идолищѣ поганомъ заканчиваетъ циклъ

исторических подвиговъ Ильи, но прежде, чѣмъ проститься съ главнымъ нашимъ богатыремъ, мы должны еще остановиться на его послѣднихъ предсмертныхъ „трехъ поѣздочкахъ“ ибо недаромъ говоритъ хорватская пословица: *nij života čestita do čestite smrti*. Только честная и достойная смерть даетъ право говорить о честно прожитой жизни.

VIII.

Пожилъ добрый молодецъ на семь свѣтъ,
Походилъ, погулялъ въ чистомъ полѣ,
И застала его старость глубокая,
Въ чистомъ полѣ застала чернымъ ворономъ,
Съла молодцу на буйну голову,
А и при смерти головушка шатается.

Ѣздилъ Илья Муромецъ по чисту полю, „отъ младости Ѣздилъ до старости, отъ старости до гробовой доски“. Его добрый конь, „маленькій бурушка косматенькій“, однимъ скокомъ перескакивая рѣки, широки раздолья перерыскивая, долго „отъ смерти стараго унашивалъ“. Но смерти не миновать человѣку.

Какъ не пыль дорогой запылится,
Не туманъ да съ моря подымается,
Не бѣлы снѣжки въ полѣ забѣлѣлись —

забѣлѣлась буйная головушка Ильи, затуманился его добрый конь, запылится сила добрая и сталъ онъ у рубежа, „его же не преидеши“.

РазъѢзжая въ своей службѣ землѣ русской по чисту полю, пріѣхалъ наконецъ Илья къ перекрестку и увидѣлъ „горючъ камень“, а на немъ надпись:

Во дорожку ту ѣхать — богату быть,
Во другую ѣхать — женату быть,
А во третью ѣхать — убиту быть.

И задумался: куда ѣхать? Гдѣ богату быть? Но ему, который весь свой вѣкъ безкорыстно служа всѣмъ и каждому, остался

на свѣтѣ одинокимъ, зачѣмъ было подѣ старость богатство? Гдѣ женату быть? Но послѣ безустаннаго подвига цѣлой жизни, пристало ли, чувствуя въ себѣ еще силы, „на печи лежать, киселемъ жену кормить“? И поѣхалъ Илья туда, гдѣ убиту быть да замучену, съ душой тѣлу быть разлучену.

Не проѣхалъ онъ и трехъ „поприщъ“, какъ окружили его разбойники — „сорокъ ихъ было тысячей“. Но смерть старику на бою не была написана. Не убивая никого, напугалъ онъ своей силою разбойниковъ такъ, что они разбѣжались всѣ врозь. Предлагали они ему денегъ, платье цвѣтное, добрыхъ коней, но только усмѣхнулся старикъ:

Кабы братъ вашу золоту казну,
За мной рыли бы ямы глубокия,
Кабы братъ мнѣ ваше платье цвѣтное,
За мной были бы горы высокия;
Кабы братъ мнѣ вашихъ добрыхъ коней,
За мной гнали бы табуны великіе.

Предлагали атаманство, но и отъ этого онъ отказался и, отпустивъ разбойника, вернулся назадъ „къ горячему камешку, подпись старую на немъ захеривалъ, подпись новую подписывалъ“:

А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздить — убить не бывалъ.

Подумалъ потомъ и поѣхалъ въ дорогу, гдѣ женату быть. Отѣхавъ вновь за три поприща, увидѣлъ онъ терема златоверхіе. Выбѣжали двѣнадцать красныхъ дѣвушекъ, а посреди нихъ „королевна-душечка“. Брала она старого за ручки бѣлыя,

Цѣловала во уста сахарныя,
Садила за дубовый столъ,
Стлала скатерти бранныя, шелковыя,
Принесила напитокъ медовые
И поила-кормила добра-молодца,
Добру-молодцу низко кланялась,

а потомъ повела въ „ложни теплыя“ отдыхать. Но не поддавался и здѣсь Илья ни прелести женской, ни брагѣ хмель-

ной, ни удобствамъ „ложней-теплыхъ“, сразу увидѣлъ, что „кроватька подложная“ и, какъ „шибанулъ“ королеву ко стѣнкѣ, „отвернулась кровать подложная, увалилась королева во глубокъ погребъ“. Освободивъ затѣмъ изъ погребѣ сорокъ царей-царевичей, сорокъ королевъ-королевичей, сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей, что до него попали въ сѣти королевичны, вернулся онъ снова назадъ къ камню, „подпись старую захеривалъ, подпись новую подписывалъ“:

А и ложно была подпись подписана:

Во дороженьку ѣздить—убить не бывалъ,

Во другую ѣздить—женать не бывалъ.

И поѣхалъ туда, гдѣ богату быть. Здѣсь черезъ три поприща увидѣлъ онъ камень, а подъ нимъ, судя по надписи, было „богачество несмѣтное“. Отвалилъ Илья могучимъ плечомъ камень, и отворился ему глубокий погребъ, до верху насыпанный златомъ-серебромъ, скатнымъ жемчугомъ. Бралъ тутъ старый „мису чиста серебра, бралъ другую красна золота, бралъ и третью скатна жемчуга“ и повернулъ „во славный во Кіевъ градъ“

И воздвигнулъ три церкви соборныя:

Перву церковь—Спасу Пречистому,

Другу церковь—Николѣ Можайскому,

Третью церковь—Георгію Храброму,

Заводилъ тутъ пѣнье церковное,

Устанавливалъ звоны колокольные:

«Чье имѣнье, за того пускай идетъ!»

Остальное злато-серебро, скачѣнъ жемчугъ

Раздавалъ по нищей по братіи,

Раздавалъ по сиротамъ безпріютнымъ.

и, вернувшись потомъ къ горячему камешку, окончательно подпись старую захеривалъ, новую подписывалъ:

А и ложно была подпись подписана:

Во дороженьку ѣздить—убить не бывалъ,

Во другую ѣздить—женать не бывалъ,

И во третью ѣздить—богать не бывалъ.

А затѣмъ какъ пріѣхалъ онъ опять въ Кіевъ ко пещерамъ тѣмъ ко кіевскимъ,

Прилетала сила невидимая,
И взимали стараго съ добра коня,
Заносили во пещеры во кievски;
Тутъ ли старый и опочивъ держалъ,
Тутъ матеръ челоувѣкъ и окаментѣлъ
И повинѣ его мощи нетлѣнныя.

И до сихъ поръ въ кievопечерскомъ монастырѣ въ пещерѣ преподобнаго Антонія, называемой ближней, указываютъ мощи Ильи Муромца. Нашъ ли это Илья, или другой, не важно. Важно, что народная мысль надѣлила своего любимца высшимъ совершенствомъ, которое только доступно челоувѣку, по понятіямъ народа,—озареніемъ святости. Илья—это идеальный челоувѣкъ, какимъ представляетъ его себѣ нашъ народъ.

По какимъ же ступенямъ восходить челоувѣкъ къ высшему совершенству? Первая и главная, основа всего, это самоотреченіе. Не довольно ограничить себя. Мало даже пожертвовать собой. Надо вовсе забыть о себѣ, служа правдѣ и общему дѣлу. Вся жизнь Ильи—образецъ такого самозабвенія, но лучи ея, какъ въ фокусѣ, сходятся въ послѣдней былинѣ о его трехъ поѣздочкахъ. Такъ на лицѣ челоувѣка передъ смертью, какъ на мореплавательной картѣ, обозначается весь путь пройденной имъ жизни. Минуемъ низшія ступени челоувѣческаго себялюбія. Передъ Ильею безсильны были лукавая женская прелесть и сѣти чувственныхъ наслажденій—грѣхъ плоти. Не имѣли надъ нимъ власти и „теплыя ложни“ житейскихъ удобствъ и матеріальнаго комфорта. Но и болѣе тонкій грѣхъ—грѣхъ ума—не замутилъ его души. Давно въ немъ было замѣчено отсутствіе всякаго самомнѣнія, тщеславія и похвальбы даже тѣмъ, чѣмъ гордиться можно. Онъ совершаетъ подвиги, какъ мы самое обыкновенное дѣло, не превозносясь, не ища для себя признанія заслугъ, безъ всякихъ притязаній на какое бы то ни было значеніе. Чуждъ ему совершенно и третій грѣхъ людской—грѣхъ себялюбивой воли, соблазнъ власти, къ которой такъ часто зоветъ насъ лукавый духъ самолюбія,

прикрываясь соображеніями общей пользы, а на самомъ дѣлѣ только льстя нашему я! Илья вычеркнулъ изъ своей жизни это мѣстоименіе. Онъ упорно отказывается и отъ воеводства надъ Черниговомъ и отъ атаманства подъ разбойниками. Чистый сердцемъ, правый въ помыслахъ, самоотверженный на дѣлѣ, неодолимо мощный физически, Илья дѣйствительно „представляетъ постоянно и вездѣ полное и великое сочетаніе силы духовной и тѣлесной“ (слова К. Аксакова), при чемъ силы духа въ немъ еще больше, чѣмъ силы физической, и первая управляетъ послѣдней.

Но и сила духа, какъ всякая сила, есть только орудіе или средство въ рукахъ человѣка: величиною ея еще не опредѣляется достоинство созданнаго ею дѣла, и, хотя Некрасовъ и говоритъ, что „сила съ неправдою не уживается, жертва неправдою не вызывается“, но жертвовать собою можно и для дурного дѣла. У Ильи этого нѣтъ. На основѣ самоотреченія у него построено зданіе добра, высится подвижъ истинно доблестной жизни, полного осуществленія двухъ поставленныхъ Богомъ человѣку завѣтовъ—служенія Высшей Правдѣ и людямъ. И передъ лицомъ смерти Илья остается себѣ вѣренъ. Ставъ неожиданно обладателемъ неслѣтнаго богатства, онъ одну его половину отдаетъ Богу, строить церкви соборныя, а другую раздаетъ нищей братіи, „сиротамъ безпріютнымъ“, до конца не измѣняя старымъ завѣтамъ отца—послужить князю Владимиру, постоять за вѣру христіанскую. Кругъ его жизни замыкается, а забвеніе личнаго счастья достигаетъ высшей степени. Строя церкви на богатство невѣдомо чье, онъ думаетъ не о себѣ, не о спасеніи собственной души, не о загробной выгодѣ:

Чье имѣнье, за того пускай идетъ!

И даже не подумаетъ—замѣчаетъ Орестъ Миллеръ,—чтобы эти невѣдомые люди помолились объ его душѣ. Мысль о себѣ далека отъ него, гдѣ-то за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ! Выгодное для него безъ остатка уклады-

вается въ должное, ибо и на самомъ дѣлѣ противорѣчіе между долгомъ и пользою всегда только мнимое. „Кто погубить душу свою ради Меня, тотъ сбережетъ ее, а кто будетъ беречь ее, тотъ погубить ее“. Сѣмя не оживетъ, если не умретъ. Илья умеръ, но онъ живъ и вѣчно будетъ жить въ памяти народной, какъ идеальный образъ силы непобѣдимой и благой, какъ отблескъ высокой душевной красоты русской и — всечеловѣческой. Всечеловѣческой потому что цвѣтъ народной жизни, подымаясь въ высь, переходитъ наконецъ въ область сверхнароднаго и становится достояніемъ — человѣчества. Таковъ нашъ Илья.

* * *

Когда, выѣзжая на свой жизненный подвигъ изъ села Карачарова, Илья сдѣлалъ на конѣ свой „первый ускоръ“ въ полпути отъ Муромъ, изъ-подъ конскихъ копытъ ударилъ ключъ живой. У ключа Илья срубилъ тутъ же дубъ и поставилъ изъ него „часовенку“:

О сю пору лется родничокъ живой,
О сю пору же стоитъ надъ нимъ часовенка;
А въ ночи къ ключу студеному
Ходитъ звѣрь-медвѣдь воды испить,
Понабраться силы богатырскія.

И теперь еще на полпути отъ села Карачарова до Муромъ показываютъ часовню, сооруженную во имя пророка Ильи. Но Ильѣ воздвигнуть народомъ нашимъ и другой, болѣе прочный памятникъ, это — былины. Пусть же къ этой народной святынь, къ этому живому роднику приходятъ наши юноши — понабраться тамъ силы богатырства духовнаго. Пусть, вступая въ жизнь трудную, запасутся они здѣсь мыслями высокими, проникнутся чувствами благородными, укрѣпятъ въ себѣ волю твердую для смѣлаго, открытаго и честнаго служенія родинѣ и правдѣ. За кѣмъ есть такія преданія, у кого есть сердце въ груди и воля къ труду, за тѣмъ будетъ и побѣда.

IX.

Теперь, когда прошли передъ нами одинъ за другимъ всѣ подвиги Ильи, умѣстно будетъ ввести его въ кругъ иноземныхъ витязей и посмотрѣть, чѣмъ онъ отъ нихъ отличается. Илья—одинъ изъ героевъ европейскаго средне-вѣковья. Закованные въ желѣзную броню французскіе, нѣмецкіе и англійскіе рыцари, о чьихъ подвигахъ поется въ многочисленныхъ *Chansons de geste*, его родные братья. „Рыцарь! мсти за несправедливость и утверждай добрый порядокъ. Будь защитникомъ и мужественнымъ борцомъ за церкви, за вдовъ и сиротъ!“ Такъ говорилъ архіепископъ, посвящая средне-вѣковыхъ витязей въ рыцари. Но не такъ же-ли точно благословлялъ сына на добрыя дѣла. и старый крестьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ? Западно-европейскія преданія записали цѣлый рядъ доблестныхъ подвиговъ на пользу вѣры христіанской, въ защиту обиженныхъ. Среди нихъ подвиги Ильи не представляютъ сами по себѣ ничего исключительнаго. Но въ безконечной вереницѣ людей, которые каждый годъ одинъ за другимъ тянутся по галлереемъ Западной Европы, одѣтые въ одно и то же безнародное общеевропейское платье и продѣлывая одну и ту же исторію осмотра картинъ и статуй, и самый неопытный глазъ безошибочно отличить русскаго. Всякій алмазъ свѣтитъ подъ дѣйствіемъ свѣтовыхъ лучей, но игра свѣта въ каждомъ различная. Есть и у русскаго алмаза свои грани.

Разница здѣсь кажется, прежде всего въ побужденіяхъ. Въ основѣ рыцарства лежитъ чувство личной удали. Отважный, смѣлый и независимый воинъ, рыцарь жить не можетъ безъ шума сраженій, въ самую середину кровавой сѣчи влетаетъ онъ на своемъ конѣ, рубя наотмашъ и направо и налево, потому что въ награду ждетъ его громкая слава и привѣтливый взоръ его красавицы, а когда не съ

къмъ драться, онъ безъ всякой нужды самъ для себя устраиваетъ турниры, рискуя жизнью, чтобы потѣшить самолюбіе и дать волю жаждѣ молодечества. Есть у него и другого рода побужденіе исполнять полученный при посвященіи завѣтъ—рыцарская честь, личная и сословная. Но ни праздной удали ради удали не знаетъ Илья ни чести рыцарской, да и откуда ей было взяться, когда самое слово „благородный“, какъ связанное съ происхожденіемъ исключительное достояніе опредѣленного сословія, родилось у насъ всего какихъ-нибудь 100 лѣтъ съ небольшимъ вмѣстѣ съ екатерининской жалованной грамотой дворянству, а понятіе, имъ обозначаемое, немногимъ раньше. Недаромъ сословное благородство въ знакъ своего иноземнаго происхожденія слыло у насъ долго подъ именемъ шляхетства. Не честь сословная, которую народъ нашъ иронически окрестилъ названіемъ гонора, а служба народу, сознаніе долга передъ нимъ было основнымъ побужденіемъ дѣйствій Ильи, и на этой службѣ, какъ ковыль-трава, „проштался“ онъ весь вѣкъ. Случалось, и въ Ильѣ заговаривало личное чувство, когда, напримѣръ, оскорбленный Владимиромъ, созвалъ онъ къ себѣ на пиръ голей кабацкихъ и перепугалъ весь княжескій дворъ, но это рѣдкость. Вообще говоря, Илья человѣкъ міра, общины, земли: личное въ немъ ступенчается передъ общимъ.

Есть и еще различіе. Нравственный идеалъ долженъ быть одинаковымъ для всѣхъ, широкимъ и всеобъемлющимъ. Между тѣмъ какъ ни много было въ рыцарствѣ доблести, все это ограничивалось очень узкимъ кругомъ: честь и благородство, будучи нравственной привилегіей рыцарства, обязывало только по отношенію къ рыцарю. Жалкіе вилланы, крестьяне, что копошились подъ стѣнами замка, и за людей не считались. Рыцарскіе замки—это по большей части разбойничьи гнѣзда. Поѣзжайте въ верхнюю Угрію къ словакамъ, пройдитесь по развалинамъ Тренчина Ликавы, Старога Града и другихъ замковъ, вамъ въ каждомъ покажутъ тамъ высокую башню, гдѣ въ верхнихъ

этажахъ шли вѣчные пиры и гулянье, а въ подпольѣ томились въ цѣпяхъ узники, вамъ расскажутъ цѣлыя легенды о томъ, какъ давилъ и тѣснилъ рыцарь-тиранъ окрестный людъ, иногда буквально высасывая изъ него жизненные соки, какъ Елизавета Баторій, которая въ Чахтицѣ, чтобы сохранить свою старѣющую красоту, мучила деревенскихъ дѣвушекъ, переливая къ себѣ въ жилы ихъ молодую дѣвичью кровь. Между народомъ и рыцарями лежала пропасть разверстая, куда глубже того наполненнаго водою вала, что отдѣлялъ стѣны замка отъ прочаго міра. Но этой пропасти не было у насъ почти до самой Екатерины II-ой, да и позднѣе она не достигла такой глубины и не таковъ былъ нашъ богатырь справедливый,

Кто одинъ не кичился могучею силою своею,

И, на подвиги вскормленный скудною нивою,

Былъ за тѣхъ, чья судьба—ждать и ждать хлѣбоносныхъ стеблей ¹⁾.

Самъ муромскій крестьянинъ, Илья „братцами“ считалъ даже и тѣхъ Семку и Спирьку, что напали на него подъ дубомъ кряковистымъ, и близко ему было сѣрое русское крестьянство. Мужичья, деревенская была искони Русь, мужичкой и осталась, несмотря на всѣ старанія привить ей западно-европейскія понятія о чести. Мужичкѣй у насъ и богатырь, тихій и спокойный, какъ тиха переливно волнуемая нива надъ родною Окою, и съ сочувствіями, далеко выходящими за предѣлы рыцарскихъ замковъ и княжескихъ палатъ. Стасовъ нашелъ въ индійской Мангавазѣ какихъ-то десять богатырей, которыхъ отцы, „часто придворные или вельможи“, занимались сельскими работами, и на этомъ основаніи объявилъ было крестьянство Ильи не характернымъ для русскаго богатыря. Но если-бы даже нашелся богатырь и съ настоящимъ крестьянскимъ происхожденіемъ, совсѣмъ не въ этомъ дѣло: Илья въ теченіе всей своей жизни

¹⁾ Стихи К. Д. Бальмонта.

остался, какъ былъ, крестьяниномъ по строю чувствъ. Богатырь Владимира, онъ со всякою „голю“ чувствовалъ себя, какъ свой. И даже демократомъ его какъ-то неловко называть. Демократизмъ предполагаетъ точку зрѣнія на народъ извнѣ. Илья же могъ всегда сказать о себѣ: я самъ народъ. Въ этомъ его особенность.

Съ нею связана другая. Крестьянину гдѣ же думать объ утонченности въ обращеніи, о той *courtoisie*, которая наравнѣ со щедростью, милосердіемъ, разумностью, строгимъ повиновеніемъ сеньеру и другими добродѣтелями входила въ 10 заповѣдей рыцарства? Нельзя даже представить себѣ, чтобы нашъ степенный „исполиньскій смиренникъ лѣсовъ“ бросился въ воду за цвѣткомъ, оброненнымъ какой-нибудь изящною дамой. Въ немъ нѣтъ и тѣни западно-европейскаго рыцарскаго лоска, изящества манеръ, любезности и даже того „вѣжества“, которымъ больше другихъ русскихъ богатырей походить, пожалуй, на западно-европейскаго рыцаря Добрыня. Грубоватъ Илья и прямодушенъ, хотя, можетъ быть, подъ этой грубостью таится внутренняя деликатность, которая, нерѣдко не уживаясь подъ стальной кольчугой рыцаря, встрѣчается часто подъ зипуномъ и грубой холстинной рубашкой. Въ этомъ отношеніи онъ тоже *русскій* богатырь. У насъ удивительно мало всего показного, и, хотя мы кричимъ иногда, что шапками всѣхъ закидаемъ, но въ сущности мы не только пыли не умѣемъ пустить въ глаза, но и свой хорошій товаръ не способны показать лицомъ. Мы слишкомъ мало цѣнимъ внѣшность и питаемъ родъ отвращенія къ формѣ. Это проникло во всѣ и самыя мелкія особенности быта. Взгляните на движущуюся въ Варшавѣ толпу: идетъ маленькій гимназистъ, онъ въ перчаткахъ, въ петличкѣ цвѣтокъ, бѣленькій воротничокъ красиво отгѣняется синевою ловко сшитаго мундира. А нашъ гимназистъ гдѣ-нибудь въ Псковѣ или Саратовѣ съ помятой фуражкой, въ шинели, кое-какъ наброшенной въ накидку, съ развалистой походкой, шлепаетъ по грязи от-

стающими отъ сапогъ калошами и кажется, что и сами расплывчато-мягкія черты лица его какъ будто лишены опредѣленности. Въ этомъ пренебреженіи ко внѣшности есть много отрицательныхъ сторонъ. Не отсюда-ли грязь и нечистота нашихъ городовъ? Не оттого-ли такъ мало дисциплинированности въ обществѣ? Не потому-ли у большинства нашихъ писателей, при всей глубинѣ ихъ мысли, нѣтъ строго-законченнаго, изящно-отдѣланнаго, звенящаго и звонкаго, какъ у французовъ, стиля? Вспомните Толстого, Гоголя: вѣдь ихъ сочиненія любой учитель словесности за неправильности въ языкѣ и выраженіи съ полнымъ правомъ могъ бы исчеркать красными чернилами. И самъ нашъ Пушкинъ, этотъ классическій мастеръ формы, сознался:

Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я рѣчи русской не люблю.

Но съ другой стороны въ этой незаконченности открываются дали, чувствуется пресловутая широта русскаго размаха. Мы не знаемъ „узкаго“:

Звения разбиваются цѣпи,
Шумить зеленѣя дубрава,
Славянскія души, какъ степи.
Славяне! вамъ свѣтлая слава!

Неоглядна русская равнина. Нѣтъ на ней преградъ въ даль устремленному взгляду, и широтою степныхъ безпредѣльных стремленій вѣетъ отъ могучей, вольнымъ вѣтромъ обвѣянной фигуры Муромца. Русскій идеаль—всечеловѣчскій, говорилъ Достоевскій. Мечта это? Пусть и такъ. Что же? если, несмотря на всю грубость и некультурность русской жизни, несмотря на русскій сонъ и русскую косность, мы все же вѣримъ въ широкія задачи, намъ предстоящія, то вѣдь и мы дѣти русскаго народа. Но и хорошая мечта кое-чего стоитъ, не говоря уже о томъ, что, какъ всякая мечта, она основывается на жаднѣ иного

новаго свѣта и въ этомъ смыслѣ коренится въ дѣйствительности. Помните рассказъ Толстого, какъ потомокъ западно-европейскихъ рыцарей, Поль Дерулэдъ, пріѣхалъ въ Ясную Поляну убѣждать русскаго мужика въ необходимости съ двухъ сторонъ нажать на нѣмца, чтобы хорошенько его притиснуть, и никакъ не могъ втолковать своихъ плановъ въ мужицкую голову: „Зачѣмъ нажимать! Надо такъ жить, чтобы всѣмъ привольно было. У Бога простора много“. И развѣ не говорилъ въ это время словами тульского крестьянина нашъ муромскій селянинъ Илья, который отпускалъ „на сѣмена“ татарскихъ царевичей и жалѣлъ, по завѣту отца, „басурманина“? Здѣсь свѣтлый просторъ нашихъ кругозоровъ, здѣсь глубокой и заманчивой шумъ нашего бора. Съ этой ширью взглядовъ рука объ руку идетъ свобода ума и поступковъ. И страшна въ своей свободѣ русская сила, какъ грозенъ былъ Илья, когда, оскорбленный въ княжеской грядницѣ, устроилъ онъ разливанное море разгула для „голи кабацкой“. Но въ немъ жила всегда нравственная сдержка и потому сила его не въ отрицаніе шла, а въ непрерывную созидательную работу. И пока живетъ въ душѣ русскаго народа эта высшая сдержка — завѣтъ Божій — мы можемъ смѣло глядѣть впередъ, вѣря въ творческую народную силу.

„Есть среди пѣсенъ объ Ильѣ такія, которыя превышаютъ всякую оцѣнку“, пишетъ польскій ученый, профессоръ Берлинскаго университета Брикнеръ. И затѣмъ, какъ-бы оправдывая нашу попытку указать на особенности Ильи, какъ русскаго богатыря, онъ добавляетъ: „Этотъ человѣкъ, альтруистъ и демократъ, воплощаетъ въ себѣ русскіе идеалы, которые, будучи совершенно противоположны греческимъ и германскимъ, для насъ безконечно сочувственнѣе и человѣчнѣе“. Для насъ же русскихъ, Ильѣ съ широтою его замысловъ и сочувствій, съ его жалостью къ угнетеннымъ и тихою и строгою службой долгу нѣчто гораздо большее: онъ живое оправданіе нашей вѣры въ свѣтлую будущность.

русского народа, которому предстоит теперь только осуществить въ действительности идеалы, давно уже бессознательно воплощенные имъ въ художественномъ образѣ Ильи.

X.

Илья Муромецъ — общерусскій народный герой, но его имя и подвиги по преимуществу связаны со стольнымъ городомъ Кіевомъ и съ княземъ Владимиромъ. Между тѣмъ на общерусской канвѣ исторія вырисовывала различные узоры и разнообразіемъ отличался укладъ старо-русской жизни, находя для себя и въ народной словесности своеобразныя отраженія. Рядомъ съ кругомъ былинъ кіевскихъ выдѣлился особый кругъ былинъ новгородскихъ.

Расположенный на дальней сѣверной окраинѣ за дремучими лѣсами, за непроходимыми болотами, передъ которыми остановилась позднѣе даже стихійная волна татарскаго нашествія, Новгородъ, не прерывая связи съ общерусской жизнью, и по своему географическому положенію, и по сосѣднимъ торговымъ связямъ, и по особенностямъ государственнаго уклада издавна принялъ свой особый обликъ. Всѣ составные элементы древнерусской жизни сохранились и здѣсь, но ихъ взаимоотношеніе измѣнилось.

Въ Кіевѣ, гдѣ когда-то солнцемъ свѣтилъ князь Владимиръ стольнокіевскій, притягивая къ себѣ всѣ живыя силы земли, князь и позднѣе сохранилъ за собой значеніе главной политической силы. Въ Новгородѣ онъ игралъ второстепенную роль. Крепко держась за свою гражданскую и государственную свободу, новгородцы были „вольны въ князьяхъ“ и, когда имъ посылали на княженіе князя не по ихъ желанію, они прямо заявляли: „не ходи къ намъ, воротись и сиди въ своемъ удѣлѣ“, какъ сказали въ 1102 году Святополку: „не хотимъ твоего сына; — если у него двѣ головы, то посылай его къ намъ“. Кто имъ былъ по сердцу, того пригла-

шали сами: „Поиди, княже, на столъ“. А чѣмъ-нибудь не угодилъ имъ избранникъ, и снова народная толпа наполняла Ярославовъ дворъ и смущенный князь слышалъ новое постановленіе народа: „кланяемся тебѣ; иди, куда хочешь; мы себѣ поищемъ другого князя“. Только при звукѣ боевой трубы, когда надъ собравшейся въ походъ новгородскою ратью развѣвались колеблемыя вѣтромъ хоругви св. Софіи, князь былъ впереди и передъ нимъ склонялась воля ратныхъ людей. Въ остальное время не онъ и даже не другія должностныя лица, не посадники и тысяцкіе, не бояре и не „вѣщшіе люди“ вообще правили землей—плохо бы имъ пришлось, если бы вздумали они „вздорить-спорить съ мужиками съ новгородскими, поперекъ имъ слово говаривать“;—правиль всѣмъ народъ, община, міръ—самъ Господинъ Великій Новгородъ и его „бурное новгородское вѣче“.

Бурное. Дѣйствительно, когда, бывало, поднявшись по ступенямъ вѣчевой башни, зазвонятъ въ вѣчевой колоколь и понесется надъ городомъ гулкой звукъ мѣди, созывая народъ на совѣщаніе,—валить со всѣхъ концовъ толпа на площадь, и галдитъ, и шумитъ, и уже не только изъ столкновенія мнѣній выбивается, какъ изъ кремня, истина народной воли, но нерѣдко и изъ прямого столкновенія рукъ и ногъ въ разъяренной рукопашной схваткѣ. А не то рядомъ съ вѣчемъ на Ярославовомъ дворѣ соберется другое на Софійской сторонѣ и пойдутъ обѣ враждебныя стороны другъ противъ друга и схватятся въ бой на мосту черезъ Волховъ. Надъ городомъ гудятъ тревогу колокола, а на мосту—читаемъ въ лѣтописи— „овы отъ стрѣль, овы отъ оружія бѣша мертви, аки на рати, и отъ грозы тоя страшныя и отъ възмущенія того великаго вѣстрясеся весь градъ“, пока наконецъ въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи священнослужителей, съ крестами, хоругвями и образомъ Богоматери не являлся митрополитъ и крестнымъ знаменемъ не водворялъ спокойствія. Иногда и безъ общаго дѣла, „изъ-за какой-нибудь малой вещи, по свидѣтельству митро-

полита Іоны, зачинался въ Новгородѣ „гнѣвъ, и ярость, и свары, и лжесловія, и многонародное сборище, и, угождая врагу діаволу, сбродни, пьянчивые и кровопролитные люди замыслили бои и кровопролитія и губили христіанскія души“. Часто бывало, что знатные новгородцы для борьбы держали при себѣ даже особую „дружину хоробрую“, собирали холоповъ, а то и нанимали „збоевъ“, охочихъ „пить и ѣсть изъ готоваго“.

При господствѣ общинной жизни развивалось равномерно и начало личное. Росло и въ худую и въ хорошую сторону. Разудалые новгородскіе молодцы больше напоминали западно-европейскихъ рыцарей, чѣмъ Илья. Давая полную волю своему произволу, ради потѣхи молодецкой, а то и изъ корыстнаго расчета, они готовы были нерѣдко безъ зазрѣнія совѣсти посягнуть не только на чужое имущество, но и на чужую жизнь. Но за то въ нихъ крѣпла и росла энергія, сила личного почина и предпріимчивости, кипѣла и бурлила, какъ молодое пиво, „жажда жизни, простора, приволья, чтобы было гдѣ ногамъ расходиться и рукамъ размахнуться“. Сперва подъ водительствомъ самого Великаго Новгорода, а потомъ и на свой собственный страхъ, на своихъ легкихъ ушкуняхъ—особаго рода лодки—цѣлыя ватаги новгородской вольницы „сѣрымъ селезнемъ, ярымъ гоголемъ“ ходили и по Двинѣ, и на Печору, и по Волгѣ до самой Астрахани, грабили, правда, „купцовъ-бесерменъ“, случалось, не добромъ давали себя знать и русскимъ селамъ и городамъ, но, смѣлые и отважные, они же первые прорубили дорогу и въ дебри зырянскихъ лѣсовъ, основали Вятку и тамъ, гдѣ прежде рыскалъ только звѣрь, заводили торговля факторіи, пролагая путь и на востокъ славянорусской колонизаціи, а вмѣстѣ съ нею—какъ никакъ—и просвѣщенію. Жизнь была пестрая, шумливая, разнообразная, раздолье для личной удали!

И вся эта полная яркаго движенія и красокъ картина вольной общинной жизни, новгородскаго буйства и смѣлыхъ

набѣговъ отпечатлѣлась въ народной поэзіи въ былинахъ о Васи́лѣи Буслаевѣ и о Садкѣ богатомъ гостѣ, отпечатлѣлась до того живо и ясно, что позднѣйшимъ историкамъ послѣ длиннаго ряда ученыхъ изысканій въ концѣ концовъ пришлось только склониться передъ мастерствомъ художника-народа и признать истину его повѣствованія. „Ничто такъ хорошо не изображаетъ новгородскихъ нравовъ и явленій древней общественной жизни, какъ превосходная пѣсня о Васкѣ Буслаевѣ“. Это слова Костомарова. Ихъ скрѣпили С. М. Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ. Ждановъ, посвятившій литературной исторіи быliny цѣлое изслѣдованіе, нашелъ въ ней много любопытныхъ параллелей съ западно-европейскими сказаніями о Робертѣ-Дьяволѣ, но и онъ не могъ отрицать своеобразнаго народнаго творчества на заимствованной, по его мнѣнію, основѣ. Напротивъ, цѣлымъ рядомъ выписокъ изъ лѣтописей и другихъ историческихъ свидѣтельствъ онъ еще болѣе подкрѣпилъ мнѣніе Костомарова и другихъ историковъ.

О Васкѣ существуетъ двѣ быliny, но вторая является естественнымъ продолженіемъ первой и разсматривать ихъ слѣдуетъ вмѣстѣ.

Образецъ новгородскаго удальца, Васи́лій Буслаевъ былъ сынъ богатаго боярина, а можетъ быть и посадника Буслая (Богуслава, Буеслава), который, проживъ весь свой долгій вѣкъ въ ладу съ „мужиками новгородскими“, сумѣлъ такимъ образомъ сохранить для сына неприкосновеннымъ все свое „имѣніе-богачество“. Смышленъ и остеръ былъ Васька, какъ и подобало разбитному новгородцу. „Чадомое, дитя любимое“, обученъ онъ былъ и грамотѣ и перомъ писать, а что до пѣнія церковнаго, этой высшей ступени тогдашней образованности, то въ цѣломъ славномъ Новѣгородѣ не было пѣвцовъ супротивъ Васи́лія Буслаева. Но не было и такихъ задорныхъ забіякъ-своевольниковъ! Во весь размахъ широкой русской природы расходилась уже съ ранней юности Васькина удалъ молодецкая. Едва выросъ

онъ и пошелъ по городу, какъ уже сталъ съ ребятами побалывать,

Сталъ шутить онъ пошучивать,
Шутить-то шуточки недобрыя,
Котораго дернетъ за руку, рука прочь,
Котораго за ногу, нога прочь,
Двухъ-трехъ вмѣстѣ столкнетъ, безъ души лежатъ.

Отъ этихъ „шутокъ“ сталъ порѣже самъ Великій Новгородъ. Взмолились мужики новгородскіе матери Василя, „матерой вдовѣ“ Мамелѣ Тимоѳеевнѣ, просили ее усмирить сына, а не то грозили унять его всѣмъ Новгородомъ, сбросить Ваську прямо въ Волховъ; мать начала его журить-бранить. Угрозы новгородцевъ подѣйствовали, да не въ ихъ пользу. До сихъ поръ Васька буйствовалъ одинъ или съ случайными товарищами. Теперь сталъ онъ собирать себѣ „братцевъ названныхъ“, „дружинушку хоробую“.

Однихъ дружить книга, другихъ любовь, третьихъ служба общему дѣлу. Ваську съ его товарищами подружилъ червлёный вязъ да брага хмельная. Наварилъ онъ пива пьянаго, накурилъ зелена вина, поставилъ чанъ среди двора, опустил въ него чару въ полтора ведра и писать „ярлыки скорописчаты“, созывая съ себѣ на широкій дворъ да на почестенъ пиръ, а самъ съ „червлёнымъ вязомъ въ двѣнадцать пудъ“ встрѣчалъ гостей словами: „кто выпьетъ эту чару зелена вина, кто истерпитъ мой червлёный вязъ, тотъ мнѣ и будетъ милый другъ и названный братъ“. На даровое угощеніе охотниковъ много. И старые и малые всѣ повалили къ Василю на широкій дворъ, но, какъ услышали хозійскій привѣтъ, стали пятиться назадъ, „тулиться“ одинъ за другого. Но Новгородъ не былъ бы Новгородомъ, если бы не нашлось въ немъ друзей по сердцу Василя. Первый прибѣжалъ Костя Новоторженинъ. Размахнулъ въ чану зелено вино, зачерпнулъ въ чару полтора ведра и выпилъ единымъ духомъ. Зачерпнулъ еще—выпилъ вновь и хотѣлъ уже выпить чашу третью, какъ подскочилъ къ нему Василій, сталъ его „опробовать“ червлёнымъ вязомъ въ буйну голову:

Стоять тутъ Костя не шевельнется
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.

Еще радъ молодецъ, что „взвеселилъ“ ему Васька буйну голову, и просить еще опохмелиться. Бралъ его тогда Васька за руки, цѣловалъ въ уста и обнялъ, какъ брата названаго. Прибѣжалъ потомъ Потаня Хроменькій. Его опробовалъ Василій вязомъ по ногамъ, но и этотъ устоялъ, не шелохнулся. Прибравъ себѣ такимъ своеобразнымъ способомъ дружину—тридцать молодцевъ безъ единого,—Василій очутился во главѣ цѣлой ватаги новгородской вольницы, одной изъ тѣхъ ватагъ, которыя, по словамъ историка, „при случаѣ дѣлались матеріальною силою партій и заговоровъ подъ покровительствомъ сильныхъ и богатыхъ, отваживались чинить смуты, на разбой ходили, городъ поджигали... ребята неразумные, безумицы, не помышляли о будущемъ, пускались на отважное дѣло, хотя успѣха впереди не видѣли; люди веселые—не разсуждали, что за весельемъ часто горе бываетъ; люди добрые для тѣхъ, съ кѣмъ въ дружбѣ, грудью за нихъ стануть; люди буйные, разудалые—и святыня храма ихъ не удержитъ; въ церковный подвалъ залѣзутъ, сторожа церковнаго убьютъ“¹⁾. Прежде на Новгородъ мало оглядывался Василій, а теперь и совсѣмъ ему новгородцы стали нипочемъ. Ходитъ онъ себѣ съ товарищами, кудрями потряхивая, на новгородцевъ свысока посматривая, а они только искоса на него мрачно глядятъ, чуютъ недоброе. И надвинулась на Новгородъ туча черная, вотъ-вотъ заблистають надъ Волховомъ молніи народной вспышки и разразится гроза.

Быль у новгородцевъ обычай праздновать престольный праздникъ общимъ пированіемъ. Каждый приносилъ свою „ссыпь“, и изъ общихъ приношеній выборный пировой староста устраивалъ угощеніе всѣмъ участникамъ „братчины“. Тутъ шелъ пиръ и веселье, а вмѣстѣ говорилось и о дѣ-

¹⁾ Костомаровъ.

лахъ—въ вольномъ городѣ вольныя собранія. И вотъ подымались мужики новгородскіе, накурили они зелена вина, наварили пива пьянаго и созвали на почестень пиръ весь Новгородъ,

А Василья Буслаевича и не позвали.

Но такому молодцу зова не надобно. Онъ пришелъ и безъ зова съ удалыми братанами, за себя и за нихъ заплатилъ, гостей пораздвинулъ, сѣлъ въ красный уголъ, сидитъ себѣ да попиваетъ. Косятся новгородцы: незваному де мѣста нѣтъ. „Богъ пошлетъ“,—говоритъ Василій въ отвѣтъ. „Глупые вы, неразумные, быть вамъ всѣмъ за мною, платить мнѣ дани“. Не утерпѣли тогда новгородцы. „Младъ еще ты, голубчикъ. Нѣтъ у Новгорода про тебя земли. Иди, куда хочешь, а не то выгонимъ“. Заиграла тутъ въ Василии хмелинушка, закипѣла кровь молодецкая и говоритъ онъ новгородцамъ: „Бьемтесь объ закладъ! Кто побѣдитъ, я ли съ дружиною Новгородъ, вы ли меня, тому и дани платить. Хорошо?“—„Идетъ!“ и написали записи идти на Волховъ на побоище на смертное. А на утро не полы воды вешнія разливались по лугамъ, не бѣлы лебеди подымались съ водъ, собирался на Волховъ мостъ супротивъ Василія цѣлый Новгородъ, и зачалась обычная новгородская потасовка—борьба молодыхъ людей съ вѣщими.

Трещить мостъ отъ свалки, валятся люди, вода Волхова смѣшалась съ алою кровью. Билась дружина Васильева и часть, и другой, и третій, но Василія съ ними не было: онъ высыпалъ свой хмель за дверьми желѣзными и замками крѣпкими въ погребахъ глубокихъ, куда увела его, хмельного, Мамелфа Тимоѣевна, узнавъ о предстоящемъ побоищѣ. И попятились безъ Василія его братья названные, но увидѣла это „дѣвушка-черनावушка служаночка“ и побѣжала разбудить богатыря. Василій, какъ услышалъ, что дѣется, чоботы на босу ногу надернулъ, шубу накинулъ на плечо, да какъ надасть плечомъ на дверь желѣзную—отлетѣли всѣ замки. Не

было у него палицы, схватилъ, что попало подъ руку, ось телѣжную и побѣжалъ на выручку. Заходила ось желѣзная по новгородскимъ головамъ.

Гдѣ махнетъ—тамъ будетъ улочка,
 Перемахнетъ—переулочекъ,
 И лежатъ-то мужики увалами,
 Увалами-лежатъ, перевалами.
 Набило мужиковъ, какъ погодою.

Оробѣли новгородцы. И вотъ въ былинѣ, какъ и въ жизни, въ самый разгаръ свалки появляется примирительная сила духовнаго посредничества. Странными красками разукрасила эту силу прихотливая народная фантазія, представивъ ее въ видѣ старчища Пилигримища. Ждановъ, стараясь приблизить нашу былинѣ къ сказаніямъ о Робертѣ-Дьяволѣ, хотѣлъ видѣть въ Пилигримищѣ простого учителя Василюва, но все въ этомъ образѣ носить своеобразный, близкій къ церковному колоритъ. Со странниками по святымъ мѣстамъ и теперь соединяется представленіе объ особомъ духовномъ подвижничествѣ, а прежде паломниками-пилигримами были почти исключительно монахи. Жило Пилигримище въ *монастырь* Кирилловскомъ и къ нему, какъ къ „*крестовому батюшкѣ*“ Василю обратились новгородцы за помощью. Навалилъ старчище Пилигримище на себя монастырскій мѣдный *колоколь*¹⁾, „не величекъ колоколь въ девяносто пудъ“ и пошелъ усовѣщевать крестника, колокольнымъ звономъ подпирается, а мостъ подъ нимъ подгибается. Но и на духовный авторитетъ церкви не посмотрѣлъ Василій, „играясь головами“: какъ ударилъ осищемъ желѣзнымъ по колоколу—только мѣдъ загудѣлая да потрескалась, и присѣлъ Пилигримище ко сырой землѣ, не подалъ и голоса. У соколиковъ у ясныхъ у Васильевыхъ точно крылья отросли, у молодчи-

¹⁾ Срезневскій думалъ, что это забытое названіе одежды: *klakol* — почешски пилигримскій или монашескій плащъ. Но ничто не мѣшаетъ остаться и при буквальному пониманію этой подробности. Во всякомъ случаѣ оба пониманія для характеристики Пилигримища почти однозначущи.

ковъ думы прибыло и, если бы не Мамелфа Тимофеевна, что удержала наконецъ сына, сжалившись надъ новгородцами, не избыть бы имъ смерти. Помирился Василій, и свалка кончилась. „Невольно—замѣчаетъ по этому поводу историкъ ¹⁾—приходить вопросъ: какія же побудительныя причины всей этой кутерьмы? Все здѣсь было плодомъ внезапныхъ увлеченій, порыва страстей; нѣтъ ничего разсчитаннаго. Да оно такъ и дѣлалось въ жизни вольнаго города. Здѣсь все было безпричинно, какъ и въ разсказахъ лѣтописи, гдѣ также не доберешься, изъ-за чего люди волнуются, за что князей выгоняютъ, другихъ приглашаютъ; сегодня одного возносятъ, завтра того же грабятъ, съ моста сбрасываютъ, потомъ опять честятъ. Точно такъ и въ нашей пѣснѣ все покажется непонятнымъ, если начнешь думать, что это совершалось по заданной мѣрѣ, сообразно принятымъ понятіямъ и убѣжденіямъ; но все станетъ понятно, если смотрѣть на эти событія, какъ на слѣдствіе движеній души, рождаемыхъ случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Планида набѣжала такая,—говорить и теперь нашъ народъ о событіи, котораго причинъ отыскать трудно, потому что нѣтъ другихъ, кромѣ влеченій нрава и сердца: человекъ не знаетъ самъ утромъ, что сдѣлаетъ вечеромъ“.

Подъ такую „планидою“ безшабашнаго разгула и своеволия, не признавая надъ собой никакой власти, даже и религіозной, провелъ Василій всю свою молодость. Червлёный вязъ да прихоть молодецкая—вотъ и весь былъ ему законъ:

А не вѣрую я, Васенька, ни въ сонъ ни въ чохъ,
А и вѣрую въ свой червлёный вязъ.

Но и богатырскія руки приуходятся. Сталь степеннѣе богатырь, и вторая былина уже называетъ его не Васькой, а Василіемъ. Въ лѣтописи подъ 1171 г. встрѣчается упоминаніе о посадникѣ Васи́лѣи Буслаевѣ. Можетъ быть, сталъ Василій

¹⁾ Костомаровъ.

и посадникомъ. Во всякомъ случаѣ заговорила наконецъ и въ немъ совѣсть, какъ бы смутное признаніе высшаго начала:

Смолоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти,
и, хотя не вѣрилъ онъ въ Бога, но по старому обычаю далъ „заповѣдь великую“—сѣздить

На тую на матушку Ердань рѣку,
Ко тому ко граду Ерусалиму
Господу Богу помолитися,
Ко Господнему гробу приложитися

Такъ грозный Іоаннъ, утомленный казнями, мечталъ о монашескомъ подвигѣ, такъ московскіе цари передъ смертью постригались въ монахи, думая, что одно уже внѣшнее принятіе чина ангельскаго загладитъ передъ Богомъ все ихъ грѣхи. Въ юномъ Василиѣ около матери увивается, проситъ дать ему благословеніе. И какъ старый хресъянинъ Иванъ Тимоѣевичъ Ильѣ, такъ теперь и Мамелфа Тимоѣевна даетъ Василию благословеніе, но съ оговоркою: на доброе дѣло, а не „на разбой“. Ильѣ однако, услышавъ отцовскія слова, поклонился ему до земли, а Василиѣ ни слова не сказалъ матери: видно, привычны были ему ея наставленія и какъ все, такъ и это пустилъ онъ мимо ушей, зная, что материно сердце доброе, скоро „распускается“. И дѣйствительно, Мамелфа Тимоѣевна отпустила сына, прося его только побережь свою „буйну голову“. Но надъ удалой и непокорной ни разуму ни долгу головой этой висѣлъ уже карающій мечъ смерти.

Скоро молодцы собираются
И съ матерой вдовой прощаются.
Походили они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные
И поѣхали ко граду Ерусалиму.

По дорогѣ у моря Каспійскаго набѣжали они на атамановъ разбойничьихъ,—какъ объясняетъ Костомаровъ, своихъ же новгородскихъ ушкуйниковъ, или, какъ думаетъ Ждановъ,

считающій это мѣсто былины позднѣйшей вставкой, казавъ, пришедшихъ на смѣну новгородскимъ повольникамъ. Казацкіе атаманы вздумали было ихъ встрѣтить, какъ всегда встрѣчали чужіе корабли, но увидѣли Василю съ его червленымъ вязомъ и—„испугались“. Видно, слава о немъ далеко пошла и за Новгородомъ: „по полеткѣ соколиной, по поступкѣ молодецкой“ сразу узнали разбойники, что передъ ними Василій Буслаевичъ, пригласили его „хлѣба-соли кушати“, сами поклонялись и дали ему провожатаго „до Ерусалима“

И вотъ пріѣхалъ Василій въ Іерусалимъ и началось „спасеніе души“. Заходилъ Василій въ церковь соборную,

Служилъ обѣдни во здравіе матушки
И за себя, Василю Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Что съ молодю бито много, граблено.
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И во Ерданѣ-рѣкѣ искупался,
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церквѣ живутъ,—
Давалъ золотой казны не считаючи.

Словомъ, все было сдѣлано, что предписываетъ обрядъ; всякая формальность соблюдена до мелочей, денегъ на обѣдни Василій не жалѣлъ, но въ этихъ обѣдняхъ и панихидахъ не было самаго главнаго,—всеоживляющаго духа вѣры, чистыхъ слезъ раскаянія, искренняго намѣренія начать новую лучшую жизнь. Кладлись до земли поклоны и сгибались колѣна, но безъ преклоненія сердца. Горѣли передъ образомъ свѣчи, возносился дымъ кадильный, но не было возношенія къ Богу души, сознавшей свое ничтожество передъ высшимъ началомъ жизни. Уста Василю шептали покаянную молитву, а самъ онъ готовъ былъ завтра же опять приняться за старые подвиги. Но Господь не внялъ такой молитвѣ.

Еще по пути въ Іерусалимъ на горѣ Ѡаворѣ, подбросивъ чоботомъ валявшуюся на дорогѣ мертвую голову, услышалъ отъ нея Василиій предсказаніе, что и его головушкѣ валяться на Ѡаворѣ-горѣ, а когда онъ купался во Ерданѣ-рѣкѣ, проходившая мимо старуха, увидавъ, что онъ, какъ Іисусъ Христосъ, вошелъ въ воду „нагимъ тѣломъ“, тогда какъ другіе купались въ рубашкахъ, сказала его товарищамъ, что потерять имъ скоро брата большаго, и, хоть не вѣрилъ Василиій ни во что, но зашемило его сердце тоскою и вздумалъ онъ поѣхать опять на Ѡаворѣ „мириться“ съ костью. Когда они приѣхали туда, на мѣстѣ, гдѣ лежала кость, очутился уже камень, а на немъ надпись:

А и кто де у камня станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавляться,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будетъ буйну голову.

Василиій, который всегда и во всемъ поступалъ наперекоръ всякимъ законамъ, угрозамъ и запрещеніямъ, и теперь вздумалъ скакать не какъ велѣно, задѣлъ ногою за камень, ударился головушкой о сыру землю и—умеръ, или, какъ поетъ пѣсня, съ бѣлъ горючимъ камнемъ повѣнчался.

Выкопали ему товарищи могилу, поставили надъ нимъ животворящій крестъ, а сами поѣхали въ Новгородъ съ печальнымъ извѣстіемъ. Мать, услышавъ про кончину Василия, раздала свое „имѣніе-богачество“ по всѣмъ церквамъ на поминоvení.

И тутъ Василию славу поютъ
И вѣки тая слава не минуетъ.

Но слава эта недобрая. „То и молодецъ—пишетъ Костомаровъ—что ничему не покоряется, ничего не боится—вѣруетъ въ одну свою силу! Хотя погибъ Василиій, да славно, честно, до конца сохранивъ свою свободу, свою мочь-силу“. Нѣтъ! не можетъ быть хорошимъ и честнымъ человѣкъ, который не признаетъ надъ собой высшаго начала, а что же имѣло сдерживающую силу надъ Василиемъ? Вѣра? Но жи-

вой корень ея былъ у него подрѣзанъ давно. Нравственный законъ? Но Василій зналъ только одинъ законъ: праву моему не препятствуй! Законъ юридическій? Но все право сосредоточилось у Василя въ одномъ его червленомъ вязѣ. „Я такъ хочу—и конецъ!“—вотъ его вѣра, нравственность и законъ. Если такіе люди „молодцы“, то избави Богъ всякую страну отъ такихъ молодцовъ. Какая разница между Василемъ и Ильей! „Въ Ильѣ нѣтъ удалства. Всѣ подвиги его степенны и все въ немъ степенно: это спокойная, непобѣдимая сила. Внутренняя тишина духа выражается и во внѣшнемъ его образѣ, во всѣхъ его рѣчахъ и движеніяхъ“¹⁾. Василій, когда идетъ по улицамъ своей залихватской походкой, подбоченясь и подпираясь на свой червленый вязъ—разступайся народъ во всѣ стороны: не то поидетъ гулять червленый вязъ по головамъ! Илья не вступаетъ въ бой безъ нужды и не хвастаетъ побѣдой никогда: инстинктивно цѣня въ каждомъ человѣческомъ достоинство, онъ не любитъ проливать крови. Василій для забавы „у кого ручку выдернетъ, у кого ножку выломить“, то и дѣло затѣваетъ драки и хвастливо кричитъ всему Новгороду: „валяться вамъ, мужики, у ногъ моихъ“. Покорный долгу Илья не на устахъ только, но въ сердцѣ своемъ носить живую вѣру въ правду Божью. Василій только формально, чисто внѣшне признаетъ высшій авторитетъ церкви, да и съ тѣмъ при случаѣ раздѣляется по-своему, такъ, какъ раздѣлялся со старчищемъ Пилигримищемъ, когда тотъ вздумалъ-было стать ему на дорогѣ. Словомъ, если признать, что Василій, этотъ нашъ русскій Алкивиадъ, есть идеалъ новгородскаго народа, то поистинѣ это идеалъ очень плачевнаго свойства.

По счастью, однако, этого нѣтъ. Утверждая это, мы отнюдь не примыкаемъ къ малообоснованному предположенію Жданова, что вторая половина быliny въ старину читалась совершенно иначе, что Василій послѣ искренняго покаянія умеръ будто бы добродѣтельнымъ посадникомъ. Въ своемъ

¹⁾ Слова К. С. Аксакова.

теперешнемъ видѣ былина, какъ художественное цѣлое, носить въ себѣ всѣ признаки внутренней достовѣрности. Но для оцѣнки идеаловъ народныхъ важны не столько выборъ предметовъ изображенія, сколько отношеніе автора народа къ изображаемому. А здѣсь не можетъ быть двухъ мнѣній. Любуясь удалью Василя, воспѣвая его „полетку соколиную, его поступку молодецкую“, былина отдаетъ только дань тому художественному чувству, которое возбуждаетъ въ насъ красота физическая, проявленіе ловкости и молодечества само по себѣ. Но нравственная оцѣнка опредѣляется употребленіемъ, которое дѣлаетъ изъ своей силы человѣкъ. Здѣсь былина безъ всякой морализаціи, столь чуждой былинной поэзіи, невольно выступаетъ противъ Василя. Замѣтите: Василій умираетъ, несмотря на то, что тщательно исполнилъ всѣ внѣшніе религіозные обряды, умираетъ, потому что вѣрить до конца только въ свой червленый вязъ и всю свою жизнь думаетъ только о себѣ. И смерть его вовсе не „честная“, а такая же безалаберная и безпутная, какою была и вся жизнь этого новгородскаго удалца. Очевидно, недовольно исполнять тщательно обряды: надо дѣлами своими оправдать истину нашей религіи, надо, чтобы вся жизнь наша была благоуханіемъ вѣры. Недостаточно быть удалымъ молодцемъ: надо направить свои силы на пользу общую, къ высшей цѣли. Въ этихъ положеніяхъ смыслъ быliny и оправданіе создавшаго ее народа: его точка зрѣнія и здѣсь, какъ во всѣхъ почти былинахъ, неизмѣнно, хотя и безсознательно, запечатлѣна высокой нравственной красотой.

XI.

Своеобразный по своему государственному укладу и свободной общинной жизни, Господинъ Великій Новгородъ отличался среди русскихъ земель и еще одной особенностью:—это было народоправство купцовъ.

Какъ торговый пунктъ, Новгородъ былъ извѣстенъ давно: въ немъ находятъ такіе же клады арабскихъ монетъ, какъ и въ старомъ славянскомъ Поморѣ, нѣмецкой Помераніи — признакъ, что уже въ глубокой древности онъ былъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ обмѣнной торговли между азіатскимъ Востокомъ и европейскимъ Западомъ. Когда историческія потемки начинаютъ разсѣиваться, мы видимъ Новгородъ въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ со Скандинавіей. Даже изъ отдаленной Фландріи и Ломбардіи заглядывали въ Новгородъ купцы. Но всего сильнѣе были торговыя связи Новгорода съ нѣмцами. Задолго до образованія ганзейскаго союза съ Любекомъ во главѣ въ Новгородѣ уже былъ особый нѣмецкій торговый домъ. По широкому водному пути изъ Невы въ Ладогу, а изъ Ладоги внизъ по Волхову то и дѣло ходили руководимыя новгородскими лоцманами иноземныя суда, нагруженныя краснымъ и зеленымъ сукномъ, пивомъ, виномъ, пергаментомъ, писчей бумагой, стекломъ, шелкомъ и металлами, о существованіи которыхъ у насъ тогда еще не подозрѣвали наши предки. А изъ Новгорода тѣ же и свои новгородскія суда выходили со льномъ, коноплею, сырыми кожами, воскомъ, а всего болѣе съ мѣхами, которые въ средніе вѣка украшали всѣхъ щеголей и щеголихъ Европы, а Новгороду доставляли наибольшее богатство. Въ Новгородѣ существовала цѣлая артель такъ называемыхъ заморскихъ купцовъ, а въ приморскихъ европейскихъ городахъ можно было нерѣдко увидѣть широкое русское лицо съ окладистой русой бородой; на Готландѣ новгородскіе купцы построили себѣ даже особую церковь.

Торговля внѣшняя предполагаетъ и внутреннюю. Дѣйствительно, цѣлую сѣть торговыхъ сношеній раскинулъ Новгородъ по всей Руси. Уже не „заморскіе“, а „низовые“ новгородскіе купцы спускались по Волгѣ, заводя связи даже съ Хивой, Бухарой и Персіей, ходили и внизъ по Днѣпру, проникали и на дальній сѣверовостокъ, собирая съ тамош-

нихъ инородцевъ дань мѣхами и свозя въ Новгородъ для заграничной торговли русское сырье. Новгороду часто не хватало хлѣба: его снабжали имъ болѣе плодородныя внутреннія области, а онъ, водообильный, въ свою очередь доставлялъ имъ рыбу. По примѣру иностранныхъ „гостей“ новгородскіе купцы для торговли соединялись въ артели, поручая себя покровительству какого-нибудь святого, которому строили сообща церковь. Церковь была и складомъ товаровъ: оттого подъ старинными новгородскими церквями сохранились такіе большіе подвалы. Иногда товары хранились даже въ нишахъ и аркадахъ самой церкви. Тамъ же сберегались и ящики съ торговыми документами и обязательствами. Словомъ, торговля была главнымъ жизненнымъ нервомъ Великаго Новгорода. Торговымъ интересомъ питалась его свобода, предприимчивость и энергія. Торговля стала и предметомъ поэтического изображенія, создавъ въ былинѣ о Садкѣ богатомъ гостѣ своеобразный типъ богатыря-купца, ибо гость не что иное, какъ богатый, или, какъ говорили въ старину, „добрый“ купецъ.

Въ настоящее время трудно представить себѣ фигуру менѣе поэтическую, чѣмъ нашъ нынѣшній купецъ. Но чѣмъ далѣе будемъ мы передвигаться въ глубь вѣковъ, тѣмъ сильнѣе измѣняется лицо торговца. Поистинѣ тройною броней должно было, по слову Горация, быть оковано сердце того, кто рѣшился первый пуститься на ненадежной лодкѣ въ открытое море и отдаться на волю вѣтрамъ. А это были прежде всего купцы. Да и на сушѣ торговля была сопряжена съ цѣлымъ рядомъ опасностей. Дорогъ не было почти вовсе. Въ каждомъ лѣсу, въ каждомъ оврагѣ, при заворотѣ дороги можно было ожидать разбойничьей засады, лишиться товара, лишиться и головы. Торговый путь изъ Новгорода въ Ганзу кишѣлъ правильно организованными разбойничьими шайками, которыхъ силу признавали даже сосѣднія государства, заключая съ ними договоры. Даже въ городахъ можно было найти охрану только въ связяхъ

частнаго гостепріимства: чужеземцы стояли внѣ покровительства государственнаго закона. Современный богатый купецъ, не выходя изъ своего роскошнаго и удобнаго кабинета, можетъ осуществить вполнѣ спокойно и безопасно сложную торговую операцію. Въ старину для торговли требовалось не только умѣніе произвести денежный расчетъ, но и предприимчивость, смѣлость, отвага, личное удалство. Купецъ былъ и удалый герой, богатырь, какимъ знаетъ его наша народная поэзія въ лицѣ Садка.

О Садкѣ—имя это происходитъ отъ еврейскаго Садокъ, Цадокъ—справедливый—какъ о богатомъ купцѣ и строителѣ церкви св. Бориса и Глѣба, упоминаетъ подъ 1049 и 1167 годами и новгородская лѣтопись, называя его Соткомъ Богатымъ, Соткомъ Сотникомъ и Садкомъ Сытиничемъ. Былина не безъ помощи бродячихъ сказочныхъ сюжетовъ и народныхъ легендъ развила изъ этого краткаго упоминевенія цѣлую исторію, въ которой, какъ отдѣльныя звенья, выдѣляются три разсказа: о томъ, какъ Садко разбогатѣлъ, какъ поспорилъ онъ съ Великимъ Новгородомъ и наконецъ какъ ѣздилъ въ Ганзу и въ благодарность за счастливое возвращеніе построилъ церковь Николѣ Можайскому, память котораго, какъ доказалъ Веселовскій, была тѣсно связана въ старину съ памятью св. Бориса и Глѣба.

Въ началѣ былины Садко—бѣдный гуслирь. Гусельки яровчаты единственное его имущество. Съ ними ходитъ онъ по пирамъ да играетъ, зарабатывая себѣ на кусокъ насущнаго хлѣба. Но деньги дѣло наживное. Было бы здоровье, умъ, охота да умѣнье, и онѣ придутъ непременно. Разъ какъ-то не позволи Садка на пиръ нѣсколько дней подъ рядъ. Закручинился Садко, пошелъ къ Ильмень-озеру, сѣлъ на бѣль-горючъ камень и сталъ выливать свою тоску, играя на гуслихъ. Услышалъ эту игру царь морской и заслушался. Полюбилась она ему и захотѣлъ онъ отплатить гуслиру „за его за утѣхи за великія, за его-то игру нѣжную“. Смотритъ Садко, а вода въ озерѣ всколебалася и вышелъ къ нему

самъ морской царь и говоритъ: „хочу тебя пожаловать за игру. Ступай въ Новгородъ и бейся объ закладъ съ купцами, что есть въ Ильмень-озерѣ рыба золоты-перья. Я тебѣ дамъ три такія рыбины, и ты будешь счастливъ“. Послушался Садко и первый же разъ, какъ его позвали на пиръ, сталъ хвастаться, что знаетъ онъ въ Ильменѣ чудотворное—рыбу золоты-перья. Ударили объ закладъ. Купцы новгородскіе поставили по три лавки товару краснаго, Садко заложилъ свою буйну голову. Но царь морской не обманулъ бѣднаго гусляра. Три раза закидывали неводъ и три раза вытаскивали золотоперую рыбу.

Тутъ купцы новгородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ все по небесному:
На небѣ солнце, и въ палатахъ солнце,
На небѣ мѣсяцъ, и въ палатахъ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, и въ палатахъ звѣзды.

Удача, счастье обогатили Садка. Такъ. Но счастье счастьемъ, а рядомъ съ нимъ сыграли свою роль и гусли, искусство Садка, его умѣнье. Безъ широкаго развитія личныхъ способностей и въ торговлѣ при свободномъ соперничествѣ интересовъ не можетъ быть удачи. Это, кажется, высказано въ былинѣ. Есть въ ней и еще одинъ намекъ. По одному изъ ея разночтеній Садко ловитъ не золотоперую рыбу, а обыкновенную, но, когда свезли наловленную рыбу на гостиный дворъ и пришли ее смотрѣть купцы новгородскіе, вмѣсто мелкой бѣлой рыбки оказались тучи мелкихъ drobныхъ денежекъ, а вмѣсто рыбы красной червонцы красные. Тутъ особенно подчеркнута выгода и значеніе для Новгорода рыбной торговли.

Ставъ именитымъ гостемъ, Садко зазвалъ къ себѣ на пиръ купцовъ новгородскихъ. Пришли къ нему въ гости даже и „настоятели новгородскіе“—самъ посадникъ и тысяцкий. Всѣ на пиру наѣдались, всѣ на пиру напивались и,

по обычаю новгородскому, похвальбами всѣ похвалялися. Одинъ Садко молчалъ. Начали и его подзадоривать и съ хмелю вырвалось у него необдуманное слово:

Чѣмъ мнѣ Садку похвалитися?
А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной.
На свою безсчетну золоту казну
Повыкуплю товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ въ продажѣ болѣе не было!

Это былъ вызовъ, брошенный ловкимъ баловнемъ удачи всему новгородскому міру. Задѣлъ Садко новгородцевъ за живое. Ударили опять объ закладъ и, какъ въ пѣснѣ о Васькѣ Буслаевѣ, начался и здѣсь опять видно привычный Новгороду бой отдѣльнаго лица съ цѣлымъ городомъ. Только Васька-удалецъ дрался осяю телѣжною, а Садко, какъ богатый гость, казною несмѣтною. Была у Садка и своя „дружина хоробрая“. Разошлись они съ дружиною по улицамъ и стали скупать товары. Скупили все: черепковъ битыхъ не осталось. Но на завтра всталъ Садко, смотреть:

Вдвойнѣ товаровъ привезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую.

Скупилъ онъ и эти товары, но на другой день глядитъ:

Втройнѣ товаровъ привезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новгородскую.

И призадумался Садко. Думаетъ: „не выкупить мнѣ товаровъ со всего свѣта; выкуплю товары московскіе, подоспѣютъ заморскіе“. И сознался тогда Садко:

Не я, видно, купецъ богатъ Новгородскій,—
Побогаче меня славный Новгородъ.

„Громада великий чоловік, — як плюне, то й пана утопить — говорять наши русскіе крестьяне изъ австрійской Галиціи. „Міръ — великъ чоловікъ“, „кто больше міра будетъ!“ „міръ за себя постоять“. Наша былина представляетъ

только художественное развитіе высказанныхъ здѣсь мыслей. Но существуетъ и другое разночтеніе ея съ совершенно противоположнымъ окончаніемъ. Побѣждаетъ не Новгородъ, а Садко, который, не найдя въ концѣ концовъ въ Новгородѣ товаровъ, скупаетъ даже валяшіеся въ „темномъ ряду“ черепки битыхъ горшковъ на забаву дѣтямъ. Разсматривая оба эти разночтенія, Костомаровъ пишетъ: „По нашему мнѣнію, оба окончанія пѣсни имѣютъ свой важный историческій смыслъ. Колебаніе между личною свободою, доходившею до владычества произвола, и между строгимъ могуществомъ общины составляетъ отличительную черту новгородской общественной жизни. Въ первомъ разночтеніи беретъ перевѣсъ первое, во второмъ другое. Немудрено, что поэтический народный геній новгородскій далъ такіе различные исходы подвигамъ своего героя“. Намъ думается, что эта нерѣшительность народа-автора въ вопросѣ о томъ, какъ окончить былинку, кромѣ несомнѣннаго отраженія мѣстной новгородской дѣйствительности, можетъ имѣть еще болѣе глубокое и болѣе общее основаніе. Жизнь всякаго человѣческаго общежитія есть результатъ постоянного взаимодѣйствія двухъ началъ: личнаго и общественнаго. Тотъ міръ, о которомъ говоритъ народъ, что онъ великъ человѣкъ, слагается изъ отдѣльныхъ личностей. Главною дѣйствующею силою въ исторіи былъ, есть и будетъ человѣкъ съ его свободной и самоопредѣляющеюся волей. Но съ другой стороны, во-первыхъ, кто же воспитываетъ людей, какъ не общество? „Среда заѣла“. Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я тебѣ скажу, кто ты“. Это обыденныя выраженія этой истины; ихъ можно слышать на каждомъ шагу. А во-вторыхъ, хотя свободная дѣятельность человѣка и опредѣляетъ движеніе жизни впередъ, но, не говоря уже о томъ, что она является здѣсь вовсе не единственнымъ двигателемъ, несомнѣнно, что человѣкъ, чтобы осуществить свою свободу на дѣлѣ, нуждается въ охраненіи ея отъ посягательствъ чужого своеволія. Можетъ

ли быть рѣчь о какой-нибудь свободѣ дѣйствія, когда на улицѣ безнаказанно хозяйничаютъ съ телѣжною осью такіе господа, какъ Василій Буслаевъ? Очевидно, что свобода человѣка въ ея собственныхъ интересахъ должна быть ограничена, чтобы не нарушать ея ничей произволъ. Эти границы опредѣляются волею всего общества, которая, устанавливая законы и карая за нарушение ихъ, тѣмъ самымъ становится на стражѣ свободы каждаго изъ насъ. Человѣкъ и общество — это двѣ силы, изъ взаимнаго колебанія которыхъ вытекаетъ большее или меньшее равновѣсіе жизни. Мы вовсе не хотимъ, конечно, утверждать, что народъ понималъ ясно эту особенность человѣческаго прогресса. Многое мы знаемъ, сами не подозревая о нашемъ знаніи. Такъ и въ данномъ случаѣ народъ безсознательно чувствовалъ на себѣ силу и личнаго и общественнаго начала и потому въ одномъ разночтеніи былины о Садкѣ отдавъ предпочтеніе одному, въ другомъ — другому, этимъ колебаніемъ очень вѣрно, хотя и мимовольно, выразивъ истинную сущность жизни, гдѣ въ вѣчной и постоянной борьбѣ человѣка и общества полная побѣда никогда не бываетъ ни за тѣмъ ни за другимъ, оставаясь — ничьей.

Послѣ богатырскаго поединка съ цѣлымъ Новгородомъ Садко столкнулся съ новою силой еще высшаго порядка — съ силой тяготѣющаго надъ людьми неумолимаго рока. Построивъ тридцать червленихъ кораблей и нагрузивъ ихъ товарами новгородскими,

Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во синє море.

Примѣчательна, скажемъ мимоходомъ, точность, съ которой опредѣленъ здѣсь обычный путь новгородской торговли съ „золотой ордой“, какъ называется здѣсь Ганзу былина. Распродавъ въ Ганзѣ свои товары и получивъ барыши великіе, двинулся Садко по синю морю обратно въ Новгородъ. Но

здѣсь-то и встрѣтилась ему неодолимая преграда. Поднялась „погодка сильная“, волны били въ корабли, вѣтромъ рвало паруса, трещали снасти, а корабли ни взадъ ни впередъ: не двигаются съ мѣста. Понялъ Садко, что морской царь требуетъ отъ него дани. Бросили въ море „бочку сороковку чиста серебра“. Не помогло. Бросили такую же бочку красна золота. Но вѣтеръ бушевалъ попрежнему. „Видно, царь морской требуетъ живой головы“, сказалъ Садко и велѣлъ бросить жеребья на сине море: чей жребій ко дну пойдетъ, тому и идти въ море. Сдѣлали жеребья—дружина вольжанные, изъ таволги, Садко на красномъ золотѣ. Пустили. У дружины жеребья гоголемъ по водѣ плывутъ, а у Садка-купца ключомъ на дно. Но все еще думалъ Садко отвертѣться отъ судьбы: велѣлъ онъ дружинѣ сдѣлать жеребья на красномъ золотѣ, а самъ сдѣлалъ вольжанный. Пустили жеребья. Старая исторія: золотые жеребья дружины держатся наверху, а вольжанный жребій Садка сразу пошелъ на дно. Ясно было, что морской царь требуетъ головы самого Садка, но не хотѣлось Садку идти въ море самому и начались новыя увертки, напоминающія рассказанную Овидіемъ исторію о спорѣ Нумы Помпилія съ Юпитеромъ. Юпитеръ потребовалъ отъ Нумы человѣческой жертвы. Нума сдѣлалъ чучело человѣка и принесъ его въ жертву. „Я хочу живой головы“, говоритъ Юпитеръ.—„Изволь, мы тебѣ дадимъ головку чеснока“. — „Но я имѣю въ виду то, что касается человѣка“. — „Отлично, мы тебѣ дадимъ кончики человѣческихъ волосъ“. Въ концѣ концовъ богъ разсмѣялся надъ изобрѣтательностью римскаго крючкотворства и дѣло уладилось къ удовольствію Нумы. Но нашъ былинный морской царь оказался неумолимымъ. Два раза еще бросалъ жребій Садко и два раза тонулъ его жребій. Пришлось уступить передъ силою неизбѣжной судьбы.

Отписавъ свое имѣніе Божьимъ церквамъ, нищей братіи и молодой женѣ, взялъ Садко гусельки яровчаты, источникъ своего богатства, сѣлъ на дубовую дощечку и приказалъ

спустить себя на море. Въ мигъ полетѣли тогда впередъ корабли червленые, „точно черные вороны“. Садко остался одинъ и „со страсти со великія“ заснулъ на дощечкѣ, а проснулся уже на днѣ синяго моря, въ палатахъ Поддоннаго царя. Приказалъ ему царь играть на гусляхъ, а самъ подъ звуки гусель пустился въ плясъ. Игралъ Садко трое сутокъ, а царь все плясалъ, не переставая.

Во синемъ морѣ вода вскобелалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣнницевъ,
Стало много тонуть людей праведныхъ.

И взмолился народъ „Миколѣ Можайскому“. Вдругъ что-то тронуло Садка въ плеча правое. Обернулся онъ, а передъ нимъ стоитъ „старецъ сѣдатый“ (это былъ самъ Микола Можайскій) и говоритъ: „перестань играть, повырывай струночки, повыломай шпенечки и скажи, что не во что тебѣ играть, а когда царь морской захочетъ тебя женить и прикажетъ выбирать невѣсту, женись на самой послѣдней изъ трехсотъ дѣвицъ — на дѣвушкѣ Чернавушкѣ. Будешь опять въ Новгородѣ“. Садко послушался, сдѣлалъ, какъ приказано, а, когда послѣ свадьбы молодые пошли въ свою опочивальню и Садко заснулъ, пробудился онъ уже въ Новгородѣ на берегу рѣки Чернавы. Ъдутъ корабли Садка изъ Ганзы, думаютъ, что везутъ скорбную вѣсть о гибели Садка, а онъ, веселый и радостный, самъ встрѣчаетъ ихъ у берега и ведетъ въ свои палаты бѣлокаменные. Тамъ жена беретъ его за руки бѣлыя, цѣлуетъ въ уста сахарныя и садятся всѣ за пиръ. Но не забываетъ Садко и о защитившемъ его святомъ угодникѣ и строить церковь Миколѣ Можайскому, отдавая по извѣстному уже намъ новгородскому обычаю свою торговлю и „богатство несмѣтное“ подъ покровительство церкви.

На всемъ этомъ яркими красками расцвѣченномъ разсказѣ лежитъ сильный отблескъ фаталистическаго міровоз-

зрѣнія. Христіанская стихія проявилась тутъ только въ слабѣ и неясномъ образѣ Миколы Можайскаго. Чѣмъ же объяснить этотъ языческій характеръ былины? Теорія заимствованій безсильна отвѣтить на этотъ вопросъ. Когда были известны только восточныя параллели былиннаго разсказа о Садкѣ, можно было еще объяснять дѣло вліяніемъ тюркомонгольскаго племени. Но позднѣе Веселовскимъ были указаны пѣсни англійскія, шотландскія, норвежскія, датскія, въ которыхъ повторялся тотъ же мотивъ. Отыскалась и христіанская легенда о св. Исидорѣ ростовскомъ, который, какъ былинный Микола Можайскій, спасъ отъ смерти купца, выброшеннаго по жребію въ море для усмиренія расходившейся стихіи. Въ старинномъ французскомъ романѣ *Tristan le Léonois* нашли лицо, которое, попавъ почти въ такое же положеніе, какъ нашъ Садко, носить и однозвучное съ нимъ имя—Садокъ. Словомъ, ясно обнаружилось, что, принадлежа одинаково Востоку и Западу, сюжетъ третьей былины о Садкѣ представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ бродячихъ международныхъ мотивовъ, которые прикрѣпляются всюду, гдѣ только найдутъ для себя подходящую почву, давая такимъ образомъ готовую почву для мѣстныхъ узоровъ ¹⁾. Но изслѣдователямъ такъ и не удалось объяснить ни мѣста зарожденія этого сюжета ни той особенной окраски, которую принялъ онъ въ Новгородѣ.

Яснѣе дѣло представляется, повидимому, съ точки зрѣнія миеологической теоріи, согласно которой наши богатырскія пѣсни создались на основѣ религіозныхъ миеовъ о древнеязыческихъ богахъ. Мы уже имѣли случай отмѣтить языческую основу въ пѣснѣ о Вольгѣ Святославичѣ и Микулѣ. Въ былинѣ о Садкѣ языческія божества являются въ ничѣмъ неприкрытомъ видѣ. Морской поддонный

¹⁾ Въ приложеніи читатель найдетъ нѣсколько параллелей къ былинѣ о Садкѣ, какъ примѣръ разнообразныхъ обработокъ одного и того же бродячаго сюжета. Такимъ образомъ каждый можетъ составить себѣ самъ понятіе о такъ называемыхъ международныхъ сказаніяхъ.

царь, дѣвица Черनावушка — прямая олицетворенія явленій природы, ясные остатки языческаго міровоззрѣнія, и, хотя В. О. Миллеръ и указалъ, что былинный морской царь болѣе напоминаетъ бога воды Ахто изъ финской Калевалы, чѣмъ нашего водяного съ его одутловатымъ брюхомъ и опухшимъ лицомъ, мифологи могли бы остаться при своемъ объясненіи. Но, признавая это, все-таки не уйдемъ отъ вопроса, почему, если даже держаться мифологической теоріи, старая основа нашихъ богатырскихъ пѣсенъ выдается особенно выпукло въ кругу новгородскихъ, а не кievскихъ былинъ. Удовлетворительный отвѣтъ на наши недоразумѣнія даетъ только историческая точка зрѣнія на былины.

Вспомнимъ, что Новгородъ былъ единственной окраиной русско-славянскаго міра, гдѣ всего долѣе гнѣздилося язычество, гдѣ пришлось насаждать христіанство ратною силой. Въ 990 г. первый русскій митрополитъ Михаилъ крестилъ новгородцевъ, а въ 992 г. при митрополитѣ Леонтіи епископу новгородскому Іоанну пришлось уже вновь сокрушать идоловъ. Когда дядя Владимира Добрыня съ тысяцкимъ Путятою, взявъ съ собою кievскую рать, пришли къ Волхову, язычники встрѣтили этихъ своеобразныхъ проповѣдниковъ христіанства тучею камней. Только хитрость Путяты, который ночью переправился черезъ рѣку и обманомъ вошелъ въ городъ, помогла сломить сопротивленіе идолопоклонниковъ. Добрыня поджегъ городъ и защищаться было нечѣмъ и негдѣ, но и тогда пришлось силою тащить новгородцевъ въ воду и надѣвать на нихъ крестъ, такъ что недаромъ сложилась поговорка: Путята крестилъ Новгородъ мечомъ, а Добрыня огнемъ. Легко вообразить, каково было христіанское сознаніе у новообращенныхъ. При такихъ условіяхъ нечему дивиться, что и богатыри новгородскіе, какъ Васька Буслаевъ, грубѣе кievскихъ и мысль народная, какъ въ былинѣ о Садкѣ, затемнена чуждыми христіанству воззрѣніями на жизнь. Былина отразила здѣсь дѣйствительность. И какъ въ исторіи христіанство въ концѣ концовъ

взяло верхъ надъ язычествомъ, такъ и въ былинѣ святой Микола Можайскій освобождаетъ Садка изъ царства поддоннаго владыки.

Такимъ образомъ былины о Садкѣ, дополняя пѣсни о Василии Буслаевичѣ, вмѣстѣ съ ними образуютъ яркую и законченную картину старой новгородской жизни.

XII.

Оба круга нашихъ былинъ—и новгородскій и кievскій—замыкаются разсказомъ о гибели богатырей. Объ этомъ существуетъ два преданія. Одно есть какъ бы распространенный на всѣхъ богатырей уже извѣстный намъ разсказъ о кончинѣ главнаго служителя русской земли, Ильи Муромца: богатыри погибаютъ, когда, отслуживъ свою службу землѣ, послѣ Мамаева побоища отправляются „въ крашень Кіевъ градъ, во тѣ во честны монастыри, во тѣ же во пещеры во кievскія“ и тамъ „преставляются“, т.-е. переходятъ въ новый, лучшій міръ. Этому разсказу соотвѣтствуетъ въ письменной словесности прочтенная Е. В. Барсовымъ въ одной ихъ соловецкихъ рукописей XII вѣка запись: „Переяславль русскій противъ Кіева за Днѣпромъ, а отъ русскаго Переяславля до Кіева бо верстъ, а тутъ богатыри кладутся русскіе, а кругъ гороища того по кладищу каменія много великаго по всполю“. Другое преданіе это знаменитая былина „О томъ, какъ перевелись витязи на святой Руси“. Являясь естественнымъ завершеніемъ всѣхъ нашихъ богатырскихъ пѣсень, эта былина и въ художественномъ отношеніи вѣнецъ народнаго творчества.

Дѣйствіе бычины переноситъ насъ на берегъ таинственной полумифической Сафать-рѣки, напоминающей библейскую Иосафатову долину Страшнаго суда. Въ этомъ мѣстѣ, которое съ одной стороны вызываетъ библейскія воспоминанія, а съ другой служить какъ бы крайней границей рус-

скаго міра, рубежомъ, гдѣ кончается Европа, а начинается Азія съ ея враждебными Руси кочевниками, собрались всѣ богатыри русской земли. Рядомъ съ Ильею Муромцемъ, Добрыней и Алешей выступаетъ здѣсь между прочими и новгородскій удалецъ Василій Буслаевичъ. Два потока русской жизни сходятся въ одинъ, точно передъ чѣмъ-то важнымъ, необыкновеннымъ объединяются всѣ концы земли. Дѣйствіе быliny открывается картиной утренней зари: было такъ на восходѣ красна солнышка.

Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ, выходилъ онъ на Сафать-рѣку, умывался студеной водой, утирался тонкимъ полотномъ, помолился чудну образу. Видитъ онъ:—

черезъ Сафать рѣку
Переправляется сила басурманская:
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетѣти.

И крикнулъ Илья своимъ удалымъ братьямъ названнымъ. Какъ сбѣгались на зовъ его витязи, какъ садились на добрыхъ коней, какъ бросались на силу басурманскую, стали силу колоть-рубить, и—изрубили силу поганую.

Но тутъ произошло нѣчто страшное и таинственное.

Стали витязи похваляться: „Не намахались наши могучія плечи, не уходились наши добрые кони, не притупились мечи наши булатные!“ И говорить Алеша Поповичъ младъ: „Поддай намъ силу нездѣшнюю—мы и съ тою силою, витязи, справимся!“

Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ;
— А давайте съ нами, витязи, бой держать!
— Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.

Не узнали витязи воителей. Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова, поднялъ онъ коня борзаго, налетѣлъ на воителей и разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча: стало

четверо и живы всѣ! Налетѣлъ на нихъ Добрыня-молодецъ, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча: стало восьмеро и живы всѣ! Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча: стало вдвое болѣе и живы всѣ. Бросились на силу всѣ витязи, стали они силу колоть-рубить. А сила все растеть да растеть, все на витязей съ боемъ идетъ. Бились три дня, бились три часа, три минуточки, намахались ихъ плечи могутныя, уходились кони ихъ добрые, притупились мечи ихъ булатные; а сила все растеть да растеть, все на витязей съ боемъ идетъ. Испугались могучіе витязи, побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры: какъ побѣжить витязь къ горѣ, такъ и окаменѣть; какъ побѣжить другой, такъ и окаменѣть; какъ побѣжить третій, такъ и окаменѣть.

Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси, заканчивается былина.

Историческая подкладка ея, признаваемая всѣми изслѣдователями, ясна. О завоеваніи Руси татарами поетъ она и такимъ образомъ примыкаетъ къ кругу югославянскихъ пѣсень о гибели болгарскаго царства, о пораженіи сербовъ на Косовомъ полѣ. Послѣ изслѣдованія профессора Дашкевича можно даже безошибочно утверждать, что въ основу ея было первоначально положено воспоминаніе о несчастной битвѣ при рѣкѣ Калкѣ. „Воинственныхъ людей—читаемъ о томъ же событіи въ лѣтописи — толико бысть побіено, яко ни десятый отъ нихъ возможе избѣжати, и Александра Поповича, и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго пояса и седмъ десять великихъ и храбрыхъ богатырей, всѣ побіени быша гнѣвомъ Божиимъ за грѣхи наши отъ татаръ“.

Но указаніе на историческую основу быliny еще не устраняетъ вопроса о ея смыслѣ. Что обозначаетъ поединокъ нашихъ витязей съ невѣдомой, таинственной, чудесно возрастающей силой неизвѣстныхъ воителей, неосторожно вызванныхъ на бой самонадѣянной отвагой Алеши Попо-

виче? На этотъ вопросъ попытался отвѣтить Шевыревъ. „Русскій народъ — писалъ онъ — этимъ глубокомысленнымъ преданіемъ объясняетъ себѣ, какъ въ древней его жизни сила тѣлесная, олицетворенная въ витязяхъ, побѣдивъ азіатскія орды, уступила силѣ духовной, которая мало-по-малу простерлась во всѣ концы земли русской. Но поэзія народа въ прошедшемъ пророчить грядущее. Такъ и въ этомъ преданіи русскій народъ сознаетъ будущее свое назначеніе, сознаетъ, что сила духа должна будетъ побѣдить въ немъ силу тѣлесную“. Это толкованіе въ первой его части, повидимому, раздѣляетъ А. Н. Веселовскій, говоря о герояхъ разбираемой былины: „Побѣдоносные въ борьбѣ съ земными врагами, они не устояли въ борьбѣ съ нездѣшной силой... Побѣжденные христіанской идеей, удалились они въ пещеры, въ горы, т.е. въ монастыри“. Шевыревъ однако далъ только намекъ на истину. Толкованіе его явно требуетъ поправокъ.

Несомнѣнно, что „нездѣшная“ сила таинственныхъ воителей—сила высшаго порядка, которая стоитъ надъ людьми, хотя и дѣйствуетъ въ каждомъ человѣкѣ, сила животворящаго Духа, сила Правды Божьей. Нѣкоторые пересказы употребляютъ прямо вмѣсто слова „нездѣшная“—„небесная“. Несомнѣнно также, что витязи—это народъ русскій во всей его совокупности. Но утверждать, что они представляютъ только одну тѣлесную его мощь,—не значитъ ли это искажать лицо всѣхъ нашихъ богатырей? Развѣ при помощи только тѣлесной силы умный и смысленный Микула съ края въ край бороздки пометывалъ, коренья, каменья вывертывалъ? Развѣ ею силенъ былъ Вольга съ его правительственной хитростью-мудростью? А что же говорить объ Ильѣ съ его чуткостью къ добру, съ его свѣтлою мощью! Даже самый низкій по своему нравственному уровню Василий Буслаевичъ—и тотъ на ряду съ крѣпостью мышцъ удивляетъ и духовными дарованіями, хотя и дурно направленными. Одинъ только Святогоръ подходитъ подъ опре-

дѣленіе Шевырева, одинъ онъ представитель стихійной физической силы, но онъ давно уже и „кончился“, уступивъ свое мѣсто младшимъ по возрасту, но высшимъ по духу товарищамъ.

Итакъ поединокъ, описанный въ былинѣ,—это не борьба Духа съ силою тѣлесной; это поединокъ двухъ силъ одного и того же порядка. Это самонадѣянный и гордый духъ человѣческій безумно возсталъ противъ источника своей и всяческой силы — Правды Божьей. Ею все живо. Она все единитъ. Стремящаяся врозь силы природы она сдерживаетъ и направляетъ къ одной цѣли. Она образуетъ ладъ, порядокъ и стройность міра вещественнаго. Она стремится внести миръ и въ область человѣческихъ отношеній. Противорѣчивыя и, повидимому, взаимно другъ друга исключаютія стремленія наши она укладываетъ въ общественное и государственное единство. Гдѣ кипитъ раздоръ и клопочетъ ненависть, она является со знаменемъ примиренія, провозглашая: каждый для всѣхъ и всѣ для каждого. И горе тому,—будь онъ отдѣльный человѣкъ или цѣлый народъ,—кто, выдѣливъ себя изъ среды всѣхъ, поставитъ личные и себялюбивые интересы своего я на первомъ мѣстѣ и скажетъ въ безумной похвальбѣ: „Подай намъ силу нездѣшную; мы и съ тою силою справимся!“ Отчуждая себя отъ общей жизни, онъ вооружаетъ противъ себя всѣхъ. Съ каждымъ мигомъ сила его противниковъ все растетъ и растетъ и наконецъ онъ безпомощно погибаетъ, какъ погибли наши былинныя витязи. Нѣтъ преградъ, которыя бы могли остановить побѣдоносное шествіе впередъ Духа жизни, Духа Божія.

Когда же былъ тотъ моментъ, въ который русскіе витязи, забывъ, что всѣ и все должно жить въ согласіи съ волей Божьей, вызвали ее на бой? Можетъ быть, такимъ моментомъ была эпоха междоусобныхъ удѣльныхъ смутъ, когда, забывая Бога и губя землю, братъ шелъ на брата, а сынъ на отца и всѣ вмѣстѣ своимъ разладомъ и рас-

прями вызвали противъ себя силу небесную, гнѣвъ Божій, наславшій на Русь татаръ.

Втапоры при Олегѣ Гориславичѣ
Засѣвались и росли однѣ усобицы.
Гибла жизнь Дажь-Божья племени
И въ такихъ крамолахъ княжескихъ
Коротали люди весь свой вѣкъ.
Втапоры-то на святой Руси
Не покрикивали пахари.
Только вороны, на трупахъ сидя, каркали,
Да слетались галки на кормы летѣть.
Было время смутное,
И князья ужъ позабыли брань на вороговъ,
А затѣмъ, что брату молвилъ братъ:
«То мое, а это вотъ опять мое»,
А невѣрные со всѣхъ концовъ съ побѣдами
Налетали въ землю русскую.

И налетѣли такъ, что черная туча закрыла солнце. Всплеснувъ, по выраженію стариннаго поэта, лебедиными крыльями, простерлась надъ всею землею нашею дѣва-обида. „Грѣхъ ради нашихъ пусти Богъ на ны поганья; и побѣгоша рускіе князи“, пишетъ дѣтописецъ. Подъ вражьими копытами земля костями была посѣяна, а кровью полита—и тугою взошелъ посѣвъ по русской землѣ.

Но и гнѣвъ Божій—Божья милость. Подъ тяжкимъ молотомъ татарскаго нашествія былъ выкованъ булатъ русской государственности, окрѣпло единство народное.

Погибли витязи въ разбираемой нами былинь, но не погибъ народъ и именно потому, что погубилъ въ пѣснѣ своихъ богатырей. Этимъ онъ—сознательно или инстинктивно—но высказалъ, что нельзя идти противъ воли Божьей, а почувствовать свою ошибку это уже значить стать на ту почву, изъ которой вырастаетъ стремленіе устроить свою жизнь по Божьи. Въ русскомъ народѣ никогда не угасала эта жажда. Доказательствомъ этому въ былинь служить между прочимъ и названіе, которое придаетъ онъ своей землѣ. *Святая Русь!* Это не самодовольное слово

похвалы, не замѣчающей своихъ недостатковъ. Это за-
вѣтная мечта, неизсякающее въ сердцѣ желаніе видѣть
Русь нашу свѣтлою, чистою, высокою. И здѣсь вступаетъ
въ свою силу толкованіе Шевырева. Былины наши раскры-
ваютъ высокій душевный строй русскаго народа, изуми-
тельно вѣрное чутье имъ истины въ самыхъ сложныхъ
жизненныхъ вопросахъ и отношеніяхъ. Но пока это только
чутье. Истина еще не владѣетъ народомъ, какъ вполне
сознанное и принятое къ руководству начало жизни. Соз-
давъ себѣ многовѣковыми страданіями крѣпкое государ-
ственное тѣло, русскій народъ долженъ теперь одухотво-
рить свою силу тѣлесную и явить міру плоды духа, про-
ведя сознательно во всѣ области жизни тѣ начала, кото-
рыя еще на зарѣ его историческаго поприща высказаны
имъ въ такой чистотѣ въ былинахъ. Это наша общая за-
дача, цѣль работы цѣлаго ряда грядущихъ поколѣній, и
указаніемъ на нее замыкаются наши былины.

ХІІІ.

Съ гибелью богатырей не пересталъ бить ключъ народ-
наго творчества. Не измѣнилось даже его направленіе.
Мѣсто былинъ заняли историческія пѣсни, но въ сущности
это тѣ-же былины, только въ нѣсколько иномъ видѣ. Бы-
лина — картина, написанная широкими мазками. Въ ней
схваченъ главный тонъ эпохи, причемъ положенное въ
основу пѣсни частное историческое событіе отъ времени,
а можетъ-быть и отъ скоморошья обработки, бываетъ
подчасъ настолько затемнено, что его трудно указать. Въ
исторической пѣснѣ оно всегда на виду. Герои былинъ,
богатыри, хотя и упоминаются глухо въ письменной исто-
ріи, но все же очень многіе изъ нихъ, и въ томъ числѣ
самый главный, Илья Муромецъ, скорѣе идеальные образы,
чѣмъ опредѣленные историческія лица. Герои историческихъ

пѣсенъ это всѣмъ намъ хорошо извѣстныя изъ исторіи личности. Въ нѣкоторыхъ былинахъ еще настолько сильна мифическая стихія, что иные изслѣдователи готовы видѣть въ богатыряхъ древнихъ русскихъ боговъ; въ историческихъ пѣсняхъ ея почти совсѣмъ нѣтъ и даже фантастическая окраска съ теченіемъ времени все болѣе выцвѣтаетъ и блѣднѣетъ: историческія пѣсни ближе къ будничной дѣйствительности, но и дальше отъ художественнаго творчества. Все рѣже и рѣже попадаются любимыя опредѣленія былинныхъ сказителей—„дружинушка хоробрая“, „тридцать молодцевъ безъ единого“, „чаша зелена вина съ полтора ведра“ и т. п. Самый стихъ пріобрѣтаетъ новый складъ и становится короче, постепенно переходя изъ стройнаго и размѣренно важнаго склада „старинушки“ въ обычный напѣвъ современной пѣсни. Суть однако та же, и историческія пѣсни это какъ бы второй томъ составленной народомъ исторіи его жизни.

Онъ открывается пѣснями о татарскомъ игѣ. Эта эпоха такимъ образомъ съ формальной стороны знаменуетъ собою какъ бы переломъ въ народномъ творествѣ. „Пришелъ Батый къ Киеву и слуги его окружили городъ и ничего не было слышно отъ скрипа его телѣгъ, отъ рева множества его верблюдовъ и отъ ржанія его коней, и русская земля была наполнена врагами“. Такъ пишетъ лѣтописецъ, а народная поэзія ему вторитъ:

Зачѣмъ мать сыра земля не погнется,
Зачѣмъ не разступится?
Отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяць, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духа татарскаго
Неможно крещенымъ намъ живымъ быти.

Эти строки взяты изъ пѣсни, носящей въ себѣ все характерныя признаки былины: мифическаго царя Калина побѣждаетъ тутъ самъ Илья Муромецъ. Но о томъ же татарскомъ игѣ рядомъ съ пѣснями-былинами встрѣчаются и самыя

настоящія историческія пѣсни. Такова пѣсня о сборщикѣ ханскихъ податей въ Твери, Щелканѣ Дуденьевичѣ. Остановимся на ней подробнѣе, а чтобы выяснить отношеніе ея къ дѣйствительности, прочтемъ соотвѣтствующія страницы въ исторіи.

„Въ 1327 году—разсказываетъ Костомаровъ—пріѣхалъ въ Тверь ханскій чиновникъ Чолканъ съ вооруженною толпой татаръ, выгналъ князя тверского Александра съ его двора и расположился въ немъ, какъ хозяинъ. Это естественно возбудило страхъ и ропотъ въ народѣ. Начали толковать, что татары хотятъ перебить русскихъ князей, управлять Русью посредствомъ своихъ чиновниковъ и насильно обращать христіанъ въ басурманскую вѣру. Татары по привычкѣ обращаться съ русскими, какъ съ рабами, дѣлали въ Твери разныя безчинства. 15 августа поднялся мятежъ противъ татаръ. По однимъ извѣстіямъ самъ Александръ возбуждалъ тверичей изъ мести за своего отца и брата, по другимъ же онъ, напротивъ, приказывалъ имъ терпѣть, но неожиданный случай произвелъ вспышку въ народѣ. Татары хотѣли отнять у дьякона Дюдка молодую и жирную кобылу. Дьяконъ сдѣлалъ кличъ къ народу, который уже прежде былъ раздраженъ наглостью татаръ. Ударили въ вѣчевой колоколъ, народъ собрался и перебилъ Чолкана и его татаръ. Только немногіе табунщики успѣли уйти и дали знать въ Орду о происшествіи.

Мщеніе было неизбежно. Князь Иванъ Даниловичъ Калита, услышавши о томъ, что сдѣлалось въ Твери, наскоро побѣжалъ въ Орду и оттуда въ званіи старѣйшаго князя шелъ съ татарами наказывать Тверь. Рать зимою вошла въ тверскую землю, жгла города, села, убивала жителей и старыхъ и малыхъ; иныхъ брала въ неволю; другіе, лишенные пріюта, замерзали. Тверская область была до того опустошена и обезлюдена, что цѣлое полстолѣтіе носила на себѣ слѣды этого погрома“.

Такъ повѣствуетъ исторія. Пѣсня о Чолканѣ начинается

не въ Твери, а у береговъ синяго Каспія, въ самомъ сердцѣ татарщины, откуда наводняли Русь сборщики ханскихъ податей, турецкіе баскаки: „А и дѣялось въ Ордѣ, передѣялось въ Большой“. Передъ нами на стулѣ золотомъ, на рытомъ бархатѣ сидитъ самъ ханъ татарскій, царь Азвякъ Тавруловичъ. Сидитъ и суды разсуживаетъ. А судъ его коротокъ: ходитъ ханскій костыль „по бритымъ тѣмъ усамъ, по татарскимъ тѣмъ головамъ, по синимъ плѣшамъ“. Въ воображеніе народное вѣзались тѣ черты внѣшняго татарскаго облика, которыя особенно поражали русскихъ, привыкшихъ къ окладистымъ бородамъ и длиннымъ, въ скобку подстриженнымъ волосамъ: бритые усы и синія плѣши татарскихъ головъ. Но и внутренній обликъ стараго татарина обрисованъ народомъ-художникомъ съ первыхъ же словъ пѣсни: среди роскоши обстановки рѣжетъ глазъ дикость нравовъ. Ханъ, размахивающій костылемъ по человѣческимъ головамъ, — живой образъ дикаго восточнаго властелина. Нѣтъ границъ его произволу и прихотямъ. Отъ ханскаго гнѣва до ханской милости одинъ шагъ. Наскучивъ размахивать костылемъ и править судъ, жалуется ханъ своихъ шурьевъ городами стольными на Руси, обдѣливъ только одного—своего любимца Щелкана Дудентьевича: онъ въ ту пору уѣхалъ за данью въ „дальнюю землю Литовскую“.

Бралъ онъ, младъ Щелканъ
Дани-невыходы,
Царски невыплаты:
Съ князей бралъ по стѣ рублевъ,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ,
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.

Вернувшись въ Орду, увидѣлъ Щелканъ, что его обошли, и сталъ просить царя Азвяка пожаловать его „Тверью ста-

рою, Тверью богатою, двумя братьями родимыми, дву удалыми Борисовичи". Но ханъ съ кровожадной жестокостью восточнаго деспота потребовалъ, чтобы Щелканъ напередъ закололъ собственноручно сына своего любимаго, крови его въ чашу нацѣдилъ и выпилъ той крови горячія. И молодой Щелканъ не задумался, „сына своего закололъ, чашу крови нацѣдилъ и выпилъ чашу тоя крови горячія“, а Азвякъ за то его пожаловалъ Тверью старою, Тверью богатою.

И въ тѣ поры младъ Щелканъ
Онъ судьбою насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую.

Но не долго онъ судьбою сидѣлъ. Не въ моготу стало отъ его судовъ народу. Тяжелы были „дани-невыходы, царски невыплаты“, но и ихъ для Щелкана оказалось мало: началъ онъ „надо всѣми наругатися, надъ домами насмѣхатися“, и принесли мужики тверскіе жалобу на него своимъ князьямъ, а тѣ собрали честные подарки и пошли къ Щелкану отъ народа съ поклономъ. Принялъ подарки Щелканъ, но чести не воздалъ князьямъ. Зачванился онъ, загордился. Не выдержали тогда князья. Одинъ ухватилъ его за волосы, а другой за ноги и тутъ его разорвали.

Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося.

Близость пѣсеннаго пересказа къ исторической дѣйствительности несомнительна. Въ исторіи Узбекъ, въ пѣснѣ Азвякъ; въ исторіи Чолканъ, въ пѣснѣ Щелканъ; въ исторіи два брата Михайловичи, въ пѣснѣ два удалые Борисовичи. Кромѣ ошибки въ отчествѣ совпаденіе полное. Легкая передѣлка на русскій ладъ именъ татарскаго хана и его любимаго баскака нисколько, конечно, не мѣшаетъ Азвяку и Щелкану быть самыми подлинными историческими лицами, Узбекомъ и Чолканомъ. Мифическаго въ ихъ обрисовкѣ нѣтъ и слѣда. Что касается самаго событія, въ которомъ эти лица играютъ роль, то и оно, несмотря на всю свою

частность, рассказано и по существу дѣла и по формѣ стиха, чуждаго всякихъ былинныхъ прикрасъ, очень близко къ дѣйствительности. Пѣснею привнесенъ въ исторію только рассказъ объ убійствѣ Щелканомъ собственного сына да окончательный стихъ, гдѣ увѣренность въ томъ, что убійство Щелкана „ни на комъ не сыскалося“, идетъ, повидимому, прямо въ разрѣзъ съ извѣстными намъ историческими фактами. Оба эти отступленія однако находятъ себѣ очень легко оправданіе въ свойствахъ художественнаго творчества и, не расходясь въ сущности съ правдою, раскрываютъ передъ нами одинъ изъ основныхъ законовъ искусства.

Прѣжде всего изъ того, что исторія ни словомъ не обмолвилась о дѣтоубійствѣ Щелкана, нельзя еще заключать, что его не было на самомъ дѣлѣ. Кто рѣшится обозначить предѣлъ дикаго произвола съ одной стороны и раболѣпнаго, безличнаго послушанія съ другой? Но если бы рассказаннаго въ пѣснѣ и не было въ дѣйствительности, изъ этого не слѣдуетъ однако, что его не могло быть, а въ этомъ вся суть вопроса. Тургеневскіе Рудины, толстовскіе Каренины и Безуховы, гончаровскіе Обломовы несомнѣнно никогда не существовали, какъ живыя лица; они — плодъ авторскаго воображенія. И однако они существуютъ и теперь въ жизни, и мы всѣ, читая эти романы, узнаемъ въ нихъ давно знакомыхъ лицъ и говоримъ про ихъ изображеніе: „какъ это жизненно и вѣрно“. Очевидно, фантазія имѣетъ свои непрекаемые права въ искусствѣ. Путемъ вымысла здѣсь достигается самая подлинная правда. Это не пустая игра словъ. Въ самомъ дѣлѣ, что имѣлъ въ виду авторъ пѣсни, внося въ нее рассказъ объ изувѣрствѣ Щелкана? Характеристику татаръ стараго времени и ихъ владычества. Ея существенныя черты: произволь и изувѣрство. Лишь бы онѣ встали передъ слушателемъ, а тамъ не все ли равно, какими частными фактами обрисованъ этотъ общій историческій характеръ? Вспомнимъ южнорусскую майскую ночь 1224 года, когда, связавъ плѣнныхъ у Калки русскихъ князей, та-

тары положили на нихъ доски и съѣли за пиръ. Кости хрустѣли и стоны несчастныхъ мучениковъ сливались съ заздравнымъ звономъ чашъ. Чѣмъ это утонченное изувѣрство лучше убійства Шелканомъ сына? Суть дѣла одна, и она выражена въ пѣснѣ чертами постепенно возрастающей силы: сперва ханъ, размахивающій костью по головамъ своихъ подданныхъ, потомъ ужасная картина сбора дани и наконецъ отецъ, выпивающій чашу горячей крови своего сына въ угоду ханской прихоти, и все это рисуетъ одно: безчеловѣчную жестокость тогдашнихъ татаръ, а что ей не было границъ, объ этомъ свидѣлствуетъ исторія. Тѣмъ, чего не было,—если признать, что Шелканъ не убивалъ своего сына въ дѣйствительности,—авторъ-народъ воспользовался, чтобы изобразить въ пѣснѣ то, что дѣйствительно было—сущность старотатарскаго характера, *смыслъ* явленія, его освобожденную отъ всякихъ случайныхъ наростовъ правду. И это ему удалось.

Искусство есть подражаніе природѣ, но отнюдь не рабскій снимокъ съ нея, не простое повтореніе дѣйствительности. Непреложная истина эта, выразившаяся и въ разбираемой пѣснѣ, чрезвычайно наглядно разъяснена Тэнью. Представимъ себѣ, говоритъ онъ, что намъ надо нарисовать чей-нибудь портретъ, а у насъ въ распоряженіи есть только небольшой кусочекъ бумаги и карандашъ. Очевидно, что мы не въ состояніи передать ни красокъ оригинала ни дѣйствительныхъ его размѣровъ: они не умѣстятся бы на клочкѣ бумаги. Намъ поневолѣ придется прибѣгнуть къ измѣненію дѣйствительности и подражать въ ней не всему, а только кое-чему. Чему же именно подражаетъ художникъ? спрашиваетъ Тэнъ и отвѣчаетъ: соотношеніямъ размѣровъ и положеній, взаимной зависимости частей. Если въ природѣ длина головы въ извѣстное число разъ меньше тѣла, то и въ картинѣ она должна быть меньше во столько же разъ. Если въ природѣ изгибъ руки находится подъ извѣстнымъ угломъ, то подъ такимъ же угломъ долженъ